

А.А.ПОТЕБНЯ

УДАРЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ
ИМ А. А. ПОТЕБНИ

А. А. ПОТЕБНЯ

УДАРЕНИЕ

ПОДГОТОВИЛА К ИЗДАНИЮ
В. Ю. ФРАНЧУК

НБ ПНУС

357616

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ — 1973

Незавершенный труд выдающегося лингвиста XIX ст. А. А. Потебни — первая в отечественном и славянском языкознании монография, посвященная вопросам акцентологии. Именно в ней выдвинута и развита идея сравнительно-исторического изучения славянского ударения, собран и обработан материал восточнославянских и южнославянских языков.

Подготовленные к изданию материалы сопровождаются вступительной статьей, примечаниями и библиографией, облегчающими пользование трудом, написанным более 100 лет назад и воспроизведенным по двум копиям.

Рассчитана на филологов — преподавателей вузов, научных сотрудников, студентов.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
К. К. Целуйко

Редакция литературоведения
и языковедения

П 0711—079
М221(04)—73 БЗ — 24—15—73

© Издательство «Наукова думка»

357616

ВОПРОСЫ АКЦЕНТОЛОГИИ В ТРУДАХ А. А. ПОТЕБНИ

Неопубликованный труд выдающегося лингвиста прошлого столетия А. А. Потебни «Ударение», со времени написания которого уже минуло 100 лет, — первая в отечественном и славянском языкознании монография, посвященная вопросам акцентологии.

Имеются сведения о том, что после смерти ученого его ученики знакомились с рукописью труда об ударении. В статье «Посмертные материалы А. А. Потебни» В. И. Харциев отмечает: «Третья [папка] включает в себе материалы об ударении в именах по склонениям, в глаголах по разрядам и формам, о влиянии предлогов на ударения и пр. Отдел об ударениях находится в более обработанном виде, чем другие»¹.

В более поздних описаниях рукописей А. А. Потебни встречается сообщение о том, что наряду с рукописью ученого существует копия, сделанная его женой М. Ф. Потебней. По заключению авторов этого сообщения, «копия во многих местах не соответствует оригиналу»², что не удивительно, так как наследие А. А. Потебни представляет огромные трудности для тех, кто им занимается. Мелкий, очень неразборчивый почерк, особенности личной орфографии, недописанные слова, многочисленные цитаты, примеры из многих индоевропейских языков своеобразного написания, присущего лишь ему одному³, —

¹ «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», Харьков, 1892, стр. 85.

² И. Я. Айзеншток и А. Н. Синявский, Описание рукописей А. А. Потебни, «Бюлетень Редакційного комітету для видання творів О. О. Потебни», ч. I, Харків, 1922, стр. 90.

³ См.: Виникнення й діяльність Комітету для видання творів О. О. Потебни, «Бюлетень Редакційного комітету для видання творів О. О. Потебни», ч. I, стр. 6.

таков далеко не полный перечень особенностей черновых набросков, оставленных ученым.

Приступив к изучению рукописного наследия А. А. Потебни в начале 60-х годов, мы обнаружили в его архиве, большая часть которого хранилась в то время в филиале Центрального государственного исторического архива УССР (Харьков), две копии труда «Ударение»¹. Оригинал труда, подобно некоторым другим рукописям ученого, исчез из архива в годы Великой Отечественной войны. К счастью, кроме несовершенной копии М. Ф. Потебни, в настоящее время существует также копия, сделанная учеником А. А. Потебни А. В. Ветуховым. Известный ученый, А. В. Ветухов принимал деятельное участие в подготовке к печати IV тома «Из записок по русской грамматике», изданного Академией наук СССР в 1941 г.

Из оставленных им заметок можно сделать вывод о том, что А. В. Ветухов завершил переписку рукописи А. А. Потебни в предвоенные годы. Однако работа по подготовке ее к изданию им не была начата. Он не использовал даже копию жены ученого, хотя в ряде случаев она могла бы быть ему полезной. Не имевшая специальной подготовки, Мария Францевна настолько хорошо знала почерк мужа, что иногда правильно прочитывала то место, которое для А. В. Ветухова оставалось неясным.

Наличие двух копий позволило воссоздать подлинный текст труда А. А. Потебни с большой долей вероятности.

Делалось это следующим образом. За основную была принята копия А. В. Ветухова. Она была сличена и в отдельных местах выправлена по копии М. Ф. Потебни. Примеры и цитаты сверялись с источниками, из которых они взяты автором.

При подготовке труда А. А. Потебни к печати все сокращения раскрыты. Слова, отсутствующие в рукописи, но необходимые для понимания текста, приводятся в квадратных скобках. На месте непрочитанных слов и букв представлены точки.

Авторский текст и примеры переведены на современную орфографию. Исключение сделано лишь для документированных примеров. Они приведены с написанием тех

¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. № 781, ед. хр. 195, 196, 197, 198.

источников, откуда взяты. К книге прилагается перечень первоисточников и грамматических трудов, использованных А. А. Потебней.

***

Среди опубликованных трудов А. А. Потебни нет специальных разысканий, посвященных вопросам акцентологии. В его трудах и письмах встречаются лишь отдельные замечания, свидетельствующие о глубоком интересе ученого к этой, в то время почти не разработанной отрасли славянского языкознания. В частности, в «Заметках о малорусском наречии» А. А. Потебня высказал мысль о том, что учение об ударении составит в будущем отдельную отрасль лингвистической науки¹.

В известной степени исключение представляет статья А. А. Потебни «О полногласии», в которой выяснение природы ряда фонетических явлений связано с акцентологией. Определенное место отведено в ней изложению основных сведений о соответствии восточнославянских ударений сербским и об отношении сербских штокавских ударений к чакавским². Эти сведения, как указывает сам автор, не являются оригинальными. Ученый позаимствовал их из малоизвестной в России книги А. Мажуранича «Slovnica hërvatska»³. Ученик А. А. Потебни Б. М. Ляпунов вспоминает, что ученый лично был знаком с А. Мажураничем и изучал сербохорватское ударение под его руководством⁴.

Исследователи отмечают, что акцентологическая терминология А. Мажуранича отличается несколько внешним характером⁵: она не столько касается самих ударений, сколько их письменных знаков, и в основном является переводом общеизвестных греческих и латинских терминов. Так, краткое нисходящее ударение, обозначаемое знаком (˘), А. Мажуранич называет сильным тяжким (jak težki),

¹ См.: А. А. Потебня, Заметки о малорусском наречии, Воронеж, 1871, стр. 10.

² См.: А. А. Потебня, Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии, Воронеж, 1866, стр. 38—46 (Перепечатано из «Филологических записок» за 1864 г.).

³ А. Мажураніć, Slovnica hërvatska, D. 1, Zagreb, 1861.

⁴ См.: «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», стр. 30.

⁵ См.: Начертание славянской акцентологии. Сочинение Романа Брандта, СПб., 1880, стр. 81 (далее — Р. Брандт, указ. соч.).

краткое восходящее (˘) — слабым тяжким (slab težki), долгое нисходящее, обозначаемое знаком акута (◌), — острым (ostri = acutus), долгое восходящее (˘) — обложенным (savinuti = circumflexus).

В трудах А. А. Потевни использованы термины *острое* и *обложенное* ударение, заимствованные из грамматики А. Мажуранича, однако этим терминам и знакам ударения, которым они отвечают, ученый придает противоположное значение. Такая замена объясняется тем, что А. Мажуранич следовал в данном случае древним хорватским лексикографам, а А. А. Потевня применяет знаки, принятые в словаре Вука Караджича, несравненно более популярном, чем словари его предшественников¹. Кроме того, вместо терминов *сильное тяжкое* и *слабое тяжкое* ударение А. А. Потевня употребляет *более тяжкое* и *менее тяжкое*.

А. Мажуранич не только определил отношения между штокавской и чакавской системами ударения, но и высказал мысль о том, что одна из них образовалась из другой. По его мнению, основной общесербской системой ударения была чакавская, свидетельством чего является сходство чакавского ударения с восточнославянским, которое могло быть только остатком общего для них прошлого. Однако А. Мажуранич не смог сделать выводов, вытекающих из его открытия, а именно: чакавское ударение, лежащее в основе штокавского и сходное по месту с восточнославянским, является, вполне вероятно, древним общеславянским или, по крайней мере, общим для южных и восточных славян.

Такое предположение, не вызывающее в настоящее время возражений, было сделано не А. Мажураничем, а А. А. Потевней и стало известно в науке в 1864 г., после опубликования его статьи «О полногласии»: «Тоническое сходство русского и сербохорватского (а вероятно, и хоруганского, и болгарского) есть такая прочная основа предположения, что Русь составляла еще одно племя с теперешними задунайскими славянами после отделения западных племен, что перед нею кажутся ничтожными основания делений Добровского и Шафарика, эти *розъ* и *разъ*, *вы* и *изъ* и т. п.

¹ См.: А. А. Потевня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 39.

Все западные наречия, за исключением малоизвестного в этом отношении кашебского (Гильф. Ост. Сл. 86, Этн. Сб. V), потеряли подвижность ударений. Наклонность к этому могла быть одним из первых признаков их отделения от юго-восточных»¹.

В последующие годы предположение А. А. Потевни было поддержано другими славянскими учеными².

Наиболее полно развил это предположение сам А. А. Потевня в труде, который остался, к сожалению, неизвестным и его современникам и позднейшим исследователям в области славянского ударения. Ознакомление с рукописью позволяет сделать вывод о том, что в этом труде ученый обращается к проблемам, поставленным им ранее в статье «О полногласии»: «Сходство русских и др. сербских ударений не ограничивается одними полногласными в русском словами: оно проходит через все склонения существительных и прилагательных, изменения по степеням спряжения, словообразования, что мы постараемся доказать в другом месте» (подчеркнуто нами. — В. Ф.)³.

В соответствии со своим замыслом А. А. Потевня изучает акцентологические явления в тесной связи с морфологией, последовательно рассматривая ударение каждой части речи. Так, в первой части труда, посвященной глаголу и его формам, прослеживаются взаимные тонические отношения настоящего времени и инфинитива, исследуется ударение в повелительном наклонении, аористе, имперфекте, причастиях и деепричастиях. Во второй части рассматривается ударение существительных и прилагательных.

Следует уточнить время написания труда А. А. Потевни. Это даст возможность определить круг научной ли-

¹ А. А. Потевня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 44—45.

² См.: P. Škřábec, O glasu in naglasu našega knjižnega jezika, «Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto). Veröffentlicht am Schlusse des Schuljahres 1870»; И. А. Бодуэн де Куртене, Бохинско-посавский говор, «Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с научной целью И. А. Б. де К. о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 гг.», Казань — Варшава — Петербург, 1877, стр. 53, 77; P. Brandt, указ. соч.

³ А. А. Потевня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 44.

тературы и первоисточники, которыми мог пользоваться ученый, и, следовательно, уяснить сведения по ударению и акцентологической терминологии, полученные им от предшественников.

Точных сведений о том, в какие именно годы создавался труд об ударении, не имеется. Косвенные данные позволяют отнести его написание к периоду между 1864 и 1880 гг. Он не мог быть написан ранее 1864 г., ибо в статье, впервые увидевшей свет в этом году, А. А. Потебня делится своим замыслом осуществить такое намерение в будущем. Позднее 1880 г. — года публикации книги Р. Ф. Брандта «Начертание славянской акцентологии» — нельзя было говорить об ударении, не упоминая об этом первом большом труде по славянскому ударению¹.

Отсутствие в труде А. А. Потебни самого термина «акцентология», широко введенного в научный обиход именно Р. Ф. Брандтом², может свидетельствовать о том, что он был создан ранее книги последнего. А поскольку в нем не упоминается ни одно научное разыскание и отсутствуют ссылки на произведения, вышедшие в свет после 1866 г., вполне возможно, что работу над ним ученый приостановил до 1870 г.

Принимая во внимание сказанное, рассмотрим работы по грамматике, которыми пользовался А. А. Потебня и которые так или иначе обусловили его подход к самой проблеме ударения и теоретические взгляды, а также источники, из которых он черпал основные сведения об ударении в том или ином славянском языке.

Начало сравнительному изучению ударения в индоевропейских языках было положено трудом основополож-

¹ Общепризнанно мнение о том, что именно Р. Ф. Брандт одним из первых заинтересовался вопросами новой отрасли славянского языковедения — учением об ударении, а его «Начертание славянской акцентологии» далеко опередило зарубежную славистику (БСЭ, т. VI, 1951, стр. 51; Z. Gołąb, A. Hejz, K. Polański, Słownik terminologii językoznawczej, Warszawa, 1968, стр. 666).

² Как отмечает Р. Ф. Брандт, это слово придумано не им, однако он не может точно указать, откуда оно заимствовано. Интересно, как ученый отстаивает термин, не вызывающий теперь какого-либо возражения: «Также название, которое я придаю разрабатываемой мною науке, — *акцентология* — иному покажется странным или даже уродливым; но, по-моему, порицать это слово, и подобные ему *социология*, *лингвистика*, за смешанный, полулатинский, полугреческий состав есть ученый педантизм» (Р. Б р а н д т, указ. соч., стр. 11).

ника сравнительной филологии Ф. Боппа «Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Ubereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen» (Берлин, 1854). Именно в этом труде впервые установлено родство в ударении древнегреческого языка и санскрита. Ф. Бопп доказал также, что некоторое сходство с ударением этих языков имеет литовское и первичное славянское ударение. Обобщающих работ по сравнительной акцентологии славянских языков в то время еще не было. Как уже отмечалось, впервые подобный труд появился в 1880 г. и принадлежал Р. Ф. Брандту. Не было работ и по ударению одного какого-либо славянского языка. Необходимый минимум сведений об ударении той или иной части речи А. А. Потебня мог получить лишь из грамматик.

Данные по русскому языку он черпал из грамматики А. Х. Востокова — ученого, впервые по-научному обратившего внимание на существование в русском языке слов с подвижным ударением. Однако А. Х. Востоков, выделив науку об ударении в самостоятельный раздел грамматики, получивший название «Слогоударение», отметил, что раздел этот, по сути, еще не разработан: «Который же именно слог должно произносить с ударением, сему научаемся из употребления и из словаря, потому что не приискано еще на то определенных правил»¹. Правда, как видно из слов, приведенных выше, А. Х. Востоков не сомневался в том, что такие правила со временем будут установлены.

Продолжатель же его дела Г. П. Павский не интересовался ударением. В своих «Филологических наблюдениях» он иногда отмечал случаи закрепления ударения за определенными слогами или окончаниями, однако касался этих вопросов лишь бегло.

Более систематично занимался изучением русского ударения акад. Я. К. Грот. А. А. Потебня мог использовать три статьи Я. К. Грота, напечатанные в 1853—1860 гг.²

¹ «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная», СПб., 1831, § 183.

² Я. К. Грот, Замечания о спряжении русского глагола, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I, СПб., 1853; его же, О глаголах с подвижным ударением, там же,

Самому автору этих статей изучение ударения представлялось делом трудным и крайне неблагоприятным. Поэтому он сознательно ограничил свое исследование, поставив целью не определение законов ударения, а лишь решение вопроса: есть ли в русском языке возможность определить эти законы или они до такой степени неощутимы, неуловимы, что открыть их невозможно¹. Не случайно, оценивая достижения своих предшественников в области отечественной акцентологии, А. А. Потебня вынужден был отметить: «Оба эти ученые [А. Х. Востоков и Я. К. Грот] имеют в виду один только русский литературный язык и, указывая на факты, не вдаются ни в какие исторические объяснения, так как ударения в древнем русском языке до памятникам пока неизвестны»² (стр. 164 данной работы, далее — только стр.).

Наблюдения над русским ударением ученых-грамматистов А. А. Потебня дополнял данными словарей. В то время уже вышли из печати «Опыт областного великорусского словаря», подготовленный Академией наук (1852 г.), и первое издание словаря В. И. Даля (1863—1866 гг.). Высоко оценивая эти лексикографические труды, А. А. Потебня все же отмечает, что они «как материал для грамматики далеко не удовлетворительны. Наши словари, не исключая далевского, как склады грамматических сведений не удовлетворяют самым умеренным требованиям: в них не показываются ни особенности изменений слов по склонениям и спряжениям, ни изменения ударений» (стр. 21).

Если в 60-х годах прошлого столетия изучение русского ударения находилось в зачаточном состоянии, то исследование ударения других восточнославянских языков (украинского и белорусского) даже не было начато. Заложить основы научного изучения украинского ударения было суждено А. А. Потебне — к тому времени уже известному ученому, автору книги «Мысль и язык» (1862 г.), получившей всеобщее признание. Лишь по непонятной случайности

т. III, СПб., 1856; его же, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858; т. VIII, вып. 5, 1860.

¹ Его же, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858, стр. 163.

² В последнем варианте предисловия эта оценка опущена.

труд А. А. Потебни оставался неизвестным до последнего времени, что в значительной степени задержало развитие отечественной науки об ударении.

Исследователям украинского языка и украинского ударения ученый дал «прекрасное издание сочинений малорусского писателя Г. Ф. Квитки (Харьков, 1887 и 1889 г.) с соблюдением ударений и тех местных особенностей харьковского говора, которые были совершенно стерты в петербургском издании Кулиша 1858 г.»¹. В письме к В. Ягичу от 27.IV 1887 г. А. А. Потебня обстоятельно рассказал о своей работе над этим изданием: «Теперь редактирую Малороссийские повести Квитки, сочинения коего, ставшие редкостью, по-моему, имеют первостепенное значение для изучения малороссийского языка и прежнего быта. Особенность и для редактора трудность настоящего издания, кроме восстановления первоначального текста, испорченного П. А. Кулишом, состоит в том, что я ставлю два ударения: ' (по-старинному оксию) на синтаксически подчиняющих членах речи и `варию на членах подчиненных, напр.: «не займі́ — менѣ, мій батеньку, не займѣть тебе лихая година». Собственно, тут двух ударений мало, но боюсь, что и при них издание будет недовольно исправно (напечатано 15 листов). Понятно, что малорусский язык в упомянутом отношении во многом не отличается от других, но кое в чем он отличен»².

Особое внимание А. А. Потебни к неизученному в то время украинскому ударению вполне объяснимо. Ученый, которого привлекали прежде всего вопросы исторической эволюции, как в общих ее линиях, так и в индивидуальных, частных языковых фактах³, не представлял себе изучение русского языка в отрыве от украинского. Для него они были наречиями единого общерусского языка: «Но литературный русский язык и великорусские говоры не составляют всего русского языка. И здесь, как при решении других вопросов русской грамматики, нельзя обходить безнаказанно малорусского наречия» (стр. 21).

¹ «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», стр. 29.

² «Олександр Опанасович Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження», К., 1962, стр. 89.

³ См.: Л. А. Булаховский, Александр Афанасьевич Потебня (К шестидесятилетию со дня смерти), К., 1952, стр. 9.

Приступая к изучению украинского ударения, А. А. Потебня вынужден был собирать материал по крупицам из самых различных источников.

Как известно, работа по нормированию украинского литературного ударения фактически начинается с зарождения лексикографии на Украине. Особенно ценный материал для исторической акцентологии содержит «Лексикон» Памвы Беринды, в котором довольно последовательно проставлены ударения. Процесс нормирования ударения в украинском литературном языке отражен в ряде художественных произведений того периода, в который создавался его фундамент, включая и систему ударения, в частности, в произведениях Г. Ф. Квитки-Основьяненко и П. А. Кулиша, И. П. Котляревского и Е. П. Гребенки. А. А. Потебня использовал также материалы по украинской акцентологии, содержащиеся в сборниках народного творчества (изданы А. Л. Метлинским, Н. И. Костомаровым, М. Т. Номисом) и самостоятельно сделанных им фольклорных записях. Таким образом, украинский фольклор наряду с произведениями литературы стал одним из основных источников его труда. Основой же украинской части труда А. А. Потебни, его акцентологической базой является превосходное знание ученым родного языка, богатая языковая практика, на которую он ссылается постоянно. Ср., например, следующее высказывание автора: «В малорусском приведенные глаголы с ударением на характере или неупотребительны вовсе, или не имеют причастий, однако от малоросса, мало знакомого с литературным языком, можно услышать: *просвѣщена, побѣждена, покорена, усьновлен* и т. п., так как вообще ударение *-ѣн, -ѣна, -ѣно* почти чуждо малорусскому» (стр. 103).

Творчески сочетая данные письменных источников с собственным опытом, А. А. Потебня за несколько десятилетий до выхода в свет Словаря украинского языка Б. Д. Гринченко засвидетельствовал ударение большого количества украинских слов, более того — попытался установить правила перенесения их ударений. Например:

«В малорусском переносят ударение на второй и третий слог во множественном числе:

а) Весьма немногие с одной согласной перед *-а*: *баба* — *бабі* — *баб* — *бабам* — *бабамі* — *бабах*; *світа* — «у *світтах*» (Кв.-Осн., I, 114).

б) Многие с двумя и тремя согласными перед окончанием именительного падежа единственного числа: *скірта* — *скіртій*, *плэхта* — *плэхтій* — *плэхот* — *плэхтам* — *плэхтамі* — *плэхтах* (но *кріхта*, множественное число *кріхти* — «*кріхот*» (Кв.-Осн., I, 71); *цѣрква* — *цѣркві* — *цѣркѡв*; *крѡква* — *крѡкві*; *мѡрка*; *шабля* — *шаблі* — *шабѣль* — *шаблям* — *шаблях*; *пісні* — *пісѣнь* и пр.; *відьмі* — *відьбѡм*, но «*відем*» (Кулиш, II, 42); *балкі*, *банькі*, *брівкі*, *дошкі*, «до шапок *квітки*» (Кв.-Осн., I, 9); *ворожкі*, *дорожкі*, *скринькі* (см. ниже трехсложные с ударением на предпоследнем); *качкі*, *молькі*, *голки*, *жерткі*, *низкі*, *мискі*, *ложкі*, *дѣжки*, *гречкі*, *стрічки*, *хусткі*, *шпилькі*, *жінкі*, *тріскі*, *скалки*, *віжкі*, *сваткі*, *піскі* — *пісками*, *мамкі*, *нянькі*. Однако: «*хмаркі*» (Кв.-Осн., II, 8); «*ніток*» (ibid. I, 34); *дѣмки*, *дружки* (от *дружка*; от *дружко* — *дружкі*), *ласки*, *ряски*; как будет от *пѣтря*, *пѣтря*, *сѣрга*, *чѣрга*, *грѣбля*, *капля*, *крѡпля*, *сѡпля*, *правда*, *дѡвбня*, *вѣшня* (вѣшень); *служба*, *прѡзьба*, *грѡзьба*, *вовна?*» (стр. 121—122). Благодаря огромному собранию акцентологического материала труд А. А. Потебни в наше время является ценным источником для изучения украинского ударения середины XIX ст.

В этот период наибольшей обстоятельностью отличались исследователи сербохорватского ударения. Хотя специальных работ, посвященных акцентологии, не было еще ни у сербов, ни у хорватов, в ряде учебных пособий детально освещалась система сербохорватского ударения.

А. А. Потебня особенно ценил упомянутую выше грамматику А. Мажуранича, учебник Даничича «Облици српског језика» (1863 г.), его статью «Српски акценти», напечатанную в сборнике «Гласник друштва српске словесности» (књ. VIII, 1856), и «Српску граматику» В. Вуича (1863 г.). И у сербов, и у хорватов существовала также богатая лексикографическая традиция. Сербохорватская лексикография имела не только второе издание (1852 г.) прекрасного труда Вука Караджича «Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима», но и ряд других менее известных словарей.

Иначе обстояло дело с болгарским языком. В первоначальном варианте вступления к публикуемому труду имеются строки, свидетельствующие о том, что вначале А. А. Потебня вообще не собирался привлекать болгарский язык к сравнению: «Вопрос об ударениях в настоящее время,

сколько мне известно, может быть сведен на историческую почву единственно только сравнением русских наречий между собой и с ближайшими к ним живыми славянскими наречиями, именно задунайскими главным образом. Из этих последних я беру сербохорватские, так как для изучения болгарского и хорутанского в тоническом отношении имеется слишком мало пособий» (стр. 165). Хотя изучение болгарского ударения за тот период, пока А. А. Потебня работал над монографией, не продвинулось вперед, однако отношение ученого к этому вопросу все же изменилось. В окончательном варианте вступления хотя и отмечалось относительное богатство пособий по изучению тонического строя сербохорватского языка, не отбрасывалось совсем и болгарское ударение. Более того, было подчеркнута намерение автора сравнивать данные восточнославянских языков не только с сербским, но и с болгарским языком.

В самом труде А. А. Потебни это намерение отразилось несколько своеобразно. В части «Ударение в склонении», композиционно занимающей второе место, вообще не упоминается болгарское ударение. Зато в части «Ударение в спряжении», являющейся в соответствии с замыслом автора первой, болгарский материал использован довольно последовательно, но представляет собой как бы дополнение к написанному ранее. По нашему мнению, в этом случае возможно следующее объяснение. Вначале материал по болгарскому ударению отсутствовал вообще. Переписывая свой труд, А. А. Потебня несколько изменил вступление, что отражало изменение его отношения к данным болгарского языка, и начал приводить болгарские примеры в конце разделов, иногда сопровождая их необходимыми пояснениями. По-видимому, ему удалось переписать начисто лишь первую часть, и в «Ударение в склонении» болгарский материал не попал вообще.

Из грамматической болгарской литературы А. А. Потебня использовал очень несовершенную «Grammatik der bulgarischen Sprachen» братьев Цанковых (1852 г.) и «Главные вопросы языка новоболгарского» — исследование русского ученого П. Бессонова, вышедшее в свет в 1855 г.¹ Из лексикографических трудов им был использован слова-

¹ П. Бессонов, Главные вопросы языка новоболгарского, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21, М., 1855.

рик, приложенный к грамматике Цанковых. Хотя известно, что в его руках находилось начало¹ (буквы А, Б и В до **вѣкам**) «Болгарского словаря» Н. Герова, но насколько прибегал А. А. Потебня к этому словарю, сказать трудно. Солидный лексикографический труд И. А. Богорова «Българско-френски рѣчник», изданный в Вене в 1871 г., в монографии А. А. Потебни не использован совершенно. Это еще раз свидетельствует о том, что в 1871 г. А. А. Потебня уже не возвращался к работе над рукописью. Компенсируя недостаток лексикографических сведений, А. А. Потебня привлекает к рассмотрению болгарскую лексику, отобранную им в изданных в 1855 г. П. Бессоновым акцентированных «Болгарских песнях из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар»².

Собранный большой материал помог ученому вести исследование славянского ударения в сравнительном плане, углубляя его исторический аспект. Разумеется, исходным при этом было ударение восточнославянское. Как отмечает А. А. Потебня, сравнение восточнославянского ударения с сербским и болгарским «дает возможность относить одни из явлений русской акцентуации к общеславянскому периоду, другие — к более позднему и позднему времени — одним словом, наметить главные черты истории славянского слогаударения» (стр. 23).

С помощью сравнительно-исторического метода, т. е. сопоставления свидетельств восточнославянских, других славянских и некоторых индоевропейских языков (литовский, санскрит), А. А. Потебня смог сделать ряд открытий, которые, к сожалению, вошли в науку значительно позднее и под другими именами. Приведем несколько примеров.

В 1905 г. появилась статья Л. Л. Васильева «Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -ль»³. На большом количестве примеров из русских памятников XVI—

¹ Опубликовано в третьем томе «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», где помещена и использованная А. А. Потебней статья Я. К. Грота «О глаголах с подвижным ударением».

² П. Бессонов, Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21—22, М., 1855.

³ Журнал Министерства народного просвещения, ч. CCCLX СПб., 1905, стр. 464—469.

XVII ст. автор проследил явление подвижности ударения действительного причастия прошедшего времени в русском языке. В соответствующем разделе монографии А. А. Потебни «Причастия прошедшего времени действительные на -ль» привлечен для исследования более широкий материал. Соответственное явление русского языка прослеживается в сравнении с языком сербским. Для сравнения привлекаются также отдельные факты болгарского языка. Украинский язык здесь, как и в других частях монографии А. А. Потебни, органически входит в исследование. Поэтому такими обоснованными представляются выводы ученого о том, что «малорусское наречие здесь новее великорусского» (стр. 95). Речь идет об украинских причастиях, которые переносят ударение на конечный слог не только в женском роде единственного числа, но и в среднем роде, а также во множественном числе, — таких, как *дав — дала — дало — дали*. Ср. русск. *дал — дала*, однако *дало — дали*. Древность соответствующего явления в русском языке подтверждается сравнением с языком сербским: *дали — дао — дала — дало — дали*. Ведь острое ударение (*дала*) на предпоследнем слоге в сербском языке соответствует русскому на последнем (*дала*). В среднем роде и во множественном числе циркумфлексное ударение (°) падает на тот же слог, что и в русском языке. Намного полнее у А. А. Потебни и морфологическая характеристика подвижности ударения причастий на -ль. Разновидности перехода ударения связываются с образованием причастий от глаголов разных разрядов; разработана стройная схема, по которой все причастия распределяются на имеющие одинаковые ударения во всех трех родах и обоих числах и на имеющие разное ударение.

Отметив, что болгарский язык дает ценные указания относительно места древнейшего славянского ударения, Л. А. Булаховский в докладе на IV Международном съезде славистов подчеркнул сравнительно-историческое значение ударения болгарского глагола. Кроме всего прочего, оно определяется той особенностью, что в формах настоящего времени изъявительного наклонения сравнительно с древнейшим состоянием произошло, очевидно, почти полное «уодноображенье» по ударению 2-го лица единственного числа, напр.: *кажа* (ср. укр. *кажу: кажеш*), *боря се* (ср. русск. *борюсь: борешься*); *пїша* (русск. *пишу: пишешь*); *возя* (ср. русск. *вожу: возишь*), *кѣрмя* (ср. русск. *кормлю:*

кормишь); *моля* (ср. русск. *молю: мблишь*); *хваля* (ср. русск. *хвалю: хвалишь*) и т. п.¹

В русском языке факт перехода ударения с конечного слога глаголов в 1-м лице единственного числа настоящего времени на предыдущий во 2-м лице засвидетельствован уже «Русской грамматикой» (§ 186) А. Х. Востокова, который впервые ввел в употребление термин «подвижное ударение». Я. К. Грот обратил внимание на то, что А. Х. Востоков рассматривает это явление не при изучении глагола, а в разделе об ударении, являющемся последней частью его книги. Я. К. Грот отметил, что и впоследствии этот вопрос оставался недостаточно изученным: «Хотя другие лица (глагола. — В. Ф.) часто отличаются от 1-го местом ударения, но в грамматиках не находим указаний, чем нужно руководиться в изменениях ударений»². Исходя из явления, составляющего особенность восточнославянских языков, А. А. Потебня рассматривает его в сравнении с данными болгарского и сербского языков. Он приходит к выводу, который подтвердили в наше время исследования Л. А. Булаховского, что подвижность ударения древнее неподвижности, а свойственное южнославянским языкам уподобление ударения 1-го лица ударениям последующих лиц единственного числа — шаг к его неподвижности (см. ед. хр. 198, л. 23 об).

До сих пор много неясного остается в истории ударения прилагательных. В трудах Л. А. Булаховского³, Е. Куриловича⁴ и Х. Станга⁵ высказывается предположение о том, что ударение членных прилагательных опирается на ударение соответствующих нечленных форм и что сложилось оно в процессе слияния именной и отместоименной основы в местоименном склонении прилагательных, возможно, уже на почве отдельных славянских языков.

¹ См.: Л. А. Булаховский, Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы, М., 1958, стр. 34.

² Я. К. Грот, Замечания о спряжении русского глагола, стр. 391.

³ Л. А. Булаховський, Порівняльно-історичні коментарі до українського наголосу, «Наукові записки КДУ», т. XI, вип. IX, Філологічний збірник, № 4, 1952, стр. 61—74.

⁴ J. Kurjowicz, L'accentuation des langues indo-européennes, Kraków, 1952, стр. 270 и далее.

⁵ Ch. S. Stang, Slavonic accentuation, Oslo, 1957, стр. 100—104.

Убедительные доказательства в пользу этого предположения, извлеченные из наблюдений над материалами украинского, русского и сербского языков, содержатся в разделе «Ударение прилагательных» А. А. Потебни. Глубокое проникновение в проблему происхождения членных прилагательных¹ 100 лет тому назад позволило этому выдающемуся специалисту в области славянских языков впервые рассмотреть ударение прилагательных в сравнительном плане. Как и во многих других вопросах языкознания, А. А. Потебня и здесь оказался предшественником ученых, обращающихся к этой проблеме в наше время.

Сообщение об акцентологических трудах А. А. Потебни было бы неполным, если бы мы не учли и того, что было сделано им в этой области впоследствии. В этом плане особое внимание привлекают акцентологические изыскания ученого, которые должны были войти в четвертый том «Из записок по русской грамматике».

Рассматривая склонение существительных, А. А. Потебня отмечает, что в русском языке существительные мужского рода сохраняют старинное окончание двойственного числа -а, которое почти всегда отличается ударением от собирательной формы. Те имена существительные, которые в родительном падеже единственного числа имеют ударение на первом слоге, сохраняют это ударение в двойственном числе (два глаза, оба берега) и переносят его на конечное -а в собирательной форме (глаза, берега). Последняя в современном русском языке принимается за именительный падеж множественного числа. Существительных, изменяющих ударение именительного падежа в родительном падеже (рукав—рукава) и не отличающих двойственного числа от собирательной формы, в русском языке немного. Чаще имена существительные с ударением в родительном падеже на последнем слоге имеют собирательную форму не на -а, а на -ья. Например, *клок—кlocká—два klocká*, но *кlockья*. В украинском языке мужской род сохраняет окончание двойственного числа при числах *два—четыре* как исключение. Обыкновенно

¹ См.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, М., 1968, глава «Происхождение имени прилагательного»; см. также оставшуюся неизвестной до последнего времени его же статью «Образование и значение определенных прилагательных» («Мовознавство», 1967, № 3).

оно заменяется окончанием множественного числа: *два соколи, три сини, чотири дуби*.

Чтобы выяснить значение ударения во множественном числе, ученый обращает внимание на тонические условия образования именительного падежа множественного числа. Рассмотрев состав слов мужского рода, которые принимают в именительном падеже множественного числа окончание -а, он приходит к выводу, что ударение в окончании -а вместе с самим этим окончанием означает не просто множественность, а множественность собирательную. Ср. *поводы* и *поводá*, *образы* и *образá*. И хотя окончание -а, независимо от ударения, само по себе способно выражать собирательность, но без ударения оно не могло быть употреблено для этой цели в именительном падеже рассматриваемых существительных мужского рода, так как в этом случае смешались бы формы родительного падежа единственного числа с именительным падежом множественного числа.

В трудах А. А. Потебни по морфологии было снято противоречие между акцентологией и исторической грамматикой, на которое уже в нашем столетии обратил внимание известный польский языковед Е. Курилович. По мнению последнего, проблемы истории ударения остались вне поля зрения исследователей и потому, что при освещении вопросов морфологии возможно полное абстрагирование от акцентологии: «Нельзя исследовать ударение без учета морфологического строения слова, но детальное описание грамматики, как это уже показала практика, вполне возможно без описания ударения»².

Рассмотрение труда А. А. Потебни свидетельствует, что именно он еще в 60-е годы прошлого столетия впервые в славянском языкознании выдвинул и развил идею сравнительно-исторического изучения славянского ударения, собрал и обработал акцентологический материал восточнославянских и южнославянских языков. В частности, заслугой ученого следует признать морфологический критерий в акцентологии — критерий, который спустя некоторое время стал (правда, независимо от А. А. Потебни) краеугольным камнем акцентологической теории Е. Куриловича.

¹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. № 781, ед. хр. 171, л. 65.

² J. Kuryłowicz, Do metodyki badań akcentowych, «Esquisses linguistiques», Wrocław — Kraków, 1960, стр. 233—234.

А. А. Потебню в наше время называют «творцом оригинальной теории общего языкознания, напоминающей положения современных языковедческих направлений, так называемого структурализма»¹.

В ударении ученый также видел системность языка, но он изучал ударение не как отдельную систему, существующую саму по себе, а в ее связях с морфологией и словообразованием. По его мнению, противопоставления, факты семасиологизации этих противопоставлений, механизм их влияния играют важную роль в общей системе языка (грамматика, лексика). Связав акцентологию с морфологическими явлениями, А. А. Потебня по существу стал предшественником современного учения об ударении.

Хотя в целом акцентологию А. А. Потебни нельзя назвать структурной, в ней имеется немало элементов, которые могут быть с успехом использованы для развития этой важной области лингвистики.

В. Ю. Франчук

¹ Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, Słownik terminologii językoznawczej, стр. 699.

ВСТУПЛЕНИЕ

Русской грамматике еще весьма далеко до цели, намеченной Востоковым слогоударению как части грамматики, именно до возможности показать, на котором слоге (двух-сложного или многосложного слова) должно быть ударение.

Прежде всего, конечно, нужно собрать факты. Относительно современного литературного языка и великорусских наречий это отчасти исполнено¹.

Но литературный русский язык и великорусские говоры не составляют всего русского языка. И здесь, как при решении других вопросов русской грамматики, нельзя обходить безнаказанно малорусского наречия. И в тоническом отношении русские наречия, при сходстве в большинстве случаев, заметно различаются между собой. И здесь языкознанию предстоит возвести наличное разнообразие к общерусскому, общеславянскому, летто-славянскому, арийскому единству.

¹ Востоков, Русская грамматика (пространная, изд. 2-е); акад. Грот, Замечания о спряжении русского глагола (в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I) и О глаголах с подвижным ударением (ibid., т. III).

Наблюдения этих ученых могли бы быть дополнены при помощи словарей; как Областной великорусский словарь, изданный Академией, так и Словарь Даля отмечают ударение одной, много двух форм склоняемого или спрягаемого слова, чего недостаточно. Вообще эти важные во многих отношениях труды как материал для грамматики далеко не удовлетворительны. Наши словари, не исключая далевского, как склады грамматических сведений не удовлетворяют самым умеренным требованиям: в них не показываются ни особенности изменений слов по склонениям и спряжениям, ни изменения ударений. Во множестве случаев ни до того, ни до другого человек не додумается, если не знает; а не знать множества формальных и тонических особенностей русского языка, столь сложного по входящим в него стихиям и трудного в формальном и тоническом отношениях, — простиительно даже хорошо образованному русскому.

Лишь этим путем можно дойти до познания системы русских ударений. Пока нечего говорить о системе, потому что мы лишь предполагаем ее существование.

Одним из важнейших средств для исторического изучения русской акцентуации должно бы быть сравнение ее в современном виде с акцентуацией древних русских и старославянских памятников, если бы они были известны. «Но, — говорит акад. Грот, — в древнейших церковнославянских списках евангелия (и, — прибавим, — сколько известно, в древних памятниках русской письменности) ударения вовсе не означены, они начинают появляться не прежде, как в XV и XVI столетиях»¹.

Знакомство с акцентуацией памятников XV, XVI вв., без сомнения, весьма важно, так как даже в новопечатных церковнославянских книгах сохранились черты глубокой древности. Но, во-первых, знакомство еще почти что не начиналось и приступить к нему могут лишь немногие, имеющие возможность пользоваться неизданными памятниками, во-вторых, в большинстве случаев оно не поведет исследователя дальше того времени, когда русский язык уже распался на наречия.

Гораздо доступнее и надежнее в настоящем случае другое средство — именно сравнение слогуударения в русском языке и живых славянских наречиях, литовском, санскритском. Из славянских наречий западные потеряли разнообразие и подвижность ударения, свойственную русскому языку: в чешско-словацком и лужицких ударение падает на первый слог слова; в польском — на предпоследний; полабский отклоняется по ударению от польского, но в этом отношении мало известно. Из задунайских для нас наиболее важно сербское, как по древности своего тонического строя, так и по относительному богатству пособий для изучения его. Затем следует болгарское и, наконец, наименее известное со стороны слогуударения — хорутанское.

Сравнение русского языка с сербским уже дало один положительный и важный результат, доказавши существование в древнем русском языке количественного различия гласных и его связи с ударением в словах полногласных в русском языке; сравнение с сербским и болгарским, как уви-

дим, дает возможность относить одни из явлений русской акцентуации к общеславянскому периоду, другие — к более позднему и позднему времени — одним словом, наметить главные черты истории славянского слогуударения. Путь к такому сравнению указан частью русскими учеными, частью г. Мажураничем.

Несравненно труднее сравнение русского слогуударения с литовским и санскритским, которые, как доказано Боппом, во многом сходны с греческим. Уместность такого сравнения указана Боппом. Ему же принадлежит, между прочим, важное наблюдение, что в русском и литовском, как и в санскритском, есть тоническая разница между так называемыми им сильными и слабыми падежами.

¹ Я. К. Грот, О глаголах с подвижным ударением, стр. 344 и далее.

Приводимые ниже данные об ударениях в сербохорватских глаголах заимствованы из словаря Караджича, из Мажуранича «Slovnica hrvatska», 1861 г., и отчасти Даничича «Облици српского језика» (Београд, 1863 г.) и Вуича «Српска граматика» (Београд, 1863 г.). Основные сведения о соответствии русских ударений сербским и об отношении сербских штокавских ударений к чакавским изложены мною в статье «О полногласии».

Мы рассмотрим сначала взаимные тонические отношения настоящего времени и неопределенной формы, а затем — ударения в повелительном наклонении, причастиях и деепричастиях.

I. УДАРЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЕ

§ 1. РАЗЛИЧИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ

В великорусских наречиях и современном литературном языке в настоящем времени ударение может неизменно оставаться во всех лицах на первом, втором или третьем слоге, считая от начала, или же стоять на последнем слоге в 1-м лице единственного числа и переходить на предыдущий слог во всех остальных лицах обоих чисел. В последнем случае ударение называют подвижным. Переход ударения с конечного слога 1-го лица единственного числа на предыдущий слог в остальных лицах почти в той же мере свойствен (отклонения малорусских ударений, как *можу*, *виношу* и т. п., будут указаны ниже) и малорусским говорам, не подчиненным влиянию польской акцентуации, по об-

щему правилу, если во 2-м и 3-м лице единственного числа настоящего времени ударение стоит на последнем слоге (не считая потерянного на конце еря), то в 1-м и 2-м лице множественного числа оно передвигается на следующий слог, т. е. на окончание **-мо** и **-те**.

Таким образом, великорусские *ведём* — *ведёте* соответствуют малорусским *ведем* — *ведете*. Правило это во 2-м лице множественного числа до сих пор соблюдается и в церковных книгах не только южной, но и северной печати. Не могу решить, было ли такое ударение занесено на север юго-западным духовенством в XVI—XVII вв. или же и до этого времени и на севере оно сохранялось в церковных книгах. Церковнославянские *соблюдитё*, *творитё*, *поститёся* (однако *пиётё*, *облечётёся*, *печётёся*), *даётё*, *зоветё*, *держитё*, *убъжитё*, *стоитё*, *мнитё*, *спитё*, *разрѣшитё*, *чудитёся*, *соблаговолитё*; даже *отпуститё*.

В пользу глубокой древности ударения *ведемо* — *седете* говорит его согласие с сербохорватским, в коем «в глаголах на **-ем**, **-им** [в 1-м лице единственного числа. — А. П.] в штокавском в единственном числе настоящего времени на предпоследнем слоге стоит ударение острое (**á** = **aa**) или менее тяжкое (**ā**), то в 1-м и 2-м лице множественного числа эти ударения переходят на следующий слог в глаголах на **-ем** — как менее тяжкие (*пѣјем* — *пѣјеш* — *пѣје*, но *пѣјемо* — *пѣјете*, ибо *е* в последних двух формах коротко), в глаголах на **-им** — как острое (*велѣим* — *велѣмо* — *велѣте*, и — здесь долгое: *велѣмо* = *велиѣмо*). Этим формам в более древнем по ударению чакавском будут соответствовать формы с ударением на конце, как в малорусском, но с сохранением долгот: *пѣјѣм* — *пѣјѣш* — *пѣје*, *пѣјѣмо* — *пѣјѣте* — *пѣјѣ*; *велѣим* — *велѣш* — *велѣ*, *велѣмо* — *велѣте* — *велѣ*» (Маџ и Гапић, Slovnica hrvatska, 76).

Ю. Крижанич, хорват родом, ставит в этих случаях ударение малорусско-чакавское: *ведемо* — *ведете*, *јесмо* — *јесте*, *держите*, но повелительное наклонение *держимо* — *держите*.

Согласие малорусского и сербохорватского в ударении 1-го и 2-го лица множественного числа **-мо**, **-те** ведет к предположению, что таково было древнее общерусское ударение. Но окончание 1-го лица можно не без основания считать за более позднее, чем старославянское и великорусское окончание **-мь**. Можем ли допустить, что это послед-

нее, бывшее общерусское, имело на себе ударение? Мне кажется можем, так как глухой звук вообще не есть непременно звук неударяемый. Примеры ударяемого глухого звука внутри слов часты; ср., например, слова, как *възрастъ* и *търгъ*, *пълкъ*. Ударяемое -ъ на конце, по-видимому, предполагается, впрочем, редкою северновеликорусскою заменю такого ь чистым ударяемым о: *богъ далѡ* (вместо *далъ*) и происходящим из основных а, л, ж в новоболгарском. Особенно часты ударяемые гласные звуки в позднейшем.

Переход ударения с конечного слога 1-го лица единственного числа настоящего времени на предшествующий слог в остальных лицах (*ношѹ — носишь*) составляет особенность русского языка. В сербском, за исключением нескольких глаголов, представляющих такой же переход ударения, уже в 1-м лице единственного числа стоит ударение, соответствующее русскому ударению 2-го лица: *носѣм — носиш*, а не *носим — носиши*. В болгарском то же, без исключений: *носѣ — носиши*. В сербском (кроме исключений) нет подвижного ударения в настоящем времени, и о движении ударения может быть речь только при сравнении настоящего времени с другими формами, между прочим с формой неопределенной (*носити — носѣм*), а также при сравнении форм простых глаголов с теми же формами предложных. Поэтому при сравнении русских глагольных ударений с сербскими и болгарскими в русских глаголах необходимо выставлять 1-е и 2-е лица единственного числа настоящего времени, в сербском и болгарском достаточно (по общему правилу) одного 1-го лица. Было ли некогда и в сербском ударение *носим — носиши* = русскому *ношѹ — носишь* или же следует считать русское ударение явлением позднейшим, на это отвечать трудно.

В пользу предположения, что русская подвижность ударения (*ношѹ — носишь*) позднее сербской неподвижности, можно привести, что в санскрите не замечается такой подвижности (а о другой — речь впереди). Случаи полного согласия сербского ударения с великорусским, именно *могу — можеш* и *хоћу — хоћеш* (чакавское *могу — можеш*, *хоћу — хоћеш*), могут быть неразвитыми зародыщами нового закона, развитого в русском. Наоборот, случаи малорусского *принѣшу* (великорусское *принѣшѹ*) — *принѣшиш* и т. п., согласные с сербским относительно 1-го

лица единственного числа (*принѣшѣм* = чакавскому *принѣшѣм*), — остатками старины.

С другой стороны, в защиту большей древности русского перехода ударения можно привести то обстоятельство, что в литовском, несравненно более близком к славянским, чем санскрит, есть в настоящем и прошедшем времени подвижность ударения, сходная с русской. Глаголы, имеющие ударение на последнем слоге первого лица единственного числа, удерживают это ударение только во 2-м лице того же числа (и в этом отличие от русского); во всех же остальных лицах переносят его на предыдущий слог: 1-е лицо *агіу* (*орю*) — 2-е *агі* (отлично от *орешь*) — 3-е лицо *агіа* (*агіе*, *аг' = орет*); множественное число 1-е лицо *агіаме* (*агіем = орем*), *агіате* (*агіете = орете*) (Schleicher, *Litauische Grammatik*, § 102—103).

Сходство русского ударения с литовским не подрывается различием ударения во 2-м лице единственного числа точно так же, как в общем сходстве русского ударения с сербским — различием в 1-м лице единственного числа глаголов с подвижным ударением в русском. Не лишено вероятности и то предположение, что *орю — орет* есть ударение общеславяно-литовское, что, стало быть, сербские исключения, как *могу — можеш*, суть остатки старинного правила.

Принявши в соображение указанные тонические различия настоящего времени в русских наречиях с сербским: — именно в 1-м лице единственного числа и во 2—3-м лице множественного числа, — приступим к изложению фактов. Рассматривая изменения глаголов по отношению к этимологическому составу, мы не приняли во внимание ударения; здесь же, в н у т р и о т д е л ь н ы х р а з р ы д о в, мы упускаем из виду различие состава, следя только за сходством ударений. Поэтому, например, здесь мы не отделяем *дамь* от *есмь*, хотя в первом ударяется удвоенный корень, а во втором — простой, и, наоборот, отделяем *краду* — *красть* от *бреду* — *бресті*.

§ 2. МЕНА УДАРЕНИЯ ВНУТРИ ОТДЕЛЬНЫХ РАЗРЯДОВ

І разряд

Настоящее время

Дополняя формы первого образца глаголов *есмь*, *ем*, *дам*, потерянные в одних из живых русских наречий, сохранившимися в других или в книжном языке, мы получаем следующее спряжение настоящего времени: *ѣсмь*¹ — малорусское *есі* — *єсть*, малорусское *есмо*² — *єстє* — книжное *суть* (галицкое *сут*).

В сербском (штокавском) *јѣсам* — *јѣси* (чакавское *јесі*) — *јѣст* (и чакавское), *јѣсмо* (чакавское *јесмо*) — *јѣсте* (чакавское *јестѣ*) — *јѣсу* (чакавское *јесу*). Разница с русским в 1-м лице единственного числа. Но в 1-м лице ударение *јѣсам* не может быть древним: в древнем языке не могло быть ударения на слоге *са* (или *сь*, так как в сербском *ъ* = *а*), потому что самого этого слова не было (*юсмь*), а звук *а* есть замена неорганического *ъ*, эвфоническая вставка, которая понадобилась уже после потери конечного *ь*. Русскому *ѣсмь* должно бы в сербском соответствовать *јѣсам*. В 3-м лице множественного числа сербскому *јѣсу* должно бы соответствовать русское *исуть*. Сербская форма есть сравнительно новое восстановление части коренного слога (*је*), потерянной еще до выделения славянского языка.

Ем. *Ем* (из *ѣмь*, малорусское *ім*) — *ешь* (малорусское *іей*) — *ест* (малорусское *ість*). Малорусское *імѣ* — *істє*, общерусское *едят*, малорусское *ідыть* (белорусское *ядуць*).

В южном сербском: *йјем* — *йјеш* — *йјє*, *йјемо* — *йјете* — *йјѣ*. 2-е и 3-е лицо множественного числа отличаются от малорусских по ударению, а 3-е лицо — и по образованию, но в восточном сербском (штокавском) наречии сохранились формы, вполне согласные с русскими: *јѣм* (= южному *йјем*, *јѣм*, *јѣ*), *јѣмо* (в чакавском было бы *јѣмо*) — *јѣте* (в чакавском было бы *јѣтѣ*) — *јѣду* (в чакавском было бы *јѣду*) (Д а н и ч и њ, Облици српскога језика, 123).

Дам. *Дам* — *дашь* (малорусское *дасі*³) — *даст* (малорусское *дасть*). Церковнославянское (новое) *дамы*, малорусское *дамѣ* — *дастє*, великорусское, малорусское *да-*

¹ Таково ли ударение и в летописной форме 1-го лица единственного числа *есми*? Церковнославянское (*но*)*ѣсте*, *нєстє*, но *нѣсте*.

² Вероятно, таково же ударение летописных форм 1-го лица множественного числа *есмы*, *есмі*, *есмє*, *есмя*.

³ *Viddāsi*, церковнославянское (новое) *воздаси*.

дут, *дадутъ*. Согласно с этим и в сербском. Штокавское *дам* — *даш* — *дѣ*, *дамо* — *дате* — *даду*.

Относительно 2-го лица единственного числа заметим, что малорусское *есі* (*ѣси*, *наси*), *дасі* с ударением на конце отклоняется как от великорусского, так и от сербского; но что *есі* произносится так по преданию и великороссиянами и согласно с сербским *јѣси* (= чакавскому *јесі*). По преданию мы произносим и двойственное число *есѣ*, *естѣ*, *давѣ*, *даста*.

За исключением этого 2-го лица единственного числа в малорусском, сербско-русские ударения настоящего времени *есмь*, *ем*, *дам* представляют большое сходство с ударениями тех же форм в санскрите, где ударение тоже стоит на корне в единственном числе и на окончании в двойственном и множественном числе: *āsmi*, *āsi*, *āsti*, (*a*)*svās*, (*a*)*stñās*, (*a*)*c-tās*, (*a*)*smās*, (*a*)*stñā*, (*a*)*śanti*; *ad-mi*, *at-si*, *at-mi*, *ad-vas*, *at-tñās*, *at-tas*, *at-tñā*, *ad-anti*; *dāda-mi*, *dāda-bi*, *dāda-mi*, *dad-vās*, *dat-tñās*, *dat-tas*, *dad-mas*, *dad-tñā*, *dad-ati* (вместо *-anti*). Однако законы, управляющие этими явлениями, в санскрите и в русско-сербском различны. В санскрите перенос ударения с корня на окончания в двойственном и множественном числе под влиянием большей тяжести окончания в этих числах имеет место только во II, более древнем, спряжении, т. е. в классах 2, 3, 7, 5, 8, 9, из коих в славянском языке находят полное или почти полное соответствие классу 2-му (*есмь*) и 3-му (*дамь*); в I спряжении, более новом санскритском спряжении (классы 1, 6, 4, 10), которому по конечной гласной характера соответствуют все разряды славянских глаголов, кроме 1-го, сила и слабость окончаний не имеют тонического влияния и ударение остается постоянно или на корне, или на характере. Между тем в малорусском, сербском ударение окончаний 1-го и 2-го лица множественного числа, вообще, согласуется с ударением 2-го лица единственного числа и перенос ударения на *-мѣ*, *-тѣ* имеет место не только в трех глаголах, соответствующих санскритским глаголам II спряжения, но и во множестве других, соответствующих санскритским глаголам I спряжения с неподвижным ударением: малорусское *веземѣ* = санскритскому *vāhamas*. Таким образом, сходство ударений рассмотренных русско-сербских глаголов с санскритскими только поверхностное.

Литовский язык в ударении глаголов на *-ми* следует своему особому закону и уравнивает их в этом отношении с

остальными (в 1-м лице на у = и). Вообще литовские глаголы в настоящем времени имеют или постоянное ударение на корне, или же ударение на окончании в 1—2-м лице единственного числа и на корне в остальных лицах. К последним принадлежит *esmi* (есмь); *esù, esì, èste*; двойственное число *ésva, ésta*, множественное число *ésme, èste* отличны по ударению как от санскритских, так и от славянских.

Образец *въмь*. Этот образец выставляю гадательно, так как спряжение настоящего времени, кроме 3-го лица единственного числа, в живых наречиях не сохранилось, а об ударении его в старом языке можем судить только по преданию, поддерживаемому церковными книгами. *Въмь, вѣси, вѣсть, вѣвъ, вѣста, вѣсте, въмъ (въмы), вѣсте, вѣдятъ*.

II разряд

1. Образец *веду* — *ведешь*, *вести*

В настоящем времени в великорусском постоянное ударение на характерной гласной, слитой со смежной гласной окончания (-*у*, -*ут*) или длительною (-*ешь*, -*эт*, -*ём*, -*ете*), в малорусском ударение на последней гласной окончания в 1—2-м лице множественного числа (-*емо*, -*етѣ*).

В неопределенной форме. В великорусском (с исключениями) и малорусском ударение — на окончании -*ти*.

В сербском в обеих формах — ударения, соответствующие русским (в штокавском) или тождественные (в чакавском) ¹.

Русскому образцу в сербском соответствуют два, тождественные по ударению, но различные по количеству коренной гласной: *плести* — *плѣтѣм* и *вести* — *вѣзѣм*. В них переход ударения, как в малорусском: *плѣтѣм* — *плѣтѣш* — *плѣтѣ*, *плѣтѣмо* — *плѣтѣте*, *плѣтѣ*; *вѣзѣм* и пр. Однако

¹ Примечание. Ниже везде в скобках выставлены сербские слова по штокавскому произношению, а при чакавских стоит «чакавское». Впрочем чакавское ударение во множестве случаев потеряно, вытеснено все более и более распространяющимся штокавским. Мажурич замечает о глаголах рассматриваемого образца, как *тѣћи*, *вѣћи* и пр.: «чакавское ударение было некогда *тѣћи*, *дѣбсти*, *зѣбсти* и т. д., но я никогда его не слышал; по крайней мере в Винодоле теперь говорится: *тѣћи*, *вѣћи*, *дѣбст* (и *дѣст*) и т. д. [т. е. со штокавским ударением и без конечного и, сходно с великорусским *толочь* и прочими. — А. П.]» (*Ma ž u g a n i ć, Slovnica hěrvatska*, стр. 19).

у Даничича (Облици српскога језика, 69) множественное число 1-е лицо *вѣзѣмо*, 2-е лицо *вѣзѣте* (а не *вѣзѣмо* — *вѣзѣте*, как можно ожидать на основании малорусского и по сербскому правилу — *Ma ž u g a n i ć, Slovnica hěrvatska*, 72).

Сюда относятся:

Бості — *боду* (сербское *бѣсти* — *бѣдѣм*); *бресті* (*брѣсть*) — *брѣду*; *блості* — *блѣду*; *весті* (*вѣсть*) — *веду* (= *вѣсти* — *ведѣм*, чаще с предлогом, например *увести*, *довести*); *грясті* — *гряду* (*грѣсти* — *грѣдѣм*); *гнесті* (*гнѣсти*); *месті* — *мету* (корень *мет*) (= *мѣсти* — *мѣтѣм*); *плесті* — *плѣту* (= *плѣсти* — *плѣтѣм*); *мясті* — *мяту* (= *мѣсти* — *мѣтѣм*); *рості* — *росту* (*рѣсти* — *рѣтѣм*); (*рас*)*свесті* — (*рас*)*свѣтѣт*; *цветі* — *цвету* (*цвѣсти* — *цвѣтѣм*) (с другою гласною в корне (*а* = *ѣ*) — Д а н и ч и ч, Облици српскога језика, 67); *честі* (великорусское вместо обыкновенного *чѣсть*) — *чту*.

Сюда в русском: *обресті* — *обрѣту*, но и в малорусском *зустріти* и в сербском *срѣсти* — *срѣтнѣм* (*сѣсрѣсти*, *обрѣсти*) имеют другое ударение.

Корень на з — с. *Вязті* (*вѣсти* — *вѣзѣм*, латинское *ringere*); *везті* — *везу* (*вѣсти* — *вѣзѣм*); *верзті* (*врѣсти се* — *врѣзм се*, *adhaerescō*); *несті* — *несу* (*нѣсти* — *нѣсѣм*); *ползті* — *ползу*; *трясті* — *трясу* (*трѣсти* — *трѣсѣм*).

Корень на б — п. *Гресті* — *гребу*, малорусское *гребті* — *гребу* (*грѣсти* — *грѣбѣм*); *долбсті*, малорусское *довбті* (*дѣпсти* — *дѣбѣм*); великорусское областное *зяті* (*зѣпсти* — *зѣбѣм*); *скресті* — *скребу*, малорусское *скрѣбті* — *скребу* (нет ни у Караджича, ни у Даничича); великорусское *скубсті* (*скѣпсти* — *скѣбѣм*, но в малорусском отклоняется в неопределенной форме *скубти* — *скубу*); малорусское *сопті* — *сопу*; *тепсті — *тепу* (*тѣпсти се* — *тѣпѣм се*, *vaog*); малорусское *хропті* — *хропу* («Сопли, харчали и хропли» — К о т л я р е в с к и й, 14).

Корень на г — к. В великорусском первоначально все сюда относящиеся глаголы имели в неопределенной форме ударение на конечном -*и*, что и сохранилось в малорусском, между тем как в великорусском такое окончание осталось только как архаизм и господствуют формы как *печь* с сокращенным и в *ь* и с переносом ударения на корень: *берѣчь* — *берегу*, малорусское *берѣгті* — *берѣжѣ*; *жечь* (из *жечи*, малорусское *жегті) — *жеу* (*жѣћи* — *жѣжѣм*).

Прячь (*прячі*, областное великорусское *выпрячі*, *впрячі*) — *прягу*, малорусское *пряті* — *пряжу* (ср. сербское

прѣћи — *упрѣћи*, настоящее время *упрѣгнѣм*), но малорусское *прѣгти* (*assare*). *Стерѣчь* — *стерегѣу*, малорусское *стерегѣти* — *стережѣу*. *Печь* (областное *печй*) — *пекѣу*, малорусское *пекѣти* — *печѣу* (*пѣћи* — *пѣчѣм*). *Течь* (*течй*), малорусское *тектѣи* — *течѣу* (*тѣћи* — *тѣчѣм*). *Толбѣчь* — *толкѣу*, малорусское *товкѣти* — *товчѣу* (*тѣћи* — *тѣчѣм*). *Волбѣчь* (*волочй*) — *волокуѣу*; малорусское *волоктѣи* — *волочуѣу* (*вѣћи* — *вѣчѣм*).

На носовую: *клясть* — *клянѣу*, малорусское *клястѣи* — *клянѣу*, сербское *клѣти* — *кунѣм*.

К образцу *вестѣи* принадлежит по второй теме *лечь*, малорусское *лягѣти*, сербское *лѣћи* (К а р а ч и њ, Српски рјечник, по Мажураничу, лѣћи — 103).

Примечание. Полногласные формы *берѣчь*, *стерѣчь*, *волбѣчь* — *волокуѣу* не находят соответствия в сербском. Возведя эти формы к более древнему виду (*беречй*, *стеречй*, *волочй*, что предполагает в старославянском *брѣшти*, *стрѣшти*, *влѣшти* — *влѣкуѣу*), мы могли бы ожидать в южносербском *бријѣћи*, *стријѣћи*, *влијѣћи*. Великорусское *речь* (*речй*) — *рекуѣу*, которому соответствовало бы малорусское *ректѣи* — *речѣу*, согласно с сербским в неопределенной форме (*рѣћи*), но отлично от сербского в настоящем времени (*рѣчѣм*).

Болгарское: *бодѣж* — *бодѣш* — *бодѣ*, *бодѣм* — *бодѣте* — *бодѣт*; *ведѣж* (*доведѣж* etc.), *плетѣж*, *метѣж*, *растѣж*, *четѣж* (= *чѣтѣж*, *читаю*), *везѣж*, *несѣж*, *плѣзѣж* (*plúžé*), *тресѣ* (3-е лицо единственного числа), *гребѣж*, *длѣбѣж*, *жегѣж* (*жьгѣж*), *пекѣж*, *текѣж* (и *печѣж*, *течѣж*, у Цанковых (*Grammatik der bulgarischen Sprache*) *ресѣ*, *тесѣ*, 3-е лицо множественного числа *течѣт* (= Цанковы *тесѣт*, *протесѣт*), *обрекѣж*, *сѣкѣж*, *влѣкѣж*; но по Цанковым, *skúbé*, *téré*. Сербскому *врѣћи* — *врѣшѣм* (основная форма *врѣкѣж*) = *вријѣћи* — *врѣшѣм* (молотить лошадыми и пр.) = болгарское *врѣкѣж* и *врѣшиж* (Цанковы *vrúše*) — *врѣшѣш* — *врѣшѣ* и пр.

Не говоря о тех малорусских говорах, которые подчиняются польскому ударению, в самом украинском, преимущественно в песнях, попадают отклонения от образца *вестѣи* — *ведѣу*, например: «голови не звѣду»; «Туда ж мені любо-мило оченьками звѣсти» (рифмуется с «хрѣсти» вместо «хрѣстѣи» — М е т л и н с к и й, б); «А хто не зна, чѣсти, того взятъ за чуба да на двір вивѣсти» (К у л и ш II, 83); «Я ж без тебе усю ніченьку, як сива голубка гѣдуе

(рифмуется: «бѣду» — *ibid.*, 258); «Що у лісі на горісі три голубоньки гѣде» (рифмуется: «бѣде» — М е т л и н с к и й, 89); «Тихо, тихо Дунай воду нѣсе, А ще тихше дѣвка косу чѣше, Вона чѣше да на Дунай нѣсе» (*ibid.*, 14); «Їхав козак дорогою — дѣвка воду нѣсе» (К о с т о м а р о в, Песни, 245); «Ой як гляне та Нечаенко, та на лѣве пліче (вместо *плече*), А за ним же, за Нечаенком, кривавая річка тѣче» (вместо *течѣ* — М е т л и н с к и й, 406. Борзенский у.). Эти и им подобные отклонения имели бы значение только тогда, если б согласовались с разговорной речью. Они могут быть объяснены тем, что песня сложена для пения, а не для чтения, а в пении ударение нередко теряется.

2. Образец *пряду* — *прядѣшь*, *прядѣть*

В настоящем времени ударение — как в предыдущем образце; в неопределенной форме в великорусском разницы не заметно сравнительно с *течь*, но в последнем перенесено ударение на корень и основное общерусское ударение есть *течй*, а в *прядѣть* ударения на окончании и не предполагается, и основная русская форма сохранилась в малорусском *прядѣти*. В сербском в неопределенной форме по правилу гласная короткая с более тяжким ударением (*а*), что соответствует русскому.

Корни на согласную, кроме *м*, *н*, с чистою коренною гласною. В сербском в настоящем времени на коренной гласной *а*: *клясть* — *клядѣу* — *клядѣшь*, малорусское *клясти* — *клядѣу* — *клядѣш* (*клясти* — *клядѣм*); *пасть* — *падѣу*, малорусское *пасти* — *падѣу* (*пасти*, но по настоящему времени принадлежит к другому разряду *паднѣм*); *прядѣть* — *прядѣу*, малорусское *прядѣти* — *прядѣу* (*прѣсти* — *прѣдѣм*).

Грызть — *грызѣу*, малорусское *грызѣти* — *грызѣу* (*грызѣти*¹ — *грызѣм*), малорусское *пасти* — *пасѣу*, великорусское отклоняется: *пастѣи* — *пасѣу* (*пасти* — *пасѣм*); малорусское *бѣгти* — *бѣжѣу* (только по неопределенной форме и 1-му лицу настоящего времени; великорусское *бѣгѣу* — только по 1-му лицу единственного числа и 3-му лицу множественного числа). Сербское *бѣгѣћи* (= *побѣгѣћи*, но настоящее время по другому раз-

¹ Предложные в сербском *грызѣти* — *грызѣм*, *напрѣсти* — *напрѣдѣм*, *посѣгѣти* — *посѣгѣм* = русским.

ряду — *побјежнѣм*). *Стричь* — *стригѹ*, малорусское *стригати* — *стрижѹ* (сербское *стрићи* — *стрижѣм*); *сечь* — *секѹ*; малорусское *сікти* — *січѹ* (сербское *сјѣћи* — *сіјечѣм*), но в великорусском *секчи* (северное), *секти* (тамбовское). *Жить* — *живѹ*, малорусское *жити* — *живѹ* сходно с сербским в настоящем времени *живѣм*, но отлично в неопределенной форме: сербское *живѣсти*. Болгарское *кладѣ*, *пасѣ*, *предѣ*, *гризѣ*, *сѣкѣ*, *стригѣ*.

Корни на основы у и ѣ (II, 1, г). Настоящее время в русском *плывѹ* — *плывѣшь*, *реву*, *слывѹ*, *пою*. В сербском, судя по двум словам — *ковѣм* (при *ковати* другого разряда) и *рѣвѣм* (при иноразрядном *рѣвати*), — коренная гласная коротка, но ударение [^]. Вероятно, такое же ударение в предполагаемой Караджичем форме *појем* — именно *пѣјем* (при обычной сокращенной *пѣм*). Неопределенная форма *плыть* (из *плути, сербское *плѣти*, но в малорусском в песне — *плистѣи*), *слыть*, *петь* (сербское *пѣти*). Малорусское *ревѣти* отклоняется и по форме и по ударению.

Болгарское *ревѣ* и сюда же *сновѣ* (*anzetteln*), *ковѣ* (*да подковѣм*, *да подковѣ*), *кльвѣ* (*клюю*), однако *пѣж* — *пѣеш* — *пѣе*, *зарѣвѣ* (Бессонов, Болгарские песни, т. I, 118, = *зарѣю*).

3. Образец *дму*—*дмешь*, *дуть*; *тру*, малорусское *тѣрти*; *рву*—*рвать*

В обеих формах ударение как *прядѹ* — *прясть*, но в настоящем времени глаголов односложных в единственном числе при сложении их с предлогами видны следы подвижности ударения.

Корни на м, н; в корне настоящего времени основная гласная глухая (II, 1, б).

Дуть, малорусское *дѹти* — *дму*, сербское *дѹти* — *дмѣм* (на основании *надѹти се* и *надмѣм се*). *Жать* — *жму*, сербское *жѣти* — *жмѣм*. Из немногих глаголов, принадлежащих сюда, в болгарском отклоняются по ударению *жѣнж* (*жну*), но согласно *клянѣ*; *ѹму* в сложении с *вѣз*, как и многие другие глаголы, соответствующие русским с подвижным ударением, имеет в болгарском ударение на первом слоге: *зѣмж* — *зѣмеш* — *зѣмет* и пр.; *жать* — *жну*, малорусское *жати* — *жну*, сербское *жѣти* — *жнѣм* (Даничић, Облици српскога језика, стр. 79) и с заменю более новым ударением глухого гласного: *жањѣм*, а в Далмации *жѣњѣм*;

пять — *пну* (в малорусском *нап'ясти*, хотя, кажется, и *нап'ясти* и *розп'ясти*); в сербском согласно с первой малорусскою формою и отлично от образца: *пѣти*, а настоящее время *пѣњѣм* и *пнѣм* (*распѣти* — *распнѣм*); *мять*, малорусское *м'яти* — *мну* и малорусские *(у)тяти*, *(у-, по-)тнѹ* не находят соответствия в сербском.

Подвижность ударения по направлению к началу слов сказывается в этих малорусских глаголах при соединении с двухсложными предлогами, имеющими на конце *о(ѡ) = ъ*: *розѡдмѹ* — *розѡдмеш*, *пѡдѡжмеш*, *розѡпнеш*, *розѡмнеш*. По Мажураничу (Slovnica hrvatska, § 183): *јѣти (уз-ети)*, *-чѣти*, *-пѣти*, *-жѣти* (*ѡ-жѣти* — *ѡ-жмѣм*).

Сюда же глагол *ять*, *имѹ*¹ — *имешь*. В великорусском он сохраняет подвижное ударение и при сложении с предлогами, если начальные коренные *ы*, *и* отделяются от предлога эвфоническим *н* или соединяются с гласной предлога в одну гласную (*об*, *от*, *под*, *раз*, *с*): *ѹ(ѹ)мешь*, *прѹмешь*, *взѹмешь*, *подѹмешь*. В малорусском он переносит ударение на предлог: *прѹйму* — *прѹймеш*, *пѡдѹйму* — *пѡдѹймеш*, *розѹйму*, но и *займеш*, *наймеш*, *поймеш*, *возьмеш*, *перѹймеш*: «Хто вінок пойме — той мене вѡзьме!» (Метлинский, 19). Церковнославянское (новое): *пѡйметѣ*, *вѡзмутѣ*, *распнѣте*, *прѡпнутѣ*.

Чать (*чѣти*)—*чну* в великорусском при сложении с предлогом имеет постоянное ударение в настоящем времени: *начѣть* — *начнѹ* — *начнѣшь*, но в малорусском, хотя может иметь и неподвижное ударение, но имеет и подвижное «зачнемо» (Кулиш, II, 72), что предполагает: *зачнѹ* — *зачнеш*. В церковнославянском (новом) *начнетѣ* — *начнете*. Эти глаголы в русском, по подвижности ударения при сложении с некоторыми предлогами, представляют отклонение от образца *прясть* — *прядѹ* (но *прядѣшь*) и от других глаголов с корнем на м, н; но в сербском все на м, н по переходу ударения на предлог однородны: *ѹзѣти* — *ѹзмѣм*, *пѡчѣти* — *пѡчнѣм*, как *надѹти* (*sic* Караџић, Српски рјечник) — *надмѣм*, *зѡжѣти* — *зѡжмѣм*, *пѡпѣти* — *пѡпнѣм* (*пѡпѣњѣм*), *распѣти* — *распнѣм*.

Во всех этих глаголах в настоящем времени переход на предлог ударения в виде [^] предполагает на коренном

¹ Сокращая начальное *о в ъ* или *и*, получаем постоянное ударение на характерной гласной: *возьмѣшь*, (*до-*, *за-*, *на-*, *обо-*, *пере*, *про-*, *у-*) *ѹмѣшь* (Восток, Русская грамматика, § 137), но в «Домострое», 70: «вѡзметѣ», «начнетѣ» (13), «начнется» (27).

слоге древнее обличенное ударение, общее русскому, штокавскому и чакавскому.

Без сомнения, и в великорусском было, а в малорусском, быть может, и теперь есть где-нибудь и *надмешь*, *подожмешь*, *зажмешь*, *разожмешь*, *надбтнешь*. Здесь заметим: в штокавском основное ударение переходит на односложный предлог в виде " (*зажмём*) и на первом слоге двухсложного в виде ' (*изажмём*). Этот последний переход есть исключительно штокавский и по правилу равняется русскому ударению на втором слоге двухсложного предлога: сербское *пѡдапнѣш* = малорусскому *пѡдѡпнѣш*. Ударение *пѣреймешь* возможно только в великорусских песнях, но вряд ли слышится в просторечии.

В сербских глаголах непонятно для нас только одно: каким образом краткая коренная гласная в неопределенной форме простых глаголов (*жѣти* — *жмём*), как *дути*, *жѣти* — *жнём*, может становиться долгою по сложении этой формы с предлогом. Мы считаем правильным *зажѣти* (К а р а џ и ћ, Српски рјечник, 179), но у Даничића (Облици српскога језика, 78) читаем *зажѣти* (т. е. *зажѣти*), а у Караджича *изажѣти* (*изажмём*), *ожѣти* (*ожмём*), *сажѣти* (*сажмём*). Глагол *пѣти* (*пнём*) и у Караджича и у Даничића имеет на коренной гласной острое ударение. Но несмотря на согласие этого ударения с малорусским (*нап'ястї*), мы должны считать его или новым, нарушающим старое правило, или ошибочно выставленным, ибо острое ударение по правилу вовсе не переходит на предлог, а между тем у Караджича нахожу: *распѣти*, *пѡпѣти*, *напѣти* (что предполагает в простых [глаголах] новое обличенное ударение *пѣти*).

4. Корни на основное р (в составе спряжения II, 1, в)

Настоящее время как *дму*: *мру* — *мрѣшь* (малорусское *мрѣш*) — *мрѣт* (малорусское *мрѣ*), *мрѣм* (малорусское *мрѣмѡ*) — *мрѣте* (малорусское *мрѣте*) — *мрут* (малорусское *мрутѣ*); сербское *мрѣм* — *мрѣш* — *мрѣ*, *мрѣмо* — *мрѣте* — *мру*. Болгарское *умрѣ*, *запрѣ*, *прострѣ*, *заврѣ* — Цанковы (Grammatik der bulgarischen Sprache), у Бессонова: *умрѣ* (3-е лицо единственного числа), *умрѣм* (1-е лицо множественного числа).

Таким образом, *прѣ* (сербское *прѣм*) — *прѣмо* — *прѣте*; *тру*, сербское *трѣм*; (*про*)*стрѣ*, сербское (*прѡ*)*стрѣм*; (*за*)

вернѣ (*claudio*), сербское (*зѡ*)*врнѣм*; *жрѣ*, сербское (*прѡ*)*ждрѣм*.

Если в сербском коренная гласная (ѣ) не опускается, а заменяется чистым а, так что формы настоящего времени из односложных и двухсложных становятся двух-трехсложными, то ударение переходит на первый слог в виде "": *тарѣм* (и *трѣм*), как *жанѣм* (*жнѣм*).

При сложении с предлогами в великорусском ударение не изменяется, но в малорусском предлог, принимающий на конце о = ѣ, переносит на него ударение: *одпрѣ* — *одпрѣш*, *розтрѣ* — *розтрѣш*. В церковнославянском (новом) *умрѣши* — *умрѣть*. В Домострое: «не умрѣть» — стр. 25.

Что переход этот распространялся и на другие односложные предлоги и на все глаголы этого образца, видно из сербского, в коем правильно ' переходит на предлог в виде "": *зѡмрѣм*, *зѡврѣм*, *зѡпрѣм*, *прѡстрѣм*, *прѡждрѣм*.

Неопределенное как *жѣти* = сербскому *жѣти*, так малорусское *мѣрти*, *пѣрти*, *тѣрти*, *жѣрти* (ср. «пожѣрла земля»), *дѣрти* (*задѣр* — «задѣрти», Н о м и с, 126) = сербским *врѣти*, *дрѣти*, *ждрѣти*, *прѣти*, *трѣти*, *стрѣти* (см.: М а џ и џ а п и џ, Slovnica hrvatska, § 183). Караджич: *зѡтрѣти* — *зѡтрѣм*, *истрѣти* — *истрѣм*.

Другая полногласная русская (великорусская) форма *верѣть* (*заверѣть*), *мерѣть*, *перѣть*, *терѣть*, *стерѣть* — вообще соответствующая сербской с *ре* — *рије* — по ударению не совсем ладится с сербскими формами. Именно.

Примем, что русское ударение на втором слоге полногласия (*терѣть*) есть основное, т. е. не перешло с окончания, как *печь* из *печї*. Тогда, по аналогии с *брѣме* = *берѣмя*, *врѣна* = *ворѡна*, мы должны были бы ожидать в сербском краткого *рѣ*. Однако в самом деле встречаем такое ударение только в *прѣти* (ассисаге, великорусское областное *перѣть*); во всех же остальных, по согласному свидетельству Караджича, Даничића и Вуича, находим долгое *рѣ* = *рѣ* = *рије*. Каково ударение на этом долгом слоге, мы можем судить только по одному простому глаголу *мрѣти* и по предложным (М а џ и џ а п и џ, Slovnica hrvatska, 18: *дрїјѣти*, *мрїјѣти*, *прїјѣти*, *стрїјѣти*, *врїјѣти*, *жрїјѣти*). У Караджича читаем: *мрѣти* — *мрїјѣти*, у Даничића (Облици српскога језика, 90—91) на одной странице *мрїјѣти*, на другой — *мрїјѣти*; так же Даничић выставляет форму *дрїјѣти*, но при этом основывается на размере стиха народной песни («Немој дрїјет' ти то јање живо»), в коем для

размера сокращено окончание, для размера же могло быть перенесено и ударение.

Предложные неопределенные формы и по Караджичу, Даничичу, Вуичу переносят на предлог ударение коренного слога в виде ` (за-, на-, поду-, у-)врѣти (врѣти, вријети); (за-, на-, о-, про-)дрѣти (дрѣти, дријети); (до-, одā-)прѣти (прѣти, пријети); (за-, у-)мрѣти (мрѣти, мријети); (за-, про-)стрѣти (стријети); (за-, са-)упријети.

Применяя сюда правило Мажураича, по коему переходят на предлог в виде *ā* только новое облеченное (*ā* = *āa*) и более тяжкое ударение, и не подвергая сомнению показаний, что во всех этих глаголах гласная долга, мы должны предположить, что в основной форме *ūmrѣти* лежит форма *mrѣти* (совершенно не согласная с русской *мерѣть*), но что само *mrѣти* непонятным для нас образом возникло согласно с русским *прѣти*.

Мы видели уже выше и не поняли, что из краткого *жѣти* выходит, по Даничичу и Караджичу, — *сājѣти*. Притом в словаре Караджича есть пример того, что восточносербское *ѣ*, которое по правилу должно соответствовать южносербскому *јѣ*, на самом деле является в этом последнем не только в виде *й*, но и в виде *йје*: *бѣо* — *бйо* — *бйјем*; *дѣо* — *дйјем*; *цѣо* — *цйјем*. Конечно, возможно, что большая древность здесь за южным и что западное сократило коренную гласную перед другою гласною (*о* из *л*), но это указывает на существование диалектических пертурбаций ударения.

Что касается до предположения, что русское ударение *мерѣть* перешло с окончания, как в *печь*, и до его последствий, то форма *мереті* кажется столь странно нашему уху, что без фактических указаний со стороны русского языка не решаемся развивать этого предположения.

Глаголы II, 2, а (*рвѣ* — *рвѣть*) и II, 2, б (*берѣ* — *братѣ*). Болгарское *берѣ*, *дерѣ*, *перѣ*, *зовѣ*, *тѣкѣ*; однако *лѣжѣ* (Цанковы: *lǐžē*), по звукам малорусское *лжѣ*.

Отрѣвѣ (освобожу, оторву). Сравнив *стѣлати*, *братѣ*, *звѣати* со *стѣлж*, *берж*, можно думать, что причины чередования *е* и *ь* заключаются в неударяемости последнего.

По неопределенной форме глаголы эти не различаются между собою; все имеют в русском ударение на характерном *а*, а по счету слогов — на первом слоге двухсложного, как *жѣти* и малорусское *тѣрти*, и на втором трехсложного, как в двух последних. Русскому ударению = сербское `

на том же слоге, а в трехсложных ` — на предшествующем: *брѣти*, *гнѣти*, *звѣти*, *прѣти*, *срѣти*, *сѣти* (из *ссѣти*), *ткѣти*, *лѣгати* (из *лѣгати*), *рвѣти* (из *рѣвати* = малорусскому *ирѣати*), *ждѣрати* (жрать). В русском сюда еще *вратѣ*, *дратѣ*, *ждатѣ*, *стонѣти*.

В настоящем времени глаголы односложные в единственном числе и 3-м лице множественного числа настоящего времени сходны со *жму*, *тру*. В великорусском не переносят ударения на предлог: *соврѣ* — *соврѣшь*, *пождѣшь*, *пожрѣшь*, *солжѣшь*, *разорвѣшь*, *потчѣшь*. В малорусском некоторые переносят ударение на предлог: *дїждеш*, *пїдбждеш*, *розїрвеш*, — подобно тому, как выше: *зачнеш*, *одїпреш*. В сербском этому правильно соответствует перенесение ударения ^ на предлог в виде `: *сѣм* — *посѣм* (*посѣати*), *чѣм* — *почѣм* (*поткати*). *Рву* в сербском двухсложно — *рвѣм*, а в силу менее тяжкого ударения на первом слоге не переносит ударения на предлог: *порѣвати* — *порвѣм*.

При русском *лжѣ*, в сербском двухсложное *лжѣм* с *а* вместо основного *ъ*, по аналогии с *тарѣм* (*тру*). Почему в *лжѣм*, *тарѣм* на корне ` , а *рвѣм* — ` , на это трудно ответить, так как не видно причины, заставляющей ставить на *а* из *ъ* более тяжкое, а не менее тяжкое ударение.

Из русских глаголов двухсложные в единственном числе настоящего времени *зовѣшь*, *берѣшь*, *дерѣшь*, малорусские *женѣш*, *перѣш* имеют ударение на характерной гласной (кроме 1—2-го лица множественного числа в малорусском *беремѣ* — *берете*) и не переносят ударения на предлог. Вполне им соответствует в сербском только *зовѣм* (и *позвѣати* — *позовѣм*, *зѣвати* — *зѣвѣм*), а по Мажураичу (Slovnica hrvatska, 82), и *берем*, *женем* (*рѣнем*).

Из двухсложных в настоящем времени глаголов в русском есть только два с подвижным ударением: *серѣ* — *сѣрѣшь* (*срѣти*) и *стонѣ* — *стонѣшь*; в малорусском *стогнѣ* — *стогнѣшь*. В сербском не только *сѣрѣм*, но и *берѣм*, *женѣм* (К а р а џ и ч, Српски рјечник), *дерѣм*, *ждѣрѣм*, *пѣрѣм*.

Глаголы с корнем *на* и из образца III, 1, а. Настоящее время *бѣю* — *бѣѣш* (в малорусском 1-е и 2-е лицо множественного числа *бѣмо* — *бѣете*). Болгарский отклоняется от русского (ср. сербский): *бѣж*, *лѣж*, *гнѣж*, *шѣж* (так у Цанковых и у Бессонова: *зовѣж*, *убѣж*). Однако 1-е лицо множественного числа «побијем» — Болгарские песни, I, 237). С *нѣж* (1-е лицо единственного

числа), *пиѣ* (ibid., 73), *пиѣм* (1-е лицо множественного числа — ibid., 117). По Цанковым, *пиж* и пр. имеет двоякое ударение: в одних краях *пиж* — *пиѣш* (*пиѣши*), *пиѣ* (*пиѣи*), в других *пиж*, *пиѣш*, *пиѣ* (Grammatik der bulgarischen Sprache, 2).

Так в великорусском, кроме *бью*, *лью*, *пью*, *шью* — все, сокращающие коренное и, и глаголы, не сокращающие и: *гнию*. Сюда же относят *вопию*, но здесь конечное и — характерная гласная. В малорусском отклоняется *шию* по удержанию коренного и и по ударению. В некоторых областных великорусских (пермский) из глаголов на и сюда: *мыть* — *мью* — *мьюш* и пр.: «Не сомыю ли я свою дивью красоту? — Не сомышь ты, не сомыют».

В великорусском нет следа перехода ударения на предлог. В малорусском на конечное о = ъ некоторых предлогов: *розоб'єш*, *одіб'єш*, но вместе с тем: *розоб'є*, *переллє*, *надоп'є*, *пон'є*, *погниє*.

Так как *пью* — *пьюш* из *пию* — *пиюш*, то русское ударение совершенно совпадает с сербским, как оно выставлено у Мажуранича (Slovnica hrvatska, § 158): *пијем* — *пијемо*, *пијете* = чакавским *пијѣм* — *пијѣш* — *пијѣ*, *пијемд* — *пијетѣ* — *пијѣ*. Такое ударение считаем древнейшим. Но у Караджича рассматриваемые глаголы имеют и в настоящем времени такое же ударение, как те, которые в русском удерживают ударение на корне, именно: *бијем*, *вијем*, *лијем*, *шијем*, *пијем* — *упијем*. Сверх того, глаголы эти переносят на предлоги (до, за, из, на, над, об, по, про и др.) ударение не менее тяжкое (´), как в большинстве случаев и в самой неопределенной форме этих глаголов, а более тяжкое (см. выше неопределенность правила Мажуранича): *дѣбити* — *дѣбијем*, *извити* — *извијем* (*обавити* — *обавијем*), *налиити* — *налијем*, *испити* — *испијем*, *зашити* — *зашијем*, *сагњити*, и, вероятно, *сагњијем*¹.

Неопределенная форма имеет более тяжкое ударение на втором от конца [слоге] (*бити*, *вити*, *лити*, *пити*, *шити*, *гнати*), на основном — *обагњити*, *сагњити* и менее тяжкое на третьем от конца (*упити*).

¹ Налицо есть *сагњим*.

II. ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Глаголы с корнем на у
с характером -је- (III, 2, а)

По общему правилу в обеих формах постоянное ударение на характере: *ков-а-ть* (*ков-а-ти*), *кую*; сходство с предыдущим в том, что и здесь ударение на последнем слоге в единственном числе настоящего времени и на предпоследнем (если -ти не сокращено в -ть) в неопределенной форме.

Как выше относительно *пью* = *пию* — сербское *пијем* (по Мажураничу) и *пијем* (по Караджичу), так и здесь мы имеем два несходные свидетельства о сербском ударении в настоящем времени. У Мажуранича читаем: *ковати* — *кујем* (один только пример — Slovnica hrvatska, 82), что совершенно согласно с русским *кую* и аналогично с ударением глаголов с характером $\frac{-ује-}{-ова-}$: *куповати* — *купујем*.

В словаре Караджича как *пијем*, так и *кујем*, *снѣјем*, *трѣјем*, *блѣјем*, *плѣјем*. Так же у Вуича (Српска граматика, 75). С правильным переносом ´ на предлог в виде ´ у Караджича: *закѡвати* — *закѡјем*, *поткѡвати* — *пѡткујем*, *прекѡвати* — *прѣкујем*, *оснѡвати* — *оснујем*, *отрѡвати* — *отрујем*, *поблѡвати* — *поблѣјем*, везде с кратким у в настоящем времени. Основания для такого ударения в русском слабы; перенос ударения, как говорят, в великорусском *сѣешь* (обыкновенно *судешь* — *судешь-ся*), *плѣешь* (у Пушкина *плѣет*, может быть, для размера; обычно *плѣёт*).

В неопределенной форме русское и сербское сходятся: русскому *ковать* (малорусское *кувати*) = сербское *ковати*, *снѡвати*, *трѡвати*, *блѡвати*, *плѡвати*, что соответствует более тяжкому ударению на первом слоге двухсложной формы, как *бити*, *пити*.

Из болгарских глаголов идет в сравнение только *плѡ-ж* (Цанковы, Grammatik der bulgarischen Sprache) с ударением на первом слоге = сербскому и великорусскому подвижному; остальные имеют частью более древнюю форму, уже упомянутую выше (*ковѣ*, *сновѣ*, *кльвѣ*), частью — характерное -ов- (*блѣвам*).

Глаголы с корнем на -а- (-в-),
с характером -je- (III, 2, г)

Как *кую* — *ковать* (*ковати*), так *даю* — *давать*, *у-(по)знаю* — *у-(по)знавать*, *до-стаю* — *доставать*, *растаю* — *раставать* и архаическое малорусское *надию* — *надивати*. В болгарском *знаѣж*, *давам*, (*пре)ставам* — переносим в разряд -ае-. В сербском неопределенные формы, как и выше, по ударению согласны с русскими: *давати* (=чакавскому *давати), *познавати* (=чакавскому *познавати); в настоящем времени у Караджича *дајем* = русскому *даю* и *дајем*, *познајем* (из основного *знајем*), формы, отклоняющиеся от русского таким же образом, как *пијем*, *кујем* от *пью*, *кую*.

Глаголы с характером -и- (IV разряд)

Многочисленные в русском глаголы этого разряда с ударением на характере в обеих формах относительно ударения совпадают с сербскими только в неопределенной форме (*дахнути*, *зевнути*), в настоящем времени в сербском на корне $\grave{}$ или $\acute{}$ (*дахнѣм*, *зевнѣм*).

В болгарском (например, у Бессонова, Главные вопросы языка новоболгарского, и Цанковых) вовсе не встречается ударения на характере: *обрѣснѣж*, *пристѣгнѣж*, *помѣтнѣж*, *вѣрнѣж*, *воднѣж*, *писнѣж* (Цанковы), *пийнѣж* (*пи-*), *рѣзнѣж*, *пис(к)нѣж* и пр., *глѣтнѣж*, *грѣзнѣж* — однако *минѣж* (Цанковы *пипи*), может быть, потому, что и считается коренной (ср. малорусское *минати*).

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-в-}$ (V, 1)

За исключением 5 и 6, все глаголы этого характера имеют в обеих рассматриваемых здесь формах ударение на характере, кроме 1-го и 2-го лица множественного числа в малорусских, в коих правильно переносится ударение на окончание. В штокавском этому соответствует $\grave{}$ или $\acute{}$ на слоге, предшествующем русскому ударяемому: штокавское *вѣлю* (= *велью*) и *вѣлѣм* — *вѣлімо* — *вѣліте*, *клѣчѣм* — *клѣчѣмо* — *клѣчѣте*; *клѣчим* — *клѣчиш* — *клѣчи*, *клѣчимѣ* — *клѣчитѣ* — *клѣчѣ* (M a ž u g a n i ć, Slovnica hrvatska, 76) = *велим* —

велиш — *вели*, *велимѣ* — *велитѣ* — *велѣ*; и $\acute{}$ в формах односложных, где штокавское совпадает с чакавским: *спѣм* — *спѣмо* — *спѣте*.

Так, в сербском *бѣјати се* — *бѣјѣм се*; *бѣлети* — *бѣлѣ*, *бѣздѣјети* (бздеть), *вѣљу* и *вѣлѣм* (неопределенная форма *вѣлети*, *бѣзѣјати* — неупотребительна), *горѣјети*, *грѣмѣјети* = *грѣмѣјети*, *лѣжати*, *лѣтѣјети*, *сѣјѣдѣјети* (*сѣјѣдѣјѣм*), *стајѣјати* (*стѣјѣјѣм* = русскому *стою* — *стоять*), *трѣчати*, *брѣчати* («Пушке брѣче, а јунаци јѣче»), *бучати*, *врѣштати* (верешать), *врѣтѣјети*, *врачати*, *глѣдѣјѣм* (но неопределенная форма *глѣдѣјати* — по другому спряжению); *гудѣјети*, *јѣчати*, *клѣчати*, *кипѣјети*, *крѣчати*, *мучати* (молчать), *пишѣјати*, *прѣдѣјети*, *сврѣјети* — *сврѣјѣ*, *смрѣдѣјети*, *трѣпѣјети* = *трѣпѣјѣти* и др.

С этим ср. соответствующие им великорусские, а также малорусские: *брызѣјати*, *брызѣјѣть*, *визѣјѣть* (малорусское *вищѣјати*), *дрожѣјати* (малорусское *дрижѣјати*), *звенѣјѣть* (малорусское *звенѣјѣти*), *звучѣјѣть*, *зрѣјѣть* (малорусское *вз-д-рѣјѣти*, *зудрѣјѣти*), *журѣјѣть*, малорусское *лящѣјати*, *мчѣјѣть*, *сви-стѣјѣть*, *скорбѣјѣть*, *сопѣјѣть*, *шумѣјѣть* и др., а также четырехсложные в неопределенной форме, как малорусские *гуркотѣјати*, *туркотѣјати* и т. п.

В болгарском *бож са*, *горѣж* (Цанковы *gorě*), *грѣмѣж* (*grümě*) — 3-е лицо *грѣмѣ*, *лѣжѣж* (*ležě*), *лѣтѣж* (*leťě*), *сѣдѣж* (*sedě*), *стоѣж* (*stojě*) = 3-е лицо *стою* (*stojŭ*), *врѣтѣж* (*vrütě*), *дрѣжѣж* (*drŭžě*), *кипѣж* (*kirě*), *млѣчѣж* (*mlŭčě*), *пишѣјѣж* (*pišě*), *сврѣјѣ* (= *сврѣби*), *смрѣдѣж* (*smrŭdě*), *трѣпѣж* (*trŭpě*).

Сюда относится в сербском языке множественное число настоящего времени от *хотѣть* (сербское *хѣтѣјети* = *хѣјѣти*), в русском *хотѣм* — *хотѣте* — *хотѣт*, а в некоторых областных великорусских наречиях и единственное число *хочѣ* — *хотѣшь* — *хотѣт*.

В малорусском, по крайней мере в украинском, некоторые глаголы, имеющие правильное ударение на характере в беспредложном виде, по сложенности с предлогами получают постановное ударение на корне не только в двух рассматриваемых формах (настоящем времени и неопределенной), но и во всех остальных: *глядѣю* и пр., но *углѣжу*, *оглѣдѣть*, *углѣдѣть*, *заглѣдѣти* (*вглѣдѣв*, *заглѣдѣло* око, *заглѣдѣвши*); *лѣжѣ* и пр., *полѣжу*, *не влѣжу*, *полѣжати* (*полѣж*, *полѣжав*, *полѣжавши*); *мовѣјати* — *мовѣю*, но *помѣвѣчати* (3-е лицо множественного числа),

помбвчати (неопределенная форма), *помбвч*, *помбвчав*, *замбвчав*; *сидіти* и *сідіти*, *сижу*, но не *всіжду*, *досижу*, не *всідіши*, *посіжду*, не *всідять*, не *всідіти* (*посідь*, *посідімо*); *стояю* — *стояти*, но *постою* (*постояв*, *по(про)стоять*).

Сюда же относится глагол *держати*, который в великорусском имеет в настоящем времени подвижное ударение (*держу* — *держишь*), но в малорусском (украинском) без предлога имеет ударение на характере (*держу* — *держіш* — *держіть* — *держать*: «Нехай своїх держатця слов!» — Котляревский, 266), а с предлогом, как *углѣжу*, *подѣржу* (*подѣрж*, *придѣржали*). Другой глагол *терпѣть* (малорусское *терпіти*) и в великорусском имеет подвижное ударение: *терплю* — *терпишь*; но в малорусском *потѣрпимо*, не *втѣрпимо* (*потѣрп*, *втѣрпіти*).

Рядом с этими отклонениями в малорусском можно слышать и правильные формы: *постояти* и пр. Самые отклонения не находят соответствия в сербском: *полѣжати* — *полѣжим*, *посѣдити* — *посѣдѣм*, *постѣјати* — *постѣјѣм* и пр.

Кажется, один только глагол $\frac{-и-}{-ь-}$ односложный в настоящем времени — *зрю*, в церковнославянском *узрю* — *узриши*, *прѣзриши* и пр.

Глаголы с характером $\frac{-е-}{-ь-}$, после шипящих $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 2)

В решительном большинстве великорусских (и литературном) глаголов этого разряда ударение постоянно на характерном *-ь-*: *бѣлѣю* — *бѣлѣть*, *грубѣть*, *глупѣть*, *говѣть*, *потѣть*, *умѣть*, *рыжѣть*, *дужѣть* и пр., *должѣть*, *мельчѣть*, *ветшѣть*, *стучѣть* и пр. Исключаются глаголы, произведенные от прилагательных на *-авый*, *-явый*, *-овый*, *-атый* (*-астый*, *-истый*, *-итый*) и от существительных на *-ник*, удерживающие ударение своих первообразных: *ржѣветь*, *курчѣветь*, *плешиветь*, *багроветь* (*здороветь* — не составляет исключения, так как суффикс есть *-въ-*, но исключение *богатѣть*), *мошѣнничать*, *умничать*, *ябедничать* (Павский, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, 38). В беспредложных глаголах то же и в малорусском: *зеленіти*, *молодіти*, *багатіти* и пр.

Почти те же исключения, именно глаголы от прилагательных на *-авий*, *-явий* и *-ивий*, *-атий*, *-овий*: *іржавіти*,

корявіти («озиме од засухи покорявіло»), *паршійвіти*, *космаіти*, *патлаіти*, *яловіти* (*яловий*), но *здоровіти*.

Сверх этих, сохраняют ударение первообразных глаголы, произведенные от сравнительной степени прилагательных: *лѣгшати*, *лпшати*, *гпшати*, *зеленішати*, *веселішати*. В *жѣвріти* — *жѣврѣ* ударение первообразного слова, так как это последнее не известно.

Сербское *застављати* (*заставлять* — закладывать, отдавать в залог), *обасипати*, *опсипати* (отсыпать, обсыпать) и пр.

В болгарских глаголах с основным характером $\frac{-ак-}{-а-}$, по

настоящему времени распадающихся на два отдела, один с несокращенным характером (*играж* (= *-ајъ*) — *играѣш* — *играѣ*, *играѣме* (*-мъ*) — *играѣте* — *игражт* (*-ајѣт*), другой — со стяженным характером *-а* (*дум-а-м* — *дум-а-ш* — *дум-а*, *дум-а-ме* — *дум-а-те* — *дум-а-т* (*ѣт*). Немногие глаголы, принадлежащие к первому отделу, имеют ударение на первом слоге характера, как и соответственные русские: *играж* (*-јъ*), *копѣж*, *вѣнчѣж* (пишут *-ѣж*, но здесь болгарское *ж* из основного *ка*, а не из *ѣ*), *длѣбѣж*, *сѣдлѣж*.

Глаголы второго отдела почти без исключения отглагольные (с основным характером *-ае-* и *-и-* + *-ае-*), употребительные без предлога или только с предлогом, отличаются от большинства соответствующих русских тем, что имеют ударение на коренной гласной, приближаясь в этом отношении к ударению настоящего времени соответствующих сербских: *избѣвам* (корень *би*), *напѣвам* *сѣ*, *навѣвам*, *наливам*, *дошѣвам*, *изгнѣвам*, *повѣвам*, *давам* (*издавам*), *познавам*, *наставам*, *надѣвам* *сѣ* (надеюсь), *додѣвам* (досягаю), *извѣвам*, *огрѣвам*, *натпѣвам*, *препѣвам*, *засмѣвам* (осмеиваю), *добѣвам* (*бы*), *измѣвам* (*мы*), *закрѣвам*, *обувам*, *прочѣвам* *сѣ* (становлюсь известным), *начѣвам* (*чѣ*, начинаю), *отрѣвам* (*трѣ* = *трѣ*, обтираю), *припада ми* (падаю в обморок; простой глагол *падам*), *развалѣм* (*-ѣм*) и простой глагол *валѣм*, *исправѣм* (*-ѣм*), *расаждам*, *обаждам* (*вид*), *изгасчам* (*-ѣм*), *хващам* (хватаю), *даждам*, *ослаждам*, *дѣгам*, *родѣгам* (новее), *достѣгам*, *осѣждам*, *отпѣждам* (отгоняю), *прирѣчам* (*-ѣм*), *мѣшам*, *пѣшам*, *истрѣсам* (*-ѣм*: корень *трѣс* — ausschütten, вытрушиваю), *гледѣм* (*изгледѣм*), *напрѣгам*, *отпрѣгам* (напрягаюсь), *созрѣждам* (*рѣд*), *отѣгам* (*-тѣгам*, корень *тѣг*), *отрѣгам*

(рыг). *распѣтам* (пыт), *навѣкам*, *наспѣшам* (сыт), *наврѣтам* с.а.

Окѣсам. *Стѣгам* (стѣгам, корень тѣг), *заклѣвам* (кльн, заклет); *начѣвам* (чѣн, начинать).

Сѣдам, бѣгам, исцѣждам, закрѣтам, лѣгам (лег), мѣшам (измѣшам и измѣшам, корень мѣш), препѣчам (пек), расплѣтам, измѣтам, излѣзѣм (лѣз), изрѣчѣм; намирам (мѣр), засмѣвам (-смѣ, насмѣх), отсѣчѣм (сѣк), облѣчѣм — облѣчѣм (влѣк). Огарѣм (изгарам), отхождам — отходам (-ѣм) и проходам; подрѣвѣм (подрываю, корень ров), помагам, замагам, припасам = припаѣм (пас), проваждам (вод), раждам (род), кадам, искалѣм (кол), тачѣм (ток, точѣ), прапѣтам (прост), повтарам, поварам, затварѣм, избадам (бод), истѣкам, истѣчѣм (вытачивать жидкость), гаждам; вѣздѣчѣм, постѣлам, продѣрам, извѣрам (врѣти), пѣрам (перѣ, мою), додѣрам (драть), запѣрам, умѣрам, обѣрам, смѣгам (мигаю), почѣтам (почѣтам и чѣтам), подѣмам (однѣмам и без предлога — ѣмам).

а) Отыскивая примету, отличающую глаголы $\frac{-и-}{-и-}$ с подвижным ударением от таких же глаголов с постоянным ударением на характере, акад. Грот замечает, что последние почти все суть «производные, т. е. составлены из имен существительных, прилагательных или числительных (*бодрить*, *воднить*, *воцѣть*, *гноить* и пр.), тогда как глаголы с подвижным ударением по большей части первозобразны, т. е. образованы хотя и не прямо от корня, но и не от слова — другой части речи». «Есть исключения и в том и в другом случае, например, в первом случае *долбить*, *дойть*, а во втором *женить*, *сердить*, *застрѣлить*. Впрочем, между глаголами с безусловно-подвижным ударением очень редки глаголы производные; едва ли можно найти тому другие примеры, кроме сейчас приведенных. Итак, глаголы с подвижным ударением почти все — первообразны. Напротив, между глаголами с постоянным ударением на конце — первообразных очень мало: *родить*, *решить*, *вратить*, *копнуть*, *кроить*, *сулить* — вот чуть ли и не все они»¹.

По нашему взгляду и терминологии, глаголы с характером *-и-* все производные, т. е. или отыменные (сюда же и немногие — от местоимений) или отглагольные, предпо-

¹ Я. К. Грот, О глаголах с подвижным ударением, стр. 342—343.

лагающие корень в форме более простого глагола. В глаголах характера $\frac{-и-}{-и-}$ во многих случаях невозможно определить границу между теми и другими по форме, так как то усиление корня, которое свойственно разряду $\frac{-и-}{-и-}$, об-

разует и существительные, и прилагательные с суффиксами *ъ*, *а*, *о* (*вез* — *воз* — *возить* и пр.). Иногда и значение глагола не решает вопроса о том, есть ли он отглагольный или отыменный. Оставляя такие случаи в стороне, мы находим в числе глаголов с одним подвижным ударением больше отыменных, чем у Грота: *дразнить* (с именным суффиксом *-и-*), *пособить* (местоименный корень с падежным суффиксом), *судить* (суд), *шутить* (шут), *служить* (нет корня *слуг-*, а есть существительное *слу-га*), *лечить*, *бесить*. Таким образом, не считая нескольких других, коих отыменность нужно было бы пространнее доказывать, на сорок семь глаголов с одним подвижным ударением находим десять явно отыменных. В числе глаголов с двояким ударением — отыменны: *дарить*, *крестить*, *клеить*, *цѣнить*, *божиться*, *косить* (коса), *трубить*, *кружить*, *белить*, *гнездиться*, *резвиться*, *делить*, *лениться*, *мѣрить*, — т. е. четырнадцать, не считая тех, относительно коих могут быть возбуждены сомнения, требующие опровержения. Мне кажется, приведенные отклонения значительно уменьшают верность замечания, что глаголы с подвижным ударением по большей части первообразны (т. е. отглагольны). Что до второго наблюдения, что глаголы с ударением на характере — отыменные, то оно кажется более верным. Из исключений, приводимых акад. Гротом, остаются покамест верными только два (*нѣжить*, *сулить*); *родить* и *кроить* имеют и подвижное ударение (в малорусском); *копнуть* — явно отыменное (копоть) и притом имеет в малорусском подвижное ударение. Относительно *вратить*, что все принятые в литературном языке церковнославянские глаголы, имеющие при себе русские полногласные (*вратить*, *влачить*, *млатить*, *хранить*, *градить*, *златить*, *требить*, *кратить*), независимо от своей отыменности или отглагольности, имеют в русском постоянное ударение на характере вовсе не потому (как предполагает г. Грот), что старославянскому чужда подвижность ударения. Положительно известно, что подвижность ударе-

ния в смысле отличия ударения первой темы от ударения второй свойственна этим глаголам в сербском, откуда с полной вероятностью следует, что она принадлежала им в старославянском. Дело в том, что русский язык заимствовал эти глаголы не из живой речи, а из книг, и не справляясь (да и справляться было негде), как они произносились, подчинил их своим условиям, по которым в о в н о в ь в х о д я щ и х (в историческое время) в я з ы к г л а г о л а х $\frac{-и-}{-и-}$ ударение должно быть постоянное (на корне, именном суффиксе или глагольном характере). По крайней мере, мне не встречалось новопроизводных глаголов $\frac{-и-}{-и-}$ с

подвижным ударением. Можно сказать, что в о о б щ е подвижность ударения в русском изменяемом слове есть признак его туземности и древности; нельзя сказать, что все изменяющиеся слова с неподвижным ударением — новы; но и новые входят в этот последний разряд в силу общего всем арийским языкам стремления к неподвижности ударения.

Ударение простого глагола в великорусском всегда, а в малорусском во многих случаях сохраняется и по соединении его с предлогом. Так, в малорусском *позеленіє, повеселіє, поніміють, зрадїє, здурів, повечеріє, поздоровішає, поліпшає, погіршає, хмарки порідчають*. Но в малорусском в отличие от великорусского и литературного некоторые глаголы с ударением на характере по соединении с предлогом получают ударение на корне: *постарітись* («пристарівшись» — Кулиш, I, 318), *посініти* («ще й дерево не посініло» — *ibid.*), *потепліти* (*потепліло*), *стемнітись* (*стемнілось*), *розвіднітись* (*розвіднілось*), *відсіріти* (*шпички відсіріли*), *забагатіти* («забагатів» — Кулиш, II, 44); *усе, таки, побагатіло; зледацити* (*зледацив*), *зачерствів хліб, одужати, занедужати* (впрочем, простой глагол *дужати* не известен, скорее — *дужати*, как *жіврити*); *пронідіти* («Він годів зо два там просідів, А мабуть, би і більш пронідів» — Котляревский, 18).

Вообще примеров этого передвижения акцента мало; большой последовательности здесь ожидать нельзя. Ср., например, *стемнілось* и *посуте(м)ніло*.

Для сравнения обеих рассматриваемых форм характера $\frac{-ѣ-}{-ѣ-}$ с сербскими имеется только один глагол (*умјети* — *умијем* = русскому), вполне соответствующий русскому, и один, немного отклоняющийся в настоящем времени (*угдвети* — *угдвѣм* из *угдвѣјем*).

Во всех остальных русских глаголах характеру $\frac{-ѣ-}{-ѣ-}$ =сербский $\frac{-и-}{-ѣ-}$, и, стало быть, можно сравнивать только неопределенное наклонение. Сравнение это доказывает древность господствующего русского ударения на -ѣ- в неопределенной форме: ср. *обуддвјети, плавјети* (половеть), *поскупјети, слиждјети, нијемјети, блиједјети, зарудјети, полудјети, сиједјети* (*nesco*), *жутјети, опустјети, осиротјети, бијѣлети, огдјети, оддјети, бјешњети, гладњети, жедњети, зелѣњети, поплаветњети, поруменьети, поцрвѣњети, поцрњети, тамњети, хладњети*.

Этими глаголами не оправдывается перенос ударения на корень в малорусских предложных; встретилось только два сербских глагола, в коих несмотря на русское ударение на корне, стоит ‘‘: *старјети* и *мљети* (из *мљети*), что было бы в малорусском *постарјети*. В настоящем времени приведенные выше сербские глаголы *старим, мљем* имеют то же ударение, что в неопределенной форме, но предложные с подвижным ударением: *брѣдити* — *брѣдим*, но *пребрѣдити* — *пребрѣдѣм*, что предполагает простой глагол *брѣдити*. *Топити* — *топѣм* (*liquefacio, inundo*), но *затопити* — *затопѣм* *трубити* — *трубѣм* (и предложный *затрубити* — *затрубѣм*), *тужити* — *тужѣм* (и предложный *протужити* — *протужѣм*), *тужити се* — [*тужѣм се* (*sich geniren*). Как в последнем случае на основании русского мы заключаем, что *брѣдити* — *брѣдим* древнее, чем *брѣдѣм*, так и в первом, быть может, на основании сербского предложного *покорим*, следует полагать, что более древнее сербское ударение есть *корим*, а не *корѣм* и что в русском было некогда *корить*, а не *корить*.

В болгарском ударение на характере: *пож* — *поиш* (сербское *појити* — *појѣм*), *чинж* — *чиниш* (сербское *чинити* — *чинѣм*), *зобж* (*zobě*) — *зобѣш* (*зобити* — *зобѣм* — кормить зерном, например, коня), *веселж* — *веселиш* (сербское *веселити* — *веселѣм*), *дарж* (*darě*), *закачж* (повешу),

годѣж (godě verloben), гостѣж (gostě), корѣж (korě), роѣж сл., врѣштитѣж (vrěště — кричу), дробѣж (drobě) (сербское дрѣбтити — дрѣбим), кротѣж (krotě — укрощаю), крѣштитѣж (krěště — крошу, сербское крѣштити — крѣшим).

б) В сербском уже в беспредложном глаголе ударение ` или ^ на корне в неопределенной форме и ^ или ^ в настоящем времени: прѣстити — прѣстѣм, лѣшити — лѣшим, смѣрити — смѣрам, гнѣвити — гнѣвѣм, гнѣчити — гнѣчѣм (давить, месить, ср. с другим значением архаическим: гнетить), бијѣдити — бијѣдѣм (побијѣдити — побиијѣдѣм, победить), гријѣшити — гријѣшим, крѣсити се — крѣсѣм се (лететь вверх — об искрах, но одного происхождения с воскресить); блажити — блажѣм (блажить, ублажать); стражити — стражѣм (сторожить); плијѣнити — плијѣнѣм (полонить), тријѣбити — тријѣбѣм (теребить); прашити — прашѣм (запорошить).

в) В немногих случаях ^ на корне: дѣмити (дымить). В болгарском дымѣж (dymě).

Болгарское простѣж (prostě), смирѣж (smirě), гнѣ(ѣ)вѣж (gnevě), блажѣж (blazě = ем скромное) отличается от русского трѣбѣж (bereinigen).

Глаголы с характером $\frac{-ae-}{-a-}$ (V, 4, а и б)

В первой теме ударение на первом слоге характера. Сюда принадлежит решительное большинство глаголов этого характера.

а) Глаголы, употребительные и без предлога — частью первой схемы (большею частью отыменные), частью второй схемы: малорусское бажати; брѣать, бывѣть, гонѣть (малорусское ганѣти), жадати (старинное русское и малорусское), жахати (малорусское), играти, карати, катати, копѣть, кусѣть, ломѣть, лупѣть (малорусское лупѣти), малорусское лягѣти, махѣть, мигѣть, менять, мешѣть, малорусское пам'ятати, пинѣть, питѣть, полохати (малорусское), прохати (малорусское; старинное прашати), прощѣть, пытѣть, ронѣть, светѣть, скитѣться, сморкѣть, страдѣть, стрѣлять, ступѣть, седлатѣ, тягѣти (малорусское), уздѣть, ханѣти (малорусское), хватѣть, хлѣбѣть, чвалѣти (малорусское), чихѣть, чухрати (малорусское), шибѣть, щипѣть и др.

б) Отглагольные предложные второй и третьей степени с простым характером $\frac{-ae-}{-a-}$ и сложные $\frac{-a- + -ae-}{-a- + -a-}$.

в) Отглагольные предложные с характером $\frac{-b- - -ae-}{-b- - -a-}$ *одолѣвать, раскаяваться.*

В сербском очень немного глаголов с ударением, соответствующим русскому в обеих темах. Большею частью соответствие есть только в неопределенной форме, но и здесь много исключений:

а) Лишь немногие беспредложные глаголы имеют ` в обеих формах на слоге, предшествующем характеру, и равны русским глаголам с неподвижным ударением на характере: бранати — бранѣм (бороновать), бривати — бривѣм (= бријати — бријѣм), бујати — бујѣм; вѣнати — вѣнѣм (нюхать, пахнуть), копѣти — копѣм; равнати — равнѣм, сѣјати — сѣјѣм (сѣять; сѣјѣм = сѣять), читати — читѣм, седлати — седлѣм, ѣздати — ѣздѣм (ездать), велѣчати — велѣчѣм, гребѣнати — гребѣнѣм; работати — работѣм (великорусское областное работѣть) и некоторые др.

И по соединении с предлогами удерживают то же ударение: докѣпѣм се, порѣвнѣм се, прочитѣм, осѣдлѣм, заѣздѣм. В других глаголах в сербском чередуются ударения на слогах, предшествующих характеру: ` в неопределенной форме и ^ в настоящем времени; ` в неопределенной форме и ^ в настоящем времени: играти — игрѣм (один пример); бивати — бивѣм (бывать), вѣлати — вѣлѣм, виѣти — виѣѣм (видѣть), вијати — вијѣм (догонять, крутить головою: корень ви), вијѣтати — вијѣтѣм (обещать), вијѣнати — вијѣнѣм (рассуждать, обсуждать); вѣдати — вѣдѣм (многократное от водѣти), вѣзати — вѣзѣм, вѣдѣти — вѣдѣм; врѣзати се — врѣзѣм се («врза се око куѣе» — толчется), гаѣти — гаѣѣм («ѣе очи гаѣјау — достигают, направляются — ту и памет»), гаѣти се — гаѣѣм се (гоняться друг за другом), гаѣти — гаѣѣм (преследовать кого), гѣбати — гѣбѣм, гѣнати — гѣнѣм (преследовать), грѣбати се — грѣбѣм се (горбиться, кланяться), дѣрати — дѣрѣм (трогать), карати — карѣм (ругать), кусѣти — кусѣѣм, лупѣти — лупѣѣм (стучать, бить), мијѣнати — мијѣнѣм, мијѣшати — мијѣшѣм, нѣсѣти — нѣсѣѣм, питѣти — питѣѣм (пытать — в значении «спрашивать»), прашѣти се — прашѣѣм

та̄м се, пуштати — пушта̄м, ра̄жати — ра̄жам, скитати се — скита̄м се; страда̄ти — страда̄м, стрӣжельати — стрӣжельам, ступ̄ати — ступ̄ам, штӣпати — штӣпам и др.

Есть случаи совершенного несоответствия русского ударения сербскому, — именно когда в сербском $\bar{}$ на корне, а в русском постоянное ударение на характере: *питати (пита̄ть), с̄једати, хватати, шибати* (сечь розгами: «куд то шiba» — метить).

б) Глаголы $\frac{-ae-}{-a-}$ и $\frac{-и- + -ae-}{-и- + -a-}$, в сербском употребительные только с предлогом, имеют в корне или долгую гласную или короткую с более тяжким ударением. В первых в неопределенной форме долгая гласная имеет ударение $\bar{}$, в настоящем времени $\bar{}$, с русским согласны только формы неопределенного наклонения: *разг̄ризати — разг̄риза̄м, отр̄есати — отр̄еса̄м, оме̄тати се — оме̄та̄м се, натпр̄едати — натпр̄еда̄м, отк̄идати — отк̄ида̄м (ск̄идати, но простой глагол к̄идати), наг̄риже̄бати — наг̄риже̄ба̄м, заб̄адати — заб̄ада̄м, до̄нашати — до̄наша̄м, иска̄лати — иска̄ла̄м (и простой ка̄лати — ка̄ла̄м, пластать рыбу), изма̄лати — изма̄ла̄м (домалывать) (= измӣлати — измӣла̄м, наб̄ражати — наб̄ража̄м (бр̄ожити), об̄нављати — об̄навља̄м, оп̄аштати — оп̄ашта̄м (настоящее время), надӣмати се — надӣма̄м се, назӣвати — назӣва̄м, об̄ирати — об̄ира̄м, на̄тпӣжвати — на̄тпӣже̄ва̄м, на̄шӣвати — на̄шӣва̄м, обӯвати — обӯва̄м, на̄тпӣјати — на̄тпӣја̄м, об̄авӣјати (об̄ӣјати) — об̄авӣја̄м (об̄ӣја̄м), по̄бӣјати — по̄бӣја̄м* и пр.

Все эти глаголы имеют одинаковое ударение с многочисленными сербскими же глаголами характера $\frac{-je-}{-a-}$, равными им по значению: ср. *до̄нашати — до̄наша̄м* с *по̄магати — по̄маже̄м*. Везде ударение настоящего времени переходит на предлог $\bar{}$.

Сербские, имеющие в обеих формах более тяжкое ударение на корне (= $\bar{}$ на предлоге) вполне несогласны с русским. Приводим здесь примеры такого разногласия как из глаголов $\frac{-ae-}{-a-}$, так и из $\frac{-je-}{-a-}$, так как по ударению они в сербском сходны: *засла̄нати — засла̄на̄м, изб̄ављати — изб̄авља̄м, џмирати — џмир̄ем, надирати — надӣр̄ем (надира̄ть), запирати — запӣр̄ем (запира̄ть), пр̄дстирати —*

пр̄дстир̄ем (простила̄ть), за̄тирати — за̄тир̄ем, извирати — извӣр̄е (вода). Так, по Мажураничу, от «бра̄ти, пра̄ти (мыть) — бӣрати, пӣрати» (Ма̄ж у га̄ пӣ е, Slovnica hercova, § 207, 2); у Караджича (Српски рјечник) бӣрати, например, ко̄на — abrichten, condocéfacio, но бӣрати се — бӣра̄мо се (избирать друг друга) и отсюда: изб̄ирати — изб̄ира̄м, исп̄ирати — исп̄ира̄м (мыть, вымывать), почӣнати — почӣнем (начинать), но почӣнати — почӣна̄м (починять, острить подковные гвозди молотом); уз̄имати — уз̄има̄м (уз̄имль̄ем), на̄пӣнати — на̄пӣнем (напирать, например, шатер), жӣмати (по Мажураничу, § 207, 2), по Караджичу, ижӣмати — ижӣма̄м, саж̄имати — саж̄има̄м, но однако, согласно с Мажураничем, — за̄жимати — за̄жим̄ам (за̄жимль̄ем), пре̄жимати; жӣнати (ж̄н̄. — Ма̄ж у га̄ пӣ е, loc. cit.). Караджич до̄жӣнати, дӯвати (Ма̄ж у га̄ пӣ е, loc. cit.), но у Караджича на̄дувати — на̄дува̄м, по̄мицати — по̄миче̄м (помыкать, подвигать), пре̄п̄јецати — пре̄п̄јече̄м (южное . . . . ., западное пере̄пекать, пере̄гонять водку), џт̄јецати — џт̄јече̄м (западное тӣцати), за̄жизати — за̄жизе̄м, џдизати — џдизе̄м (выдвигать), џдисати — џдише̄м (вздохать), џсисати — џсише̄м (усыхать), џстицати — џстиче̄м (собственно вытыкать; накрывать стол), по̄шӣљати — по̄шӣље̄м (посылать) и многие другие.

В некоторых глаголах, употребляемых и без предлога и имеющих в простом виде ударение на первом слоге, русский язык, при сложении таких слов с предлогами, оставляет ударение на том же месте, если глагол становится совершенным, и передвигает его на характер, если глагол остается несовершенным: *па̄дати, по̄па̄дати, на̄па̄да̄ть*. Сербский язык такого различия не знает. В нем этого рода глагол несовершенный имеет то же ударение, что русский совершенный: *за̄кла̄нати (= за̄кло̄нать), опа̄дати (= опа̄да̄ть), за̄стављати (заставля̄ть = за̄кладывать, отдавать в залог), од̄асипати (отсыпать), оп̄сипати (= обсыпать).*

в) В русском (книжном) характер $\frac{-ae-}{-a-}$ присоединяется посредством эфонического в к характерам $\bar{}$ - и $\bar{}$ -а-, постоянно принимает ударение на характере $\bar{}$ -а-, независимо от того, стоит ли в первообразном глаголе ударение на характере (*сла̄б̄ать — осла̄б̄ва̄ть — осла̄б̄ва̄ю, чет̄ать —*

сочетавать) или на корне (воссиявать, раскаяваться, растаявать, отчаяваться). В сербском глаголы **-а-ва-**, очень немногочисленные в русском и исключительно книжные, очень многочисленны и народные. Как они, так и глаголы **-ѣ-ва-** все имеют одинаковое ударение, именно: первая характерная гласная в них продолжается и в штокавском имеет на себе в неопределенной форме *'*, что согласно с русским (= ијева-, -ава- = ъва, -ава-), а в настоящем времени должна бы иметь *o*, но переносит это ударение на предыдущий слог в виде *'*, что с русским не согласно и, быть может, указывает, как и выше, на новость обличенного ударения.

Примеры: *загоријевати — загоријевѣм (горѣвам), одолијевати — одолијевѣм, поболијевати — поболијевѣ ме, разумијевати — разумијевѣм, дождњевати — дождњевѣм; додијевати — додијевѣм (К а р а Ч и њ, Српски рјечник), вечеравати — вечеравѣм. И по этому образцу: вјенчавати, доигравати, задржавати, закључавати, подавати, мотавати, отуравати, наравати, лизавати, намјеривати, смијавати, оравати, учавати, додијавати, мишљавати, куњавати, вијавати и др.*

В болгарских глаголах с характером **-ѣ-в-ае-**, **-авае-**, **-авеа-** (по-болгарски **-ѣвам, -авам, -авем**) имеют ударение на первом слоге характера: *загладѣвам (становлюсь голодным), заговѣвам, задлѣжнѣвам, зазеленѣвам сѣ, закѣснѣвам, захладѣвам сѣ, изумѣвам, околѣвам, опустѣвам, погрознѣвам, разболѣвам сѣ, заврѣтѣвам, претрѣпѣвам, проврѣтѣвам; истѣкавам, свавѣвам сѣ, оковѣвам, присвоѣвам, раздѣбѣвам, раскопѣвам; забѣлжѣвам, завалявам, заглушѣвам, просявам, измѣнявам, изредѣвам, искоренѣвам, искривлѣвам, подновѣвам, преселѣвам, приближѣвам (пишут **-ѣвам**).*

Глаголы с характером $\frac{-yje-}{-ova-}$ (VI, а)

Исключаем из сравнения малорусские глаголы с этим характером, которые по значению и по ударению равны великорусским **-ыва-** и **-ива-**, а также те общеславянские, которые имеют ударение на корне. Все остальные тем отличаются от прочих, имеющих в русском ударение на характере, что в них в пределах самого характера ударение не постоянно: на первом слоге характера в настоящем вре-

мени и на втором в неопределенном наклонении $\frac{-yje-}{-ova-}$.

Соответствие русского ударения с сербским здесь в большей части случаев полное: *војевати — војујѣм* (чакавское *војевати — војујѣм* = русскому). Караджич (Српски рјечник) в **-ујѣм** вовсе не ставит над *у* *o*, который у него после другого количественного ударения есть всегда только знак долготы, что заставляет считать это *у* кратким. То же и Даничич. Но Мажуранич пишет: *купѣјѣм, купѣјѣћ, купѣјѣћи* (деепричастие) и, однако, причастие «*купѣјѣћ*», *краљѣјѣћ*» (§§ 171, 181). И по этому образцу: *краљевати* (по-русски было бы *королевать*), *векѣвати, гладѣвати* (голодовать), *зимѣвати, кумѣвати, купѣвати, мудрѣвати* и пр. В болгарском глаголам на **-ую** в русском и **-ујѣм** в сербском соответствуют глаголы на **-увам**, в коих от характера **-ује-** осталось одно *у*, соединившееся посредством характера **-в-** с характером **-ае-**. С вышеприведенными сербскими и русскими глаголами сравни болгарские *гладѣвам* (голодаю), *болѣрѣвам* (быть боярином), *гѣдѣвам* (гуду, играю на скрипке), *жѣдѣвам* (жажду), *купѣвам, лудѣвам* (делать глупости, быть дураком), *милѣвам, мирѣвам* (быть мирным, спокойным), *препоштѣвам, робѣвам* (быть рабом), *служѣвам (служить; церковнославянское править), страхѣвам сѣ* (бояться), *снѣвам (снюсь), хор(а)тѣвам* (говорю, от *харата* — речь), *царѣвам, цѣлѣвам* (целую), *бабѣвам* (быть повивальной бабкой). (В Домострое, 46: «свободу даруем»).

Образец *иду— ити*

Образец *иду — ити* в настоящем времени без предлога слился с образцом *веду — весті*. Великорусское *иду — идѣшь, идут, итѣи*; малорусское *йду — йдѣш, йдемѣ — йдетѣ — йдутѣ, йти (ити)*. Однако и в литературном и в народном великорусском языке сохранились в нем следы подвижности ударения в настоящем времени: «Слух идет о твоих поступках» (Державин); «Разумный видит, что к чему идет»; «Бог видит, кто куда идет» (Даль, Словарь, т. II, «идти»). В малорусском подвижность ударения называется при сложении с предлогами: *пидѣю — пидѣеш — пидѣмо — пидѣте — пидѣуть; дидѣю — дидѣеш (дойду — дойдѣшь); найдѣю — найдѣш, изнайду — изнайдеши; перейду — перейдеши; пидойду — пидойдеши*.

Таким образом, основное общерусское ударение *иду* — *идешь* — *идём* — *идут*, кроме 1-го лица, остающегося под сомнением (см. выше), согласно с общесербским: *идём* — *идеши* — *идемо* — *идете*. Отличие от третьего образца в неопределённом наклонении. Сравни *дуть* = русскому *дуть* с сербским *ићи* = русскому *утти*.

В болгарском (= сербскому) *ида* — *идеш* — *иде*, *дѣда* (дойду), *отѣда*. В церковнославянском (например, ...) *идетъ*, *наидетъ*, *преидетъ*, в Домострое, 66: «по двору идешь».

Сербские предложные от *-ићи* вообще согласны с малорусским в тоническом отношении. Долгота первого слога — в *дѣћи* — *дѣћем*; *наћи* — *наћем*; *изнаћи* — *изнаћем*, *поћи* — *поћем*, *подаћи* — *подаћем*, — объясняется слиянием коренной гласной с гласною предлога; в *одићи*, *подићи* для объяснения долготы нужно предположить поглощение второй гласной предлога (ъ) коренною гласною.

Из рассматриваемого разряда под этот образец подходит только *мочь* (из *мочи*, малорусское *могти*), *могу* — *можешь*. В малорусском есть *могу*, частью как архаизм, частью в силу влияния литературного языка, но обыкновенно *можу*, *не могу* (с ударением на корне, не в песнях только, но и в простой речи) и «не могу» (ср.: К в. - О с н., I, 55). Именно здесь, где можно было бы ожидать случайного совпадения малорусского ударения на корне в 1-м лице настоящего времени с сербским, в сербском, в виде исключения, настоящее время имеет ударение, совершенно тождественное с русским: *могу*¹ — *можеш* (*мреш*) — *може* (*море*), *можемо* (*мремо*) — *можете* (*морете*) — *могу*. При *могу* есть в сербском предложные и правильные (с сербской точки) — *можём* (*поможём*).

Сложные с проклитическими частицами в русском и сербском соответствуют друг другу: *не могу* (малорусское *не могти*) — *не могу*, *помочь* (малорусское *помогти*) — *помогу*, *поможешь* = сербскому *немоћи* — *немогу*, *помѣћи* — *поможём*, *поможеш*.

¹ *Могу* (Караджич); у Мажуранича (§ 177, 3) эти глаголы не представляют никакой особенности в ударении: *могу* (*можеш*) и т. д. В болгарском *мож* и *можж* (*тоже*), как в малорусском *можеш*.

Образец *колю* — *колешь*, *колота* (*колоть*); *пишу* — *пишешь*, *писати*

Глаголы с корнем на *р*, *л*, с характером *-je-*

В настоящем времени ударение подвижное: *мелю* — *мелешь*, *колю* — *колешь*, *полю* — *полешь*; *борюсь* — *борешься*; *порю* — *порешь*. Согласно с правилом, в сербском уже в 1-м лице единственного числа стоит более тяжкое ударение (*кољем*, *мелѣм*) и переходит на предлог как *самелѣм*, *закольѣм*.

В неопределённой форме русского *олб* = основным *ла* и *ль*, а затем правильно (по образцу *берѣмя* = *брѣме*) — *молоти*, *колоти*, *полоти* (*бороти*, *пороти*) = сербским *клати*, *мљети*, *плѣти*. Настоящее время в последнем сербском глаголе отклоняется от образца: *пли јевѣм*.

В болгарском *мѣлж* (*мелѣ*), *болж* (*колѣ*), *борж* *са* (*бѣрѣ сѹ*), *порж* (*рѣгѣ*).

Глаголы на разные согласные

с характером $\frac{-je-}{-a-}$ (III, 2, б)

Примечание 1-е. Не идут в сравнение те из сербских глаголов, которые по значению = русским $\frac{-aje-}{-a-}$.

В настоящем времени ударение подвижное; в неопределённой форме — на характере *-а-*. В сербском этим глаголам (за исключением обычной разницы в 1-м лице единственного числа настоящего времени) соответствуют образцы:

а) на односложном корне в настоящем времени *к*, в неопределённой форме *кресати* — *крѣшѣм*; б) в глаголах, относимых к двухсложным корням (т. е. корням относительным, уже образованным из их форм) в настоящем времени ударение *к* на первом слоге корня; в неопределённой форме ударение *к* на втором: *клопотати* — *клопоћем*, что в западном было бы *клопотати* — *клопоћем*; в) на односложном корне — в настоящем времени *ч*, в неопределённой форме *ч*.

По образцу а) сербские (соответствий русских не выставляю): *клати* — *клатѣм*, *крѣсати*, *мѣтати*, *стѣнати*, *тѣсати*, *чѣсати*, *гладати*, *зѣбати*, *лѣкати*, *драти*,

підпати; *искати* (*йштем* — *рето*, *quaego*, но в значении «искать в голове», украинское «сѣкати», глагол этот удлиняет коренной слог: *искати* — *йштем* = *біскати* — *біштем*), *шпнати* и др.

Относящийся сюда по настоящему времени разноспрягаемый глагол *хотѣть* (малорусское *хотіти*), сербское *хтјети*, вместе с глаголом *могү* составляет исключение из общего правила, по коему в сербском уже в 1-м лице единственного числа настоящего времени стоит то ударение, которое в русском лишь во 2-м и следующих лицах. Основное русское *хочү* — *хóчешь* — *хóчет* — *хóчем* (малорусское *хóчемо*) — *хóчете* — *хотят* (согласно с $\frac{-и-}{-ь-}$ вполне соот-

ветствуют сербскому *хѡћу* — *хѡћеш* — *хѡће* — *хѡћемо* — *хѡћете* — *хѡће* (и *хѡће*) (и *хѡће*). Так Мажуранич (Slovnica hěrvatska, § 159). У Даничича — *хѡћу* (и у Караджича, Српски рјечник) — *хѡћеш* — *хѡће*, но *хѡћемо* — *хѡћете* (Облици српскога језика, 114). В малорусском 1-е лицо *хочу*.

По образцу б): сербские *грѡхѡтати* — *грѡхѡћем*, *клепѣтати*, *клопѡтати*, *клокѡтати*, *лепѣтати*, *топѡтати*, *трепѣтати* и др. *Колѣбати* — *кѡлеблѣм* вполне соответствуют русским *колеблю* — *колебать* с неподвижным ударением в настоящем времени, но именно эта неподвижность — не правильна: следует ожидать 1-го лица, отличного от ударения 1-го лица в сербском: *колеблю*. Так еще в великорусском *колыхать* — *колышу* (но в малорусском, кажется, *колишү*). По правилу: великорусские *бормотать* — *бормочү* — *бормочешь*, *клеветать* и др., малорусские *буркотать*, *джеркотать*, *туркотать* и др.

По образцу в): сербские *казати* — *кажѣм*, *махати*, *капати*, *скакати*, *храмати*, *лизати*, *низати*, *писати*, *итѡпати*; *дрѣмати* — *дрѣмлѣм* (южное *дријемати* — *дријемлѣм*), *вѣзати*, *дѡтити*, *стрүгати* и др.

В русском (Грот насчитывает таких глаголов несколько: *глодать*, *вязать*, *казать*, *лизать*, *низать*, *скакать*, *икать*, *дремать*, *клепать*, *трепать*, *щепать*) сюда относятся: *блещү* — *блещешь* (без соответствующей неопределенной формы), *брехать* (*брешү*), *клохтать* (малорусское *квоктати*), *плясать*, *роптать*, *свистать* (*свищешь*), *стлать* (*стелю* — *стелешь*). Ср. *стѣрати* — *стѣрѣм*; *трепать*, *хлестать* (малорусское *хлистати*).

Как и под б), здесь есть немногие глаголы, которые уже в 1-м лице единственного числа имеют то ударение, которого

следовало ожидать только во 2-м лице. Таковы два книжных глагола: *алкать* — *алчу* и *жадать* (старинная русская форма), обыкновенно *жаждать* — *жажду*. По мнению акад. Грота, сюда же относятся: *зобать* — *зоблю*, *брехать* — *брешу*, *зыбать* — *зыблю*, *храмать* — *храмлю*. Но это вряд ли справедливо, по крайней мере относительно двух первых: по свидетельству Областного словаря в Олонекской, Новгородской, Псковской [губерниях], *зоблю* — *зоблешь*, в южнорусском и малорусском *брешу* — *брешешь*; вместо *зыбать* говорят *зыбать* (см. ниже).

Глагол *полоскать* согласен с сербским только в неопределенной форме (*плѡкати*) и расходится с ним в настоящем времени: *полощешь*, предполагает *плѡчем, но в сербском *плѡчѣм* — *плѡчѣш*.

Глагол *слать* — *шлю*. Сербское *слѡти* — *шлѣм* или *шлѣм* — по образцу *жѣти* — *жшѣм* — *жшѣм* и пр. и подобно другим глаголам односложным в единственном числе настоящего времени в малорусском переносит ударение на некоторые предлоги (*одшлеш*, *пршлеш*; церковнославянское (новое) *пѡслеш*, *пѡслехъ* и т. п.); а в сербском *пѡслати* — *пѡшлѣм* корень *пѡшлѣм* (так с на). В Домострое: «куды пѡшлютъ».

Кроме сербских глаголов (этого характера $\frac{-ja-}{-a-}$) со значением русских $\frac{-a|a-}{-a-}$, выше исключенных из сравнения,

есть еще глаголы образца III, 2, б с постоянным ударением на корне. О них см. под 5 — *сяду*.

В болгарском *клѣпж* (*klépè*), *тѣсж* (*tèsè*), *чѣшж* (*čèšè*), *зѡбж* (*zóbè*) — клевать зерно, отлично от *зѡбж* (характер -и- — кормить коня зерном), *лѡчж* (*lòčè*), *тѣпчж* (*tèpčè*), *йшпж*; *кажж*, *хрѡмж* (*hròmè*), *лѣжж*, *нѣжж* (*nìžè*), *пѣшж* (*pìšè*), *итѣпж* (*štìpè*), *дрѣмж* (*drèmè*). Однако *орж* (может быть, по образцу *мру* или *берү*) и *клеветж* (*klevetè*).

Глаголы с характером $\frac{-не-}{-ну-}$ (IV разряд)

Акад. Грот насчитывает в литературном языке только шесть глаголов этого разряда с подвижным ударением в настоящем времени и ударением на корне в неопределенной форме, именно: *обманү* — *обманешь*, *помянү* — *помянешь*,

взгляну́ — взглянешь (но простой глагол имеет постоянное ударение на корне), тяну́ — тянешь, тону́ — тонешь, мину́ — минешь (чаще мине́шь).

В малорусском таких глаголов больше: верну́ — вернеш, горну́ — горнеш, одягну́ — одягнеш, пом'яну́ — пом'янеш, полену́ (и полину́) — полинеш (полене́ш, плину́ — плинеш), заплинеш, досягну́ — досягнеш, тягну́ — тягнеш (протягну́ — протягнеш), тону́ — тонеш. Кроме этого, некоторые односложные переносят ударение на предлог: зігну́ — зігнеш, замкну́ — замкнеш (замкне́ш), засну́ — заснеш (засне́ш).

В сербском этим глаголам соответствуют глаголы образцов: то́нути — то́не́м, ми́нути — ми́не́м и равносильных им по ударению предложных: уто́нути — уто́не́м, премі́нути — премі́не́м; врну́ти — врне́м (К а р а џ и ћ, Српски рјечник; по Мажураничу, врну́ти — Slovnica hercovačka, 103); грну́ти — грне́м (Караджич; по Мажураничу, грну́ти — ibid.), помéнути — помéне́м, полéтнути — полéтне́м, досéгнути — досéгне́м, натéгнути — натéгне́м, са́гнути — са́гне́м, замкну́ти — замкне́м, ўсну́ти — ўсне́м.

Само собою, что в болгарском этот разряд глаголов с характером **-н-** вовсе не заметен, так как неопределенного склонения вовсе нет, а в настоящем времени 1-е лицо не отличается ударением от остальных.

В церковнославянском (нового типа) *ко́снется, прико́снется*.

Болгарское наречие, подобно русскому, не различает долготы и краткости, а потому мы приводим болгарские глаголы в алфавитном порядке коренных гласных, не обращая внимания на краткость или долготу этих глаголов в сербском.

Русским глаголам с ударением на характере — в неопределенном склонении и 1-м лице настоящего времени и на слоге, предшествующем характеру во 2-м и следующих лицах настоящего времени, соответствуют большей частью глаголы с ударением на слоге, предшествующем характеру, частью глаголы с ударением на характере.

Об ударении болгарских причастий прошедших на **-л-**, которое в глаголах с характером **-и-** можно бы (вместо потерянного в болгарском неопределенного склонения) по отношению к ударению сравнивать с русско-сербским неопределенным склонением, мы имеем мало сведений, и потому оставляем его в стороне.

а) Болгарские: да́виж, дра́виж, ма́миж (обманываю), па́лиж, тра́виж (отравляю), фа́лиж, фа́тиж, бра́ниж, вла́чиж, вра́тиж, пла́тиж, хра́ниж.

е: оже́ниж (оже́ниши).

и: чи́ниж.

о: во́диж (прово́диж), во́зиж, го́ниж, на-ло́жиж, мо́лиж, но́сиж, про́сиж, пу́стиж, скóчиж, то́чиж, хо́диж, гово́риж (говора́ти).

у: бу́диж, гу́биж, ку́пиж, лу́пиж с ѓ (из яйца), пу́стиж, служа́тиж, жу́тиж, люби́ж.

ѣ: крѣ́миж, крѣ́стиж, крѣ́шиж (и крѣ́шиж), сѣ́рдиж.

ѣ: бѣ́лиж, мѣ́сиж, свѣ́тиж (отлично от светѣ́ж — свячу), мѣ́риж, трѣ́биж.

ж: мѣ́тиж, рѣ́биж, сѣ́диж, стѣ́пиж, трѣ́биж.

б) а: ва́риж, ва́лиж, да́риж, га́сиж, ка́диж, пла́тиж, са́диж, гла́сиж, гра́диж.

о: зво́ниж, ко́сиж, ло́виж, мо́риж, ро́диж, смо́лиж, со́лиж, до́иж, кро́иж, по́иж (пи).

и: кривѣ́ж, мирѣ́ж, пилѣ́ж.

у: ду́шиж, су́шиж.

е: светѣ́ж, редѣ́ж.

ѣ: дѣ́лиж, гнѣ́здиж с ѓ, лѣ́пиж, мѣ́лиж, мѣ́сиж, цѣ́диж.

В русском литературном, по Гроту, таких глаголов сорок с небольшим: *глодать, вязать, лизать, низать, скакать, икать, дремать, клепать, трепать, щепать, щипать, писать, плясать, тесать, чесать, клегать, клохтать* [малорусское *квохт*], *роптать, топтать, шептать, дыхать, махать, пахать, пыхать, искать, блеск* [блещу́, блеще́шь — с потерянным неопределенным склонением, так как от *блиста́ть* — *блистаю́*, в малорусском *блища́ти* перенесено влияние и во второй], *свистать, хлестать; стон* [*стоню́* — *стоне́шь* по 1-му лицу не принадлежит сюда; но 2-е лицо в церковнославянском *сто́(е)не-ши*], *ор* [в великорусском — *ору́* — *орю́* — *орешь* отлично от *орю́* — *орѣшь*], *бормотать, грохотать, клеветать, клокотать, лепетать, скрежетать, трепетать, хлопотать, хохотать, щebetать, щекотать, полоскать* (итого — сорок пять). Следует прибавить малорусские трехсложные в настоящем времени: *буркота́ти, туркота́ти, джеркота́ти, шваргота́ти*.

В сербском разряд глаголов на $\frac{-не-}{-ну-}$ с характером $-н-$ с различным ударением в настоящем времени и неопределенной форме несравненно многочисленнее, чем в русском, так как к нему принадлежат многие из имеющих в русском в обеих формах постоянное ударение на корне (ср. *кинути — кинѣм, канути — канѣм, брѣзнути — брѣзнѣм, макнути — маknѣм* — с *кинуть* и пр.), и почти все те, которые в русском имеют постоянное ударение на характере, например, *дахнути — дахнѣм, махнути — махнѣм, мѣгнути — мѣгнѣм*.

Глаголы с характером $\frac{-н-}{-н-}$ (V, 1)

Лишь очень немногие глаголы этого разряда имеют подвижное ударение, именно: в великорусском *держать — держу — держишь* (но в малорусском *держѣти* и пр.). Великорусское и малорусское *терпѣть (терпѣти) — терпѣю — терпѣишь*. Великорусское *смотрѣть — смотрю — смотришь*. Акад. Грот относит сюда: *дышати — дышу — дышишь* (ошибочно: *дышишь*); эта форма есть в великорусском и малорусском, но предполагается в неопределенном наклонении малорусское *дѣхати (дихати)* и *вертѣть — верчу — вѣртишь* (чаще *вертишь*.) Этот переход не оправдывается соответствующими сербскими глаголами, в коих одно ударение в настоящем времени и неопределенном наклонении: *трпѣти — трпѣм, држати — држѣм, мѣтрѣти (неопределенное наклонение мѣтрѣти), вртѣти — вртѣм* (так и в сложных с предлогами *пѣтрѣм, задржѣм, завртѣм*). Между тем как на основании ударения в русском можно бы ожидать сербских: *држѣм, вртѣм*. Впрочем есть в сербском один глагол этого разряда с ` в неопределенном наклонении и с `` в настоящем времени: *вѣлѣти — вѣлѣм*.

В болгарском *дръжѣж (drǫžĕ), вртѣж (vrǫtĕ), трпѣж (trǫpĕ)*.

Глаголы с характером $\frac{-н-}{-н-}$ (V, 3)

Глаголов образца *любить (= любѣти) — люблю — любишь*, т. е. с ударением на характере в неопределенной форме и с подвижным ударением в настоящем времени, — у Востокова приведено девяносто; акад. Грот находит в литературном языке сорок семь глаголов, имеющих только подвижное ударение, и пятьдесят таких, которые, кроме подвижного

ударения, имеют в настоящем времени и постоянное на характерной гласной. Так как по его счету глаголов $\frac{-н-}{-н-}$ имеющих одно только неподвижное ударение, — до двухсот, то глаголы с подвижным ударением составляют около трети общего числа глаголов с характером $\frac{-н-}{-н-}$.

При обзоре глаголов с ударением на характере $\frac{-н-}{-н-}$ указаны малорусские глаголы в простом виде, имеющие такое ударение, как и в великорусском, но по сложении с предлогами получающие ударение на корне: *полѣжу, постѣю, придрѣжу, не всѣжу*. Подобное явление в глаголах $\frac{-н-}{-н-}$ представляет следующую особенность: малорусские глаголы *водѣти, возѣти, гонѣти, носѣти, ходѣти*, в простом виде не отличающиеся от русских (*вожу — возиши* и пр.), по соединении с предлогами получают двоякое ударение. А) Становясь совершенными, они сохраняют общерусское ударение простого глагола или переносят, согласно с великорусским, ударение на предлог **ви**: *перевозѣю, вѣвозѣю* («перевозѣти, вѣвозѣти увесь гнѣй» и пр.). Б) Оставаясь несовершенными, получают постоянное ударение на корне: (*до*) *з-вѣжу з розуму* (настоящее время), *звѣдити* (ср. *звѣдь*, «не ввѣдь» — Метлинский, 83), *звѣдячи, звѣдивши, звѣдѣти, звѣдила, звѣжений, вѣвѣдити* (= великорусскому *вывѣдити*), *вѣвѣжу, вѣвѣжиши, вѣвѣзити* (= великорусскому *вывѣзѣти*), повелительное наклонение *вѣвѣзь* (= великорусскому *вывѣзѣи*), *вѣгѣю — вѣгѣиши* (великорусское *выгонѣю — выгонѣишь*), *вѣгѣити* (великорусское *выгонѣти*), «вѣгонѣи» (Метлинский, 102 = *выгонѣи*); «наздогонѣте» (ibid., 253) (= *догонѣте* и малорусскому *доганѣте*); *винѣшу*, «знѣшу» (ibid., 143), **ви** (*до, при* и пр.) *носѣти* (= великорусскому *носить*), *знѣсь, знѣсьте; при* (*до, за, ви*) *хожу* (настоящее время = великорусскому *хожу*); будущее в малорусском будет *вѣхожу, знахѣжу, знахѣдити, знахѣдь, знахѣдите, зѣхѣдѣсь, знахѣдив* — «ходила» (Метлинский, 243. Однако «вихѣдити» — ibid., 43).

Очевидно, что здесь место ударения условлено не фонетическими причинами, как в глаголах $\frac{-н-}{-н-}$ и некоторых $\frac{-н-}{-н-}$, а знамена-

тельно. Для сравнения укажу на глагол, имеющий в простом виде общерусское ударение на характерной гласной, — именно *ѣздитъ*. В малорусском *їздити*, становясь совершенным по соединении с предлогом, удерживает общерусское ударение: *заїжджу коня, заїздиш, заїздять, заїздити*. Но оставаясь несовершенным и соответствуя по значению великорусскому *езжать*, переносит ударение на характер: «приїздить він до мене» (= *приезжает*), «уїздять вони в город» (Кулиш, II, 50 = *везезжают*); «треба було нам переїздить через Дніпр» (*ibid.*, I, 250 = *переезжают*); приїздів («ми не довго гостили, не впорожни поприїздили» — Метлинский, 188: *поприезжали*).

Взявши во внимание, что приведенным формам соответствовали бы неупотребительные формы *приїжджу* (= *приезжаю*), я нахожу, что здесь ударение по месту знаменательно противоположно ударению в глаголах *пригонить* и пр. От *їздитъ* (ударение на корне) несовершенный глагол *приїздить* (ударение на характере). От *їжджу* — *приїжджу*; но от *гонить* (ударение на характере) — *пригонити*, от *гоню* — *пригоню*.

От рассмотренного явления следует отличать незначительные отличия малорусского ударения от великорусского; так, некоторые глаголы, имеющие подвижное ударение в великорусском, в малорусском имеют ударение на корне: *стрѣлити*, «не встрѣлю» (Кулиш, I, 284); «застрѣлив» (*ibid.*); *застрѣль, сѣржусь, розсѣржусь, не сѣрдься, сѣрдитись, скочу, перескочу, перескочити, перескочи*. Ударение на корне в 1-м лице единственного числа и вообще ударения на предпоследнем слоге, не оправдываемые украинским просторечием, но встречаемые в песнях, следует приписать польскому влиянию или безразличию ударения в песнях, напр., «Ані я вас позбіраю, Ані я вас злічу [вместо *злічу*. — А. П.], Ані я вас, літа мої, назад перекалічу» (Костомаров, Песни, 262); «нехай переїду, Ноги не замбчу; Хай люди знають, Що до дівчини хожу» (*ibid.*, 289); «ходив» (рифма «шкодив» — Кулиш, I, 215); «не бороню» (рифма «доню» — Метлинский, 9); «рбню» (рифма «промівлю» — *ibid.*, 53); «буду піти (bis), каплі не упущу» (рифма — «заплющу»).

Пятьдесят глаголов с двояким ударением: а — *садить, сажу и садиш (посадишь), валить, катить (покаатишь), дарить (подаришь), варить, гасить, травить, манить, тащить*; е — *крестить, чертить, клеить, щениться*; и —

чинить; о — *божиться, (за) носить, ложить, вопить, крошить, косить, творить*; у — *курить, турить, студить, трубить, блудить, прудить, удить, тупить, кружить, глушить, душить, сушить, тушить, (раз)лучать, (по)ручить, сушить*; ь — *блѣить, цѣдить, гнѣздиться, рѣзвиться, свѣтить, мѣсить, дѣлить, лѣниться, мѣнить, цѣнить*; я — *рядить, явить*.

Сорок семь глаголов с одним подвижным ударением: а — *давить, хвалить, платить, хватить, дразнить*; е — *сердить, женить*; о — *(по)собить, копить, топить, ловить, бродить, водить, ходить, (про)елотить, кормить, ломить, гонить, клонить, (у)ронить, (при)слонить, возить, просить, мочить, (на)скокить, точить, молить, скоблить*; у — *губить, рубить, купить, лупить, ступить, будить, судить, пустить, шутить, служить, тужить, (у)кусить*; ю — *любить*; ь — *лѣпить, лѣчить, цѣнить, бѣсить, (за)стрѣлить*.

Прибавив к глаголам с двояким ударением *городить, золотить, коротить, тербить* и трем глаголам *становить, шевелить, облокотиться* (семь) с подвижным ударением: *волочить, воротить, колотить, молотить, торопить, хоронить* (шесть), Грот упускает из виду полногласные глаголы: *голосить — голосишь, ворожить, порошить* (малорусское, великорусское — *порошить*), *соромити* (малорусское).

Многие из пятидесяти глаголов, имеющих, по Гроту, в великорусском двоякое ударение — подвижное и постоянное на характере, в малорусском имеют только первое: *сажу — садиш — садиши*. И по этому образцу: *ваши, котиши, ва́риши, га́сиши, ма́ниши, хре́стиши* (во всех значениях, между тем, как, по Гроту, великорусское *крѣстишь* = знаменашь крестом, а *крестийшь* = baptizas), *кле́иши* (впрочем, кажется, и 1-е лицо *клею*), *ще́ниши, чі́ниши* (делаешь), *бо́жисся, по́ложисши, крі́исши, ко́сиши* (от *коса*) (великорусского *косишь* — косо смотришь, делаешь косым — я не встречал в малорусском), *твѣриши, тѣриши, блѣдиши, студіши, дѣшиши, сѣшиши, тѣшиши, лѣчиши, зарѣчиши, сѣчиши, білиши, цідиши, свѣтиши, місиши, ділиши проміниши, рядиши, городиши, золотіши*.

Впрочем есть примеры двойственного ударения и в малорусском: *курю — куриши* (люльку), но «аж *куришь*» (Кулиш, II, 30 — пыль идет); *морю — мориши*, но «всі миряньські знаеш лиха, Що нас без милости морять» (Кот-

ляревский, 77). Глагол *навчѣти* подобно другим многосложным в единственном числе настоящего времени может переносить ударение на предлог (*навчѣ* — *навчиш* — «навчить» — К в. - О с н., I, 13, 42), но может иметь и постоянное ударение на характере: «навчиш» (М е т л и н с к и й, 223); «Хто мовчить, той двох навчишь»; «навчишь біда коржі з салом їсти»; «навча́ть» (К в. - О с н., I, 18). Беспредложные глаголы имеют, как и в великорусском, одно только подвижное ударение, если не сокращают начального у: *учѣ* — *ѹчиши*.

По замечанию Грота, глаголы, имеющие двойное ударение, в настоящем времени по присоединении местоимения *ся* принимают одно только постоянное ударение на характере. Таковы, например, *по-сади́ться*, *кати́шь* и *кати́шь* — *пока́тяться*; *ва́лишь* и *вали́шь* — *пова́ляться*; *ку́ришь* и *кури́шь* — *кура́ться*; *кру́жишь* и *кружи́шь* — *кружа́ться*. Есть, однако, глаголы, которые и при *ся* имеют двойное ударение: *ва́рится* и *варі́тся* («что в душе ва́рится»), *тру́дишься* и *трудо́ишься*; *гне́здится* и *гнезди́тся*, *ре́звится* и *резви́тся*, *ле́нится* и *лені́тся*. На некоторые глаголы с одним только подвижным ударением в настоящем времени приставка *ся* не имеет влияния: *да́вишься*, *хва́лишься*. Наоборот, предлог содействует сохранению подвижного ударения: *сади́шь*, *посади́шь* и *сади́шься*; *положи́шь* и *ложиди́шься*, *заствори́шь* и *твори́тся* (однако, несмотря на предлог, — *сотвори́шь*).

Замечания эти очень шатки и требуют дополнений и поправок. В малорусском встретилось несколько примеров двойственности ударения и при *ся*: *тру́диться*, но «Вулкан потіє і труді́ться» (К о т л я р е в с к и й, 183); *волбичи́ться*, но «шматок хліба єсть, копійка волочи́ться»; *коти́ться*, но «Стрішки, орішки котя́ться»; Чогось наші бояре смутя́ться» (М е т л и н с к и й, 191); *твдри́ться*, но «В Сицилі́ таке твори́ться» (К о т л я р е в с к и й, 40).

Русскому изменчивому ударению в глаголах ^{-и-}_{-и-} как и вообще, соответствует в сербском смена ` и `, ` и ^ по образцам *но́сити* — *но́сим* (чакавское *но́сити* — *но́сим*) и *лю́бити* — *лю́бим* (чакавское *лю́бити* — *лю́бим*), напр.:

а) По первому образцу: *крсти́ти* — *крсти́м*, *срди́ти* (так по Мажураничу, *Slovnica hěrvatska*; у Караджича *срди́ти* — *срди́м*), *же́нити*, *се́лити* (ср. малорусское «Нехай посели́ть тут свій рід» — К о т л я р е в с к и й, 279);

те́лити се (малорусское 3-е лицо *оте́литься*) — *те́лї се*; *штѣ́нити*, *чи́нити*, *во́дити*, *во́зити*, *го́нити*, *ко́сити*, *ло́вити*, *мо́лити*, *мо́рити*, *прѣ́сити*, *ро́дити*, *ско́чити*, *-сла́нити* (*прислони́м*) (из *слоним*), *то́мити*, *то́пити*, *хо́дити*, *пу́стити*, *ѹ́чити* и др. Некоторые из таких глаголов у Караджича имеют в настоящем времени то же ударение, что и в неопределенной форме, что предполагает основное ` и вместе русское постоянное ударение и на характере: *бо́жити*, *бро́дити*, *звѣ́нити*, *кля́нити се*, *кря́пити*, *ло́жити*, *ло́мити*, *мо́чити*, *то́пити*, *пло́дити се*, *твдри́ти*, *то́чити*, *до́жити*, *прѣ́жати*, *по́жити*, *гѹ́бити*.

Это следует считать или за неточность Караджича, или за диалектическую особенность: а) потому что в русском подвижное ударение, а между тем русский язык более склонен переходить от подвижного ударения к постоянному, чем наоборот; б) потому что некоторые из этих глаголов, по Мажураничу, вполне подходят под образец *но́сити* — *но́сим*, *го́нити* — *го́ним*, *ло́мити* — *ло́мам*, *мо́чити* — *мо́чим*; в) потому что, по свидетельству Караджича, глаголы эти, по сложении с предлогами, получают в настоящем времени ударение ` на предлоге (*по́ложї́м*), что предполагает ударение простого глагола *ло́жї́м*, *завѣ́нити* — *завѣ́ним* (и *завѣ́нім*), *пребро́дити* — *пребро́дим*, *покло́нити* — *покло́ним*, *покро́пити* — *покро́пим*, *полѣ́жити* — *полѣ́жї́м*, *полѣ́мити* — *полѣ́мим*, *помѣ́чити* — *помѣ́чим*, *изро́нити* — *изро́ним*, *отвѣ́рити* — *отвѣ́рим*, *натѣ́чити* — *натѣ́чим*, *подо́жити* — *подо́жї́м*, *покро́жити* — *покро́жї́м*, *напо́жити* — *напо́жї́м*, *погѹ́бити* — *погѹ́бим*.

б) По второму образцу: *крми́ти*, *ва́рити*, *га́сити*, *да́вити*, *ка́дити*, *ма́мити* (манить), *па́лити*, *пла́тити*, *са́дити*, *тра́вити* (кормить), *хва́лити*, *ја́вити*, *ми́рити*, *пи́лити* (*пи́лишь* и *пи́лишь*), *ди́вити се* — *ди́вим се* (*диві́ться*; малорусское *дивисся* — в обоих значениях: «смотреть» и *дивиться*), *блѹ́дити*, *бѹ́дити*, *дѹ́рити се*, *дѹ́шити*, *жѹ́рити се* (отличное по значению, но не по корню от малорусского *жѹ́рися*), *ку́пити* — *ку́пим* (*покупать*, отлично от *ку́пяти* — *ку́пим*, *собирать*), *кѹ́сати*, *лѹ́чити*, *лю́бити*, *мѹ́тити*, *ру́бити*, *слѹ́жити*, *смѹ́тити*, *стѹ́пити*, *сѹ́дити*, *сѹ́шити*, *тру́дити*, *тѹ́жити*, *тѹ́шити* (но *лѹ́пити*, *тѹ́рити*); *ре́дити*, *свѣ́тити*, *бе́лити* — *бе́лим*, *би́жѣ́лити* — *би́жѣ́лим*, *ди́жѣ́лити*, *гни́жѣ́дити*, *ли́жѣ́нити се*, *ли́жѣ́нити*, *ли́жѣ́чити*, *ми́жѣ́нити се*, *ми́жѣ́сити*, *сви́жѣ́лити*, *застри́жѣ́лити* (*застри́жѣ́лим*), *цви́жѣ́лити* (*цвѣ́лїть* и *цвѣ́лїть*), *ци́жѣ́дити*, *ци́жѣ́нити*.

В сербском сюда вполне подходят глаголы, имеющие в русском полногласие, но с русским эти глаголы согласны только в неопределенной форме (*бранити — боронить*); настоящее время *бранѣм* должно бы соответствовать русскому ударению на первом слоге полногласия, действительно же существующее русское ударение (*бороним*) по правилу предполагает несуществующее в сербском ударение *браним*. Таковы в сербском: *бранити — бранѣм, влачити, вранити* (чернить), *вратити, гласити, градити, златити, красити, младити* (молодить), *млатити, сладити* (солодить), *хладити* («нахолодиш хату» и «нахолодиш»), *хранити*. От сербских *мрачити се* и *срамити се* и *плашити* отклоняются и в неопределенной форме русские *морочить* (в переносном смысле; но согласно с сербским книжное *мрачить*), *соромиться* (но согласно с сербским *срамиться*) и *полошить*.

Вообще в сербском несравненно больше глаголов с различными ударениями в настоящем времени и неопределенной форме, чем в русском глаголов с подвижным ударением. Одних глаголов образца *варити — варѣм* насчитывают в сербском до полутораста (см. о глаголах характера $\frac{-и}{-и}$ с постоянным ударением на характере).

Впрочем и в русском, не ограничиваясь одним литературным языком, можно найти гораздо более глаголов с подвижным ударением, чем сколько их у акад. Грота. Ср., например, малорусские: *борю — борѣш, шлю — шлѣш, личю — личиш* (считаешь), *роблю — робиш* (севернорусское *рѣбить* — с постоянным ударением на корне), *спиню* (спинюсь) — *спѣниш, смалю — смалиш, становлю — стандвиш, садовлю — садовиш, встролю — встромиш, вхоплю — вхопиш* и др.

Как русским глаголам с двояким ударением соответствуют в малорусском большей частью глаголы с одним подвижным, так и при некоторых великорусских с постоянным ударением стоят малорусские с подвижным. Таковы малорусские *говорѣти — говорю — говорѣш, угодити — угожу — угодиш* («Вам хоч голову пробий, то не вгодиш» — Кулиш, I, 146); «угодимо» (К в. - О с н., II, 4); *товплюсь — товплюсья* («До риби товпляться миряне» — Котляревский, 82), однако и в неопределенном наклонении *дотовпитись, протовпитись* малорусское ударение оправдывается сербским: *говдрити — говорѣм* (К а р а

Ѣ ж и ѣ, Српски рјечник; у Мажуранича *говдрѣм, угодити — угодиѣм*). Лишь изредка в сербском встречается постоянное ударение на корне там, где в русском изменчивое, как, например, в сербском *лупити, турити, хватити*.

Образец. Ударение в обеих формах постоянно на корне

Глаголы с корнем на согласную (II, 1, а)

Красть (малорусское *красити*) — *краду*, сербское *красити* (но отлично от русского в настоящем времени *крадѣм*), *лезть* (малорусское *лизти*) — *лѣзу*, сербское *лѣсти* — *лѣзѣм* (*улѣсти — улѣзѣм*), *сесть* (малорусское *сѣсти*) — *сѣду*, сербское *сѣдѣти — сѣдѣм; буду*, сербское *будѣм, идѣм* (оба без соответствия неопределенной формы).

Болгарское *крадѣж* (sic, у Цанковых *kradè* и *krade*), но что может значить здесь конечное е, обыкновенно = *ѣж*, — не знаю.

В сербском сюда *срѣсти — срѣтѣм* (и по другому разряду *срѣтнѣм*) и сложные того же корня *сѣстрѣсти — сѣстрѣтѣм, обрѣсти* (Д а н и ч и ѣ, Облици српскога језика, 67). В малорусском согласно с этим неопределенная форма *зустрѣти*, но настоящее время только с -н- (*зустрѣну = сѣстрѣнѣм*), а литературное *обрѣсти — обрѣтѣ* — по первому образцу, как *вестѣи — веду. Лечь — лягу* и в русском и в сербском отклоняется от этого образца по ударению неопределенной формы; так великорусское *лечь* из *лечи = лѣчи* = малорусскому *лягѣти* (из *легѣти*), как *печь* = сербскому *пѣти* = малорусскому *пекѣти*. Настоящее время как *сѣду: лягу*, малорусское *ляжу*, сербское *лѣжѣм*.

Болгарское *знѣж, грѣж, смѣж, зпѣж, обуж, виѣж* (вою), *прѣж, мѣж(м)ою*.

Глаголы с корнем на гласные а, ѣ, и, у, ы (III, 1, а)

Знѣю, сербское *знѣм* (*нѣзнам — М а з и г а н и с, Slovnica hêrvatska, § 51*) из *знѣем; грѣю*, сербское *грѣѣм* (при *грѣјати*); *дѣю*, малорусское *дѣю* (при *дѣяти*); *зрѣю*; сербское *зрѣм* (из **зрѣјем*), *зрѣм* (из **зрѣјем* при *зрѣти*); *мрѣю, прѣю, смѣю*, сербское *смѣјем; спѣю; дѣю*, сербское *дѣјѣм, обую* (в сербском отлично по ударению *обујѣм*), *чую*, сербское *чујѣм; вою*, малорусское *вию; крою*, малорусское *крѣю*,

сербское *крѣјѣм*; *мѣю*, малорусское *мію*, сербское *міјѣм*; *ною*, малорусское *нію*; *рою* — *рію*, сербское *ріјѣм*. Сюда сербское *шіјѣм* (шить); русское *брѣю*, малорусское *брію*, сербское, вероятно, *брѣјѣм* (см.: Д а н и ч и њ, Облици српскога језика, 82 — *обрѣјѣм*), *почѣтъ* и *почію* (в литературном).

В неопределенной форме везде в русском ударение на первом, в сербском —: сербские *знати*, *зрѣти*, *смѣти*, *дѣти*, *чѣти (из *вбути*), *чѣти*, *бѣти* (быть), *..йти*, *мѣти*, *пѣти*, *шѣти*.

Глаголы с корнями на а, и, ѣ
и характером $\frac{-je-}{-ja-}$ (III, 2, в)

Формально [эти глаголы] отличаются от предыдущих только присутствием характера -ja- во второй теме, так что настоящее время, как *грѣю* (сербское *грѣјѣм*), *вою* (*вѣјѣм*), в русском принадлежащие к предыдущему образцу (*грѣтъ*, *вытъ*), в сербском относятся сюда, так как неопределенная форма *грѣјати*, *вѣјати*, по ударению, и только немногие глаголы имеют в русском постоянное ударение на характере, чему в сербском = менее тяжкое ударение на предыдущем слоге: *блѣять* — *блѣю* (*блѣјати*, но настоящее время по другому разряду — *блѣјѣм*), *смеяться* — *смеюсь* (сербское *смѣјати се* — *смѣјѣм се*, великорусское областное *охреять* (выздороветь) и книжное *вопяты*. В сербском сюда же *лелѣјати се*, но в русском *лелѣять*).

За исключением этих, остальные по образцу: *сѣю* — *сѣеши*, *сѣять* = сербским *сѣјѣм* — *сѣјати* (южное *сѣјѣм* — *сѣјати*). Привожу для примера только сербские формы: *бајати*, — *бајѣм*, *вѣјати* (*вѣјати*, веять), *грајати* (граять, каркать), *грѣјати* (граять — граю), но *кајати*, *лајати*, *сѣјати* (сѣјати), *тајати*, *хајати* (заботиться, обращать внимание), *чајати*.

В болгарском: *блѣж* (отлично от сербского и русского), *смѣж са* (смеюсь). Болгарское *баж* (лечить волшебными песнями), *вѣж*, *каж са*, *лаж*, *сѣж*, *таж* (= русскому), *мажж*, *капж*, *плачж*, *рѣжж*, *силж* (сып-).

Глаголы образца III, 2 б по образцу
мазатъ — *мажу*, сербское *мазати* — *мажем*

Так *капать*, сербское *капати* — *капѣм*; *плакать*, сербское *плакати* — *плачѣм*; *ѣхать*, сербское *јахати* — *јашиѣм*; *рѣзать*, сербское *рѣзати* — *рѣжѣм*; *двѣгать*, ср. сербское *дѣзати* — *дѣжѣм*; *кликать*; *зыбать*, сербское *зѣбати* — *зѣбѣм*; *брызгать* (малорусское *прѣскати*), *мыкать*, *рыскать*, *смыкать*, *сыпать*, сербское *сѣпати* — *сѣплѣм*; *хлыпать*; *прятать* (но сербское *прѣтати* — *прѣћѣм*), малорусское *дѣхати* — *дѣше* (но ср. *дѣхати* = *дышати* — *дышиѣм*). Малорусское *плавати* — *плавѣ*. О большинстве глаголов III, 2, б, имеющих подвижное ударение, — речь в другом месте. Акад. Грот, по недосмотру, говорит, будто в се глаголы образца *глодаты* — *гложу* — *гложет* имеют подвижное ударение (в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. III, 338).

Образец. Глаголы с неподвижным ударением на корне

Глаголы с -н- в характере (IV разряд)

Все глаголы этого разряда имеют в русском постоянное ударение на корне, в коих некоторые формы второй темы — без характера (образец а и б), со значением исключительно почти начинательным, а также многие из имеющих -н- и во второй теме, частью со значением начинательным, частью с однократным. В сербском им соответствуют глаголы с постоянным более тяжким ударением на корне, как: *вѣнути*, *вѣзнути*, *викнути* (*обикнути*), *врѣнути* (*одврѣнути*), *вѣнути*, *гаснути*, *гѣнути*, *глухнути*, *грѣзнути*, *гркнути*, *дѣгнути*, *грѣкнути* (М а ж у р а н и ч, Slovnica hěrvat-ska), *кѣснути*, *воскрснути*, *мѣкнути*, *мокнути* (Мажуранич), *мркнути*, *мѣкнути* (*умѣкнути*), *мрзнути се*, *пѣкнути*, *стѣгнути*, *стѣнути се*, *тверднути*. Сюда: *станѣм* (*стѣти*), *дѣти* (*одѣти*) — *дѣнѣм*, *кликнути* — *кликнѣм* (по Мажураничу, *возкликнути*), *блѣнути*, *плѣнути*, *плѣнути*, *прѣнути* (прянуть), как малорусское *брязнуть*, *бѣвнуть*, *дѣжкнутъ* (. . . . .), *грѣкнутъ* (гром), *ляснуть*, *...нуть*, *рѣпнуть*, *пѣрскнуть*.

Многие однократные, имеющие в русском постоянное ударение на корне или на характере, имеют в сербском изменчивое ударение, т. е. ' на корне неопределенной формы и ^ на корне настоящего времени, например, *крикнути* — *крикнѐм* (Караджич, Мажуранич), *кихнути* (чихнуть), *усахнути* — *усахнѐм*, *писнути* — *писнѐм*, *прснути* — *прснѐ*, *сунути* — *сунѐм* (лившуть), *зијевнути* — *зијевнѐм* (зевнуть), *махнути*, *мигнути* и пр. Наоборот, некоторые, имеющие в русском на характере, в сербском имеют постоянное ударение на корне: *креснути*. В болгарском, как выше сказано, даже те глаголы, которые в русском имеют ударение на характере, акцентируют коренной слог. Не возможно было бы ожидать другого ударения в глаголах, соответствующих русским и сербским с ударением на корне: *гаснѣж*, *дигнѣж*, *дѣнѣж*, *згѣс(т)нѣж*, *издѣхнѣж* (издохну), *киснѣж*, *мрѣзнѣж*, *мрѣжне са*, *млѣкнѣж*, *никнѣж*, *писнѣж* (писк), *станѣж* и пр., сербское *тиснути*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)

Известны только два глагола (в литературном языке) этого характера с неподвижным ударением на корне: *видѣть* — *вижду* (= сербскому *видјети* — *видѣм*, болгарское *видѣж*, *вистѣж*) и *слышать* — *слышу* (сербское *слишати*; но настоящее время *слишѣм* относится к характеру $\frac{-ае-}{-а-}$ и значит «выслушиваю урок», ехатино).

В сербском сюда *вијети* — *вијѣм*, но в великорусском и малорусском *вистѣть* — *вистѣти*, великорусское *вишѣ* — *вистѣшь*. В малорусском (украинском) единственно употребительная форма (кроме *городить*) *вистѣть* (3-е лицо единственного числа), *вистѣть*, но не знаю, стоит ли при ней *вишѣ* или *вишѣ*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)

В русском глаголы эти многочисленны, так что сосчитать их трудно. Для примера: великорусские и литературные *бросить*, *весить*, *грѣзить*, *кончить*, *спорить*, *стѣбить*, *трѣсать*, *готовить*, *покоить*, *пророчить* и многие др.; малорусские *гудити* (осуждать), *коити* (делать); «лѣститись» (К в. - О с н., I, 42); *змовитись*, *лучитись*, *тишити*,

тямити, *рибалити*, *марнотратити* и др. В болгарском: *бавѣж*, *въсѣж*, *гладѣж*, *грабѣж*, *ударѣж* (ударѣж); *квасѣж* (мочу), *мрѣѣж* (ненавижу), *мѣчѣж*, *парѣж* (id.), *правѣж*, *прѣѣж* (in Butter...), *силѣж*, *чистѣж*, *мислѣж*, *мѣрѣж*. В сербском:

а) согласно с правилом "на месте русского ударения: *бабити*—*бабѣм*, *гадити*, *гладити*, *грабити*, *лазити*, *парити*, *ранити* (ранить), *слабити*, *тратити*, *ударити*, *ставити*, *бавити* (избавити), *плавити*, *правити*, *славити*, *квасити*, *влашити* (волошить, делать волохом), *влажити*, *здравити*, *мразити*, *смердити*, *оградити* (*огородить* — в русских полногласных по правилу ударение на втором слоге полногласия), *мислити*, *чистити*, *мѣчити*, *вѣрѣтити* (заручать), *вѣтрѣтити*, *мѣтити*, *утѣшити*, *гѣтити*, *границити* — им и многие др.

б) отклоняются от русского и по настоящему времени и по неопределенной форме сербские глаголы с ' на корне в неопределенной форме и с ^ в настоящем времени: *приблѣжити* — *приблѣжѣм* — *блѣжѣм* (болгарское *приближѣж* — Цанковы: *približe*), *вабити* — *вабѣм*, *жарити* — *жарѣм*, *значити* — *значѣм* и др. Также глаголы, как *јездити* — *јездѣм* с постоянным менее тяжким ударением на корне (болгарский = русскому *ѣздѣж*).

Глаголы с характером $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 4, а)

и отчасти V, 4, б — именно некоторые

из $\frac{-и- + -ае-}{-и- + -а-}$

Глаголов этих, сравнительно с имеющими ударение на характере, немного. Все они употребительны и без предлога и по длительности принадлежат к первой или второй степени: *бѣгать*, малорусское *бѣватити* (*зобѣватись*, но великорусское *болтѣть*), *ворочать*, *ведать*, *вѣшать*, *дѣргать*, *двѣгать*, малорусское *дѣбати*, *капать*, *кашлять* малорусское *кидати* (отлично от *кидати*), *кланяться*, *ляпать*, *мыкать*, *падать*, *плавать*, *ползать*, *прядать*, *прыгать*, *плѣтатъ*, малорусское *пѣрати* (пѣратись, упѣратись), *пугати* (о пугаче), *скѣвзатись*, *смѣкать*; *стрѣпать*, *тѣпать*, *гнѣватись*, *дѣмать*, *дѣлать*, *свѣтать*; малорусское *снѣдати*, *вечѣрять*; *ужинать*; малорусское *чоломкати*. Сюда же глаголы, образованные от частиц: *дакать*, *мяукаль* и пр.

Здесь же болгарские: *бѣгам, врѣшам, дѣхам, дѣмам, кашлѣж, кланям са; падам, плавам, дѣлам* (mit Axt behauen), *вечерям, обѣдам* (обѣдувам).

В сербском тоже немного таких, которые по правилу имеют $\grave{}$ на том же слоге, что и русские глаголы, или $\grave{}$ на предшествующем: *бѣгати — бѣгѣм, вѣшати, враћати* (русское *ворочать*), *капати* (но настоящее время только по образцу $\frac{-je-}{-a-}$: *капљем, кѣдати* (тишро), *кланати, падати, прѣдати* (trepidо), *пѣзати* (но настоящее время только *пѣжѣм*); *вечерати, џжинати*.

Такое же ударение встречается в сербских более длительных, употребительных только с предлогом *-лањаати, -чѣвати* (чѣн), *-јмати, -мѣвати, -жѣмати, жѣнати, -дѣмати, -дѣвати*. В русском — никогда.

Глаголы на $\frac{-yje-}{-ова-}$ (VI, а)

Таких глаголов с ударением на корне в русском и сербском несравненно менее, чем с ударением на характере. Ср. сербское = русскому *вѣровати*. Болгарское *вѣрувам, мѣнувам, радувам са, трѣбува* = нужно, должно; *мѣловати, радовати, трѣбовати — трѣбујѣм, паметовати — паметујѣм, љѣтовати, пѣштовати* (ср. с характером *-еваптчевати* и *почѣшевати), *свѣтовати, ратовати* (ратовать) и пр. «Домострой», 49: «Жити не по силе и займуя» и пр.

С немногими отклонениями в малорусском, как поговорочное «нехай царствуѣ»; «сама (богородиця. — А. П.) бодрствуѣ, Слуг своѣх рятуѣ» (Костомаров, Песни, 190). Ср. то, что у Беринды все глаголы этого характера от существительных на *-ство* имеют ударение на *-ују*, что предполагает неопределенную форму на *-овати*: *безумствую, безчинствую, благодущствую, благоденствую, благоговѣнствую, благоискуствовати — благоискуствую, бодрствую* и пр. Подобным образом и другие отыменные в малорусском, например, «злукавновати» (Кв. -Осн., I, 72), *болезнѣую, ратѣую* (брань въздвѣжу), *велерѣчѣую* и пр. (Беринда, Лексикон славено-росскій..).

Глаголы великорусские $\frac{-ывае-}{-ыва-}$ — $\frac{-ивае-}{-ива-}$ и равные

им по значению малорусские $\frac{-yje-}{-ова-}$

Ударение постоянно на слоге, предшествующем характеру: *показываю — показывать*, малорусское *показую — показувати*. Исключения составляют книжные формы прошлого столетия: *завязѣет* (малорусское *свѣт зав'язѣе*), *наказѣет, связѣет*, не отличающиеся ударением от прочих форм на *-овати — -ую*. Обычно русское ударение на слоге, предшествующем характеру, не представляет сходства с сербским. В этом последнем глаголам $\frac{-ывае-}{-ыва-}$ = малорусским

$\frac{-ую-}{-ова-}$ соответствуют по значению глаголы, занимающие по форме середину между великорусскими и малорусскими, именно $\frac{-yje-}{-ива(-ыва-)}$; характер первой темы совершенно

тождествен с характером глаголов $\frac{-yje-}{-ова-}$ как по звукам, так и по ударению, во второй теме и (=ы и и) постоянно долго и имеет ударение $\grave{}$: *дарујѣм* есть или настоящее время глагола совершенного (= будущему) и в таком случае имеет неопределенную форму *даровати*, или настоящее время глагола несовершенного и тогда имеет неопределенную форму *дарѣвати* (= великорусскому *дарѣвывать*).

По образцу *дарѣвати — дарујѣм* (что было бы по-великорусски *дарѣвать — дарую*) идет множество глаголов,

произведенных от глаголов с характером $\frac{-je-}{-а-}$, $\frac{-ае-}{-а-}$,

$\frac{-и- + -ае-}{-и- + -а-}$, $\frac{-и-}{-и-}$, как *обграђивати, одвалѣвати, одварѣвати,*

доказѣвати, докас..., *доплак...*, *доскак-*, *закидѣва-*, *закусѣва-*, *зализѣва-*, *замазѣва-*, *записѣва-* и пр. Реже встречаются глаголы с *-ива-* в характере первой темы, как *до-тк-ѣва-ти — дѣткѣвам* (оканчивать ткать), *оснѣвати — оснѣѣм* (основывать), *поткѣвати — пѣткѣвати — пѣткѣѣм* (подковывать). В двух последних глаголах сербский язык принял *-ов-*, принадлежащее к корню (*ков-а-*, *снов-а-*), за часть глагольного характера, но здесь это для нас все равно. В

таких глаголах ударение одинаково с глаголами характера **-ава-**: *доткíвати — доткíвам*, как *дои́гравати — дои́гравам*.

В болгарском рассматриваемые здесь глаголы последней степени длительности оканчиваются в настоящем времени на **-увам, -уваш** и пр. (т. е. $\frac{-у-ва-е-}{-у-}$ + личное окончание с ударением на предшествующем слоге, по влиянию коего **-у-** характера нередко опускается: *приказ(у)вам, надмѣх(у)вам, доврѣшувам, дописувам, дочíа(ѣ)-кувам, заврѣзувам, засоливам, подпáлювам, загрибувам* (малорусское было бы *загрибаю* от *греб*), *замíслювам, замрѣжувам, заповѣде́вам, зарѣ́чювам* и пр.).

Часто эти глаголы образуются от глаголов с характером **-н-** с сохранением последнего: *забѣ́гнувам, заглѣ́хнувам, загѣ́гнувам (-гѣб, загибаю), задíснувам, зама́хнувам, замрѣ́знувам, замрѣ́кнувам, засѣ́днувам* (заседаю), *затѣ́кнувам* (затыкаю) и пр.

В основании здесь лежит та же форма, как и в основании великорусских **-ыва-, -ива-**, именно сохранившаяся в малорусском, болгарском: *подпáлювам*, русское *подпáливаю* — предполагаю малорусское *подпáлюю*. Глаголы отыменные и в болгарском, как в русском, частью ударяют у темы (*царѣ́вем*), частью — корень (*вѣ́рчувам*).

III. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. СООТНОШЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ И НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Все три формы повелительного наклонения имеют как в русском, так и в сербском одинаковое ударение: *пíшии — пíшии́мо* (малорусское) — *пíшийте*; сербское *пíшии — пíшии́мо — пíшиите*.

Что до места ударения, имея в виду один только русский язык, можно было бы выставить практическое правило: ударение повелительного наклонения согласуется с ударением 1-го лица единственного числа настоящего времени: *ведí, о́ри, зевáй, но двíнь, брось*.

Правило это встречает те же немногие исключения, как и другое, приводимое ниже, но неудовлетворительно в том отношении, что неприменимо в сербском, в коем ударение повелительного наклонения *mutatis mutandis* то же, что и в русском, а между тем 1-е лицо единственного числа настоящего времени не совпадает по ударению с тем же лицом русских глаголов с подвижным ударением: *пíшѣм*, но *пíшии*.

Столь же неудовлетворительно следующее правило¹, верное с исключительно сербской точки зрения: ударение повелительного наклонения совпадает с ударением неопределенной формы: *пíсати — пíшии*, но настоящее время *пíшѣм*. С одной стороны, совпадение ударения повелительного наклонения и неопределенной формы может быть только случайностью, ибо повелительное наклонение образуется не от второй темы, а от первой или темы настоящего времени: *берѣ — берí — бра́ти, кую — куй — кова́ти, ста́ну — ста́нь — ста́ти, воюю — вою́й — воева́ти*.

В глаголах с характерной гласной в неопределенной форме при некоторых тонических условиях — постоянно разногласие между ударением неопределенной формы и повелительного наклонения, например: *лѣ́ти* (= лягтí, лечí), повелительное наклонение *лѣзи* (малорусское *лязи*, основная форма *лѣзи*), *стри́ти* (стри́чи, стрíгти) — *стри́зи* (стригí, малорусское *стрижи*). Точно то же в глаголах с двухсложным глагольным характером: *купóвати — кúпу́ем — кúпу́ј, доказíвати — дока́зу́ем — дока́зуј*.

С другой стороны, не видно, почему бы повелительному наклонению согласоваться с каким бы то ни было лицом настоящего времени, ибо повелительное наклонение имеет сверх глагольного еще свой характер **-и** (после гласной **-й**), присутствие коего может быть безразлично для ударения.

Однако пытаясь установить более широкое русско-сербское правило, мы не в состоянии будем обойтись без сближения повелительного наклонения с настоящим временем, из чего, — под условием верности нашего правила, — следует, что грубо эмпирическое исключительно русское правило все-таки ближе к истине.

Предположим, что характер повелительного наклонения **-и** стремится привлечь к себе ударение темы настоящего

¹ В глаголах с односложным характером, если настоящее время [и] неопределенное наклонение имеют различные ударения, то всегда более слабые, чем у настоящего времени.

времени подобно тому, как это замечено относительно предлогов и относительно окончаний 1—2-го лица множественного числа в малорусском и чакавском. Тогда окажется следующее.

а) При двухсложности глагольного характера первой темы характер повелительного наклонения не обнаруживает никакого тонического действия и вообще во всех формах ударение неподвижно: *белѣй* (белѣю), *играй*, *читай*, *делай*, *радуй*, *сказывай*.

б) При односложности глагольного характера (-е (-ие) — -ѣ, -и) и полном слиянии его гласного элемента с характером повелительного наклонения есть два случая.

а) Постоянное русское и сербское ударение настоящего времени на корне остается на том же месте и в повелительном наклонении: *сядь* (из *сяди*) и пр. Церковнославянское: *отвѣрзи*, *вѣрзиса*.

б) Постоянное ударение настоящего времени на характере, а также русское подвижное ударение и соответствующее ему чакавское переходит на характер повелительного наклонения: *ведѹ* — *ведѣшь* — *ведѹ*; *орѹ* — *орѣшь* — *орѹ*.

Разница между подвижным и неподвижным ударением настоящего времени, незаметная в сербском настоящем времени, сказывается в повелительном наклонении: *крѣшиѣм* — *крѣшиеш* = русскому *крѣши* — *крѣшишь*, — в сербском ничем не отличаются от *мажѣм* — *мажеш* = *мажу* — *мажешь*; но при первом повелительное наклонение *крѣши* = русскому *крѣши*, при втором — *мажи* = русскому *мажь* — *мажи*. Это заставляет отдать преимущество тому из двух сделанных выше предположений, что русская подвижность ударения в настоящем времени древнее сербской неподвижности. Само собою разумеется, что здесь речь только о настоящих формах повелительного наклонения, а не о заимствованных из настоящего времени (3-е лицо единственного числа и 3-е лицо множественного числа) и вместе с наречным повелительным наклонением (*пусть*, *нехай*, сербское *нека*) заменяющих недостающие формы повелительного наклонения. Эти последние сохраняют ударение настоящего времени: *дрѣм* и пр.; повелительное наклонение *дри* — *дримо* — *дрите*, но *нека дре*, *нека дру* (в церковнославянском *идѹ* — *идѹте*, но *внѣдите*).

(Следуют фактические подтверждения изложенных правил и исключения из них.)

§ 2. ГЛАГОЛЫ С ПОСТОЯННЫМ УДАРЕНИЕМ НА ОДНОСЛОЖНОМ ХАРАКТЕРЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

а) Без характера во второй теме.

аа) В русском неопределенная форма с ударением на суффиксе. Образец: *ведѹ* — *ведѣшь* — *ведѹ*; малорусское *ведѹ* — *ведѹмо* — *ведѹте*. В сербском штокавском, смотря по количеству коренной гласной, на корне ` или `: *плѣтѣм* — *плѣти* — *плѣтѹмо* — *плѣтите*; *грѣбѣм* — *грѣби*; *пѣчѣм* — *пѣци*; *вѣзѣм* — *вѣзи*; *вѣчѣм* — *вѣци*; *трѣсѣм* — *трѣси*.

бб) Неопределенное наклонение в русском с ударением на корне. Образец: *стриѹ* — *стриѹ*; сербское *стриѹи* — *стриѹѣм* — *стриѹи*; *плывѹ* — *плывѹ*; *жни* (сербское *жнѹи* и с чистою заменою глухого звука *жнѹи*), *пни* (сербское *пнѹи*). Сербские формы, как *пнѹи*, *жнѹи*, отклоняются от ударения настоящего времени *пнѣм*, *жнѣм*, потому что, как полагаю, не только самые замены гласных звуков, но и их ударения — новы, и следовало бы ожидать *жнѣм*, *пнѣм*; *мрѹи* — *мрѹмо* — *мрѹите*; *прѹи* — *прѹмо* — *прѹите*; *тѹри* (*трѹти* — *трѹѣм*) и *стѹри* (*стрѹѣм*), как *пнѹи*.

б) С ударяемым характером во второй теме.

Глаголы II, 2, а и б: *берѹ*, *женѹи* (малорусское — от *гнѹти*), *дерѹ*, *перѹи* — сербские *бѣри*, *женѹи*, *дѣри*, *ждѣри*, *пѣри*. Но эти сербские формы имеют при себе настоящее время с постоянным более тяжким ударением на корне: *берем* и пр., так что между настоящим временем и повелительным наклонением в сербском, по-видимому, нет соответствия. Соответствие это можно восстановить двояким предположением: или глаголы эти в сербском имеют позднейшее более тяжкое ударение, как *жнѣм*, и все шли некогда согласно с соответствующими русскими глаголами по образцу *зовѣм* — *зовѹи*; или и русские и сербские некогда уподоблялись глаголу *сѣрем*, в коем постоянному `` соответствует русское подвижное ударение *серѹ* — *сѣрѣшь*. И в том и в другом случае повелительное наклонение должно быть, как и есть: *бѣри* = *зовѹи* и *сѣри*.

Глаголы IV разряда с характером *-и-*:
дохну — *дохни*, *махну* — *махни*

В сербском соответствующие глаголы имеют различное ударение в настоящем времени и неопределенном наклонении: *дахнути* — *дахнем*, *махнути* — *махнѐм*, а повелительное наклонение относится по ударению к настоящему времени, как *бѐри* к *бѐрѐм*, именно ослабляют ударение этого последнего: *дахни*, *грни*, *зѐвни*, *махни*, *мигни*. Объяснение этого несоответствия между настоящим временем и повелительным наклонением — как в *бѐри*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѐ-}$ (V, б):

велѐ — *велю* — *велѣти*; *вертѐ* — *верчу* — *верѣти*

В сербском *вѐли*, *врти* согласно с настоящим временем. Малорусские формы повелительного наклонения *подѐрж*, *потѐрп*, *посѐдь*, *полѐж*, *помовч*, *доглядѐ* отклоняются от простых общерусских *сидѐи*, *лежѐи* и пр. Нет сомнения, что эти последние формы с ударением на характере повелительного наклонения суть древнейшие. Напротив того, сокращение характера *-и* после гласной (*не бойся*) и одновременно с этим перенесение ударения есть явление общее (русскому и сербскому) и древнее.

Глаголы $\frac{-и-}{-и-}$ (V, з)

В русском в повелительном наклонении ударение на *-и*. В сербском здесь большей частью с различным ударением в настоящем времени и неопределенной форме ($\hat{\ } —$ в настоящем времени, $\acute{\ } —$ в неопределенной форме; $\grave{\ } —$ в настоящем времени и $\acute{\ } —$ в неопределенной форме), а повелительное наклонение ослабляет ударение настоящего времени, в чакавском переносит ударение с корня на характер: *блѣжити* — *блѣжи* (чакавское *блѣжи*).

Из глаголов с постоянным (в русском) ударением на характере настоящего времени отличаются от приведенных глаголов с корнями на гласные *-и* (из образца III, 1, а без характера в неопределенной форме) и *-у* (характер: $\frac{-ѐ-}{-а-}$,

III, 2, а) и, исключая глаголы характера $\frac{-и-}{-и-}$, как *боятся*.

стоять, *бѣжим се*, *бѣж се* (*нѣ бој се*), *стојим* — *стој*, сокращающие характер повелительного наклонения *-и* в *-ј* и переносящие ударение с этого характера на корень: *пѣй* (*пѣй* — *пѣймо* — *пѣйте*), *лѣй*, *вѣй*, *кѣй*, *кљѣй*, *плѣй*, *блѣй*.

Причины такого сокращения и переноса ударения — в стечении гласных, разделяемых только козою. Русскому постоянному ударению на корне соответствует в сербском постоянное $\hat{\ }$, хотя бы в настоящем времени коренная гласная была коротка: *бѣјѐм* — *бѣј*; *пѣјѐм* — *пѣј*; *кѣјѐм* — *кѣј*; *снѣјѐм* — *снѣј*.

Если бы эфоническая причина не произвела сокращения характерного *-и* в *-ј*, то было бы *бѣји*, *пѣји*, *кѣји*, подобно тому, как в сербском от *дајем* — *дајеш* и пр. есть повелительное наклонение *даји* — *дајите* (давай — давайте). Этим же сокращением объясняется долгота коренной гласной в *бѣј*, *помѣгати* — *помѣгај* — *помѣгајте* и пр.

То же явление и там, где собственно ударение ($\hat{\ } — \acute{\ }$) настоящего времени не отличается от повелительного наклонения, например *кајем* (и так во всех формах тем), но *кај* — *кајмо* — *кајте*; *ѹмијем* (*ѹмијеш* и пр.), но *ѹмиј*, *чувају* (3-е лицо множественного числа; в 1-м лице и пр. *-ам*, *-аш* сокращено из *-ајѐм* и пр.), но *чувај* (*чувај*).

§ 3. ГЛАГОЛЫ С ПОДВИЖНЫМ УДАРЕНИЕМ В РУССКОМ И С УДАРЕНИЕМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, ОТЛИЧНЫМ ОТ УДАРЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЫ В СЕРБСКОМ

а) Без характера во второй теме: *иду* — *идѣшь* — *идѹи* (*идѐм* — *иди*, однако *дођи* — *Д а н и ч и њ*, Облици српскога језика, 85), *могу* — *можѣшь* — *могѹи* (= украинское *можѹи*: основная форма *мози*), сербское *мѣжѐм*, (*по*)*мѣзи*; *колю* — *колѣшь* — *колі*; сербское *кѣљѐм* — *кѣљи*; *мѣлю* — *мѣлѣшь* — *мѣлі*; сербское *мѣљѐм* — *мѣљи*.

б) С характером $\frac{-ѐ-}{-а-}$: *крѣшѹ* — *крѣѣшь* — *крѣши* — *крѣсать*. В сербском *гљѣдати* — *гљѣћѐм* — *гљѣћи*; *крѣсати* — *крѣшѐм* — *крѣши*, *чѣши*, *лоћи* (локати), *мѣћи*, *маћи*, *тѣши*,

зббли; писати — пишѣм — пиши, кажи, лажи, скажи, вежи, дрижемъ, храмъли, штипъли, збблы и др. В трехсложных русских: хлопочу — хлопочешь — хлопочий = сербским клопотати — клопоћем — клопоћи; трепѣтати — трепѣћем — трепѣћи.

Слѣдти — шѣлем имеют неправильно шѣли (В у и ч, Српска граматика, 75), вместо ожидаемого шѣли — шѣй.

в) Глаголы с характером $\frac{-не-}{-ну-}$ (IV разряд): тонѹ — тонешь — тоні, сербское тонѹти — тонѣм, — тони; дахнути — дахнѣм — дахни; врѣни, грѣни, мѣнути — мѣнѣм — мѣни; махнути — махнѣм — махни; мѣгни, тѣгни, зѣвни.

г) Глаголы $\frac{-и-}{-ѣ-}$, как держѹ — держишь — держі, в сербском имеют одинаковое ударение в обеих темах: трѣпјети — трѣпјѣм — трѣпи.

д) Глаголы $\frac{-и-}{-и-}$: возжѹ — возишь — возі; люблю — любишь — любі = сербским возити — возіѣм — вози; ѹбѣити — ѹбѣіѣм — ѹбѣи.

§ 4. ГЛАГОЛЫ С ОДНОСЛОЖНЫМ ХАРАКТЕРОМ И ПОСТОЯННЫМ КАК В РУССКОМ, ТАК И В СЕРБСКОМ УДАРЕНИЕМ НА КОРНЕ

Глаголы с односложным характером и постоянным как в русском, так и в сербском ударением на корне по отношению к повелительному наклонению не представляют никаких особенностей. Повелительное наклонение здесь сохраняет ударение других форм: бѹдѣм — бѹди и пр. Только имеющие корень на гласную и сокращающие -и повелительного наклонения в -і удлинняют коренную гласную чѹјѣм — чѹј, рѹјѣм — рѹј, дѹјѣм — дѹј и пр.

§ 5. ГЛАГОЛЫ ЪМЬ, ДАМЬ, ВЪМЬ

Ъмь и дамь имеют повелительное наклонение ѣжъ, старорусское дажь, несмотря на переход ударения в малорусском на окончание 2-го лица единственного числа, а в малорусском и сербском — на 1-м и 2-м лице множественного числа. Старинное вѣжъ согласно с постоянным ударением в настоящем времени и неопределенной форме.

IV. ПРИЧАСТΙΑ И ДЕЕПРИЧАСТΙΑ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

§ 1. ПРИЧАСТΙΑ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ

Причастия настоящего времени (форма книжная, по звукам церковнославянская). Так и в малорусском книжном «дати дорогу [для сонця. — А. П.], ніби для царя іного, діючого добро всему миру» (К в. - О с н., I, 30). Вообще имею ударение на том же слого по счету, на котором — настоящее время: ведѣшь — ведѹщий.

Правила этого достаточно для глаголов с постоянным ударением на характере односложном — двухсложном и на корне. Глаголы с подвижным ударением распадаются в этом отношении надвое: а) глаголы III, 1, б) $\left(\frac{-је-}{-и-}\right)$; III, 2,

б) $\left(\frac{-је-}{-а-}\right)$; IV $\left(\frac{-не-}{-ну-}\right)$ — держатся ударения 2-го и следующих лиц: пишущий, хлопочущий, тянущий, колющий (колешь).

б) глаголы II, 1, а) $\left(\frac{-е-}{-и-}\right)$; V, 1 $\left(\frac{-ѣ-}{-и-}\right)$; V, 3 $\left(\frac{-и-}{-и-}\right)$ следуют ударению 1-го лица: имѹ — имешь — имѹщий; идѹ — идешь — идѹщий; можѹ — можешь — можѹщий, держѹ — держишь — держѹщий; люблю — любишь — любящий.

Замечание Востокова, что причастия действительные настоящего времени, произведенные от глаголов: «дразнѹ, хвалѹ, давлѹ, резвлѹсь, травлѹ, гублѹ, люблѹ, принимают ударение 2-го лица» (Русская грамматика, § 187), кажется неверным. Слышно только любящий.

Для сербских причастий настоящего времени действительных (формы тоже книжной) Мажуранич выставляет следующее правило: «Причастия настоящего времени действительные имеют суффиксы -ѹћї, -ѣћї (с новым облеченным из чакавского -ѹћї, -ѣћї) и слоги, к коим приставляются эти суффиксы, теряют с в о е ударение и долготу, если ее имели, и наслаются на суффиксы как проклитики», т. е. получают более тяжелое ударение.

Таким образом: дмѹћї, -ѣ, -ѣ; мрѹћї, шлѹћї, жгѹћї — согласно с русским, но при дрѣм — не дрући, а дрѹћї (что было бы в русском орѹщий); при кѹпѹјѣм, краљѹјѣм, бичѹ-

jēm kunjǫhā, kralǫjǫhā, bichjǫhā (Slovnica hērvatska, § 181), что было бы в русском **-ущий**.

Вуич (Српска граматика) представляет это дело иначе: не только причастия (не деепричастия): *трѣсући, зѣвући (зѣвѣм), дајући (дајѣм), познајући (познајѣм), жѣгући, ходѣћи, двѣрећи*, но и согласно с русским, с ударением на корне в глаголах = русским с подвижным ударением и с ударением на корне: *стѣрући (стѣрѣм), орући (орѣм), кѣљући, вѣдећи, нѣгујући, чујући* и опять согласно с сербским ударением настоящего времени, но не согласно с русским *идући, кујући, снујући, кљујући, берући, пѣрући (берѣм, пѣрѣм), жѣнући (жѣнѣм), пѣнући се (пѣнѣмсе)* и (с точки Мажуранича) по-чакавскому *прући*. Быть может, Вуич смешивает здесь причастие с деепричастием (о коем ниже), которого вовсе не приводит. Даничич вовсе не приводит причастия настоящего времени действительного как формы ненародной.

§ 2. ПРИЧАСТΙΑ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ

Причастия настоящего времени страдательные (литературные) по отношению к ударению следуют тому же правилу, как и причастия настоящего времени действительные, т. е. сохраняют ударение настоящего времени в глаголах с постоянным ударением; а в глаголах с подвижным ударением следуют частью 1-му лицу (в глаголах $\frac{-ѣ-}{-и-}$, $\frac{-и-}{-и-}$: *держимый, терпимый, носимый, любимый, хвалимый*), частью 2-му и следующим лицам (во всех остальных, имеющих это причастие: *колемый, мѣлемый, пишемый*).

В сербском это причастие не сохранилось.

§ 3. ДЕЕПРИЧАСТΙΑ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. Деепричастия на **-а (-я)**

Деепричастия на **-а (-я)** в малорусском употребительны только в нескольких глаголах $\frac{-ѣ-}{-и-}$, $\frac{-и-}{-и-}$, имеют ударение на том слого, на котором и 1-е лицо настоящего времени (*ведя, пиша, любя, дѣлая, торгова* и пр.), так что глаголы с подвижным ударением и односложным характером здесь,

как при образовании повелительного наклонения, уравниваются с имеющими ударение на характере.

Из правила этого составляют исключения.

В малорусском те глаголы $\frac{-ѣ-}{-и-}$ и с ударением на характере, которые, слагаясь с предлогами, получают в настоящем времени (не исключая 1-го лица) и во всех почти остальных формах ударение на корне, ср.: *сидя, глядя, молча, стоя, лежа с не всійжу* и пр.

Вероятно, то же повторилось бы и в глаголах $\frac{-и-}{-и-}$: *водити, возити, гонити, носити, ходити* — в известных случаях (см. выше), при сложении с предлогами, переносящих ударение на корень; но из них употребительны только *ходя* и *водя*; *возя, нѣся, гоня* или не встречаются, или сомнительны.

В литературном языке Востоков (Русская грамматика, § 187), кроме общерусских *глядя, сидя, стоя, молча, лежа, ходя*, находит еще шесть исключений — деепричастий от глаголов с подвижным ударением: *дрѣмля, клѣпля, трѣпля, щѣпля, щипля, смотря*. «При этих, — замечает он, — в важной речи: *смотря, сидя, ходя*».

В сербском этой формы деепричастий нет.

2. Деепричастия на **-учи, -ючи**

Глаголы с постоянным ударением на корне и на двухсложном характере сохраняют это ударение и в деепричастиях на **-учи, -ючи**: *радучи, дѣлаючи, играючи, торгоючи*. Глаголы с подвижным ударением следуют ударению 2-го лица единственного числа и следующих без тех исключений, какие в причастиях настоящего времени: *трѣплючи, тѣлючи, ищучи, стѣнучи, тягнучи*, а в малорусском и от глаголов $\frac{-ѣ-}{-и-}$, $\frac{-и-}{-и-}$: *терпячи, любячи, сядячи, голѣсячи*.

Исключается и в великорусском и в малорусском *могучий* — от *можешь, идучий* (в малорусском и *йдучи*).

Деепричастия от глаголов с постоянным ударением на односложном характере имеют ударение на последнем слого суффикса: *бьючий, живучий, берегучий*, малорусское «встаючий» (К в. - О с н., 2). В малорусском, где деепричастия

этой формы употребительны от глаголов $\begin{matrix} -\text{Ъ-} \\ -\text{И-} \end{matrix}$, правило распространяется и на них: «свистючій» (Гребенка, 28); «летячій» (Метлинский, 64), «летючій» (ibid., 245); «не боячійся» (Кв. - Осн., II, 4); «держачій» (ibid., I, 38), «кріплячійся» (ibid., 97). Однако: «лѣжачи» (ibid., 24), «лѣжучи» (ibid., 174), *сидячи, ходячи, стоячи*. Эти глаголы имеют деепричастие **-а, -я** с ударением на корне.

В сербском деепричастия настоящего времени следуют ударению настоящего времени. Мажуранич прибавляет: 3-го лица множественного числа настоящего времени на том основании, что гласный звук **-у, -ѣ**, коим оканчивается 3-е лицо множественного числа, остается с тою же долгою и в деепричастиях: *плѣту — плѣтући, вѣде — вѣдећи*.

Деепричастия от глаголов, соответствующих русским с постоянным ударением на односложном характере, в сербском не составляют исключения и сохраняют ударение настоящего времени: *плѣтући, вѣзући, грѣбући, пѣкући, кѹнући, чујући, тѹнући, мѣлући, бѣрући, вѣдећи, ѹмијући, хѹтећи, нѹсећи; кајући, кѹпујући*. Однако у Даничича *мрѹћи (мрѣм, 3-е лицо множественного числа мру), чувајући (чувам, но 3-е лицо множественного числа с ' : чувају), пѣшући (пѣшем, 3-е лицо множественного числа пѣшу)*.

V. АОРИСТ И ПРЕХОДЯЩЕЕ

§ 1. АОРИСТ И ПРЕХОДЯЩЕЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ

В современном русском языке эти времена не сохранились, и для сравнения с сербским будут служить только те данные, какие можно было извлечь из церковных книг, в коих могло хотя отчасти дойти до нас старинное русское произношение.

Заключения от современного сербского к древнерусскому затрудняются здесь тем, что об ударении рассматриваемых времен в самом современном сербском имеются различные показания.

По Мажураничу, аорист (кроме 2-го и 3-го лица единственного числа) и переходящее по ударению равны между собою и с неопределенной формой, от коей прои з в о д я т с я. О многих исключениях из этого правила—

ниже. Таким образом, по Мажураничу, от *грнѹти (грнем; по Караджичу, грнѹти — грнѣм)* будет аорист *грнѹх*, переходящее *грнѹх*; по Мажураничу, *лѹбити — лѹблах, пѣсати — пѣсах* (по Даничичу, это иначе); от *знати, брѣти*, по присоединению суффикса **-ах**: *брѣах, знѣах = брах, знах*, независимо от ударения настоящего времени. Согласно с этим мы произносим старорусское *тонѹху* (утопали), *приходѹше, приносящеть* согласно с ударением неопределенного склонения *тонѹти, ходѹти, носѹти*, а не настоящего времени *тѹнешѹ, ходѹши, носѹши*.

Правило, которое можно извлечь из примеров, приводимых Даничичем, гораздо сложнее и ведет, как увидим, к иному заключению об образовании переходящего.

а) В глаголах, имеющих одинаковое ударение в настоящем времени и неопределенной форме, аорист и переходящее по ударению не различаются (кроме 2 и 3-го лица единственного числа аориста): *плѣсти — плѣтѣм — плѣтох — плѣтиѹах, грѣпсти — грѣбѣм — грѣбох — грѣбиѹах; пѣкох — пѣциѹах; стѣкох — стѣциѹах; тѣкох — тѣциѹах (течах); тѹкох — тѹциѹах, жѣгох — жѣжиѹах (жѣжах); вѣзох — вѣзиѹах (вѣсти — вѣзѣм); чух — чуѹах (чути — чуѹѣм), ѹмѣх — ѹмиѹах (ѹмијети — ѹмиѣм); вѣдѣх — вѣдѣти — вѣдѣм, кѹјех — кѹѹах (кајати — кајѣм)*.

б) В глаголах, имеющих различное ударение в неопределенной форме и настоящем времени, аорист следует ударению неопределенной формы, а переходящее — настоящего времени.

Так, аорист множественного числа *клѣмо — клѣеши — клѣше* (1-е лицо единственного числа *клѣх*, — не знаю почему; 2-е и 3-е лицо единственного числа *клѣ* — по правилу, о коем ниже)¹, переходящее *кѹниѹах (кѹѹах) — кѹниѣмо — кѹнијете — кѹнијеху* (клѣти, кунѣм); от настоящего времени *жнѣм*, переходящее *жнѹах*; от настоящего времени *жанѣм — жанѹах*; между тем аорист по образцу *клѣх — жѣх* (неопределенная форма *жѣти*); при *пѣти — пѣнѣм* переходящее *пѣнѹах*; при *ићи* (повелительное склонение *иди*) аорист — *идох (даѹох)*, при *идѣм* переходящее *идѹах — иѹах*; при *мрѣјети* аорист *мрѣјех*; при *мрѣм* переходящее *мрѹах*; при *тѹнѹти* аорист *тѹнѹх*; при *тѹнѣм* переходящее *тѹнѹах; млѣх (млѣти), мѣлах (мѣлѣм), носѣх (нести), нѹшах (носѣм)*,

¹ По Мажураничу, здесь *клѣ — клѣ — клѣмо — клѣете — клѣше*.

вѣдах (вѣдѣти — вѣдим), вѣжах (вѣзити), мѣлах (мѣлити), прѣшах (прѣсити), хрѣнах (хрѣнити — хрѣним), муѣлах (муѣтити), гниѣѣжах се (гниѣѣздити се), лублах (лубѣтити)¹, аорист *писах* (писати), переходящее *писах* (пишѣм); аорист *чувах* (чувати), переходящее *чувах* (чувѣм), аорист *купѣвах* и переходящее *купѣвах* различаются ударением, так что первая форма ближе к неопределенной форме *купѣвати*, а вторая, по крайней мере по месту ударения, — к настоящему времени *кѣпѣм*. Впрочем Мажуранич акцентировал аорист *купѣвах*, 3-е лицо *кѣпова*, а переходящее *кѣпѣх* (Slovnica hëgvatska, 90).

Тоническая связь переходящего с настоящим временем, а аориста с неопределенной формой согласуется с тем, что в старославянском в некоторых разрядах переходящее относится по образованию не ко второй теме, а к первой. Так во многих глаголах $\frac{-не-}{-ну-} — \frac{-не-}{-нѣ-}$, но аорист не имеет гласного характера (*дви-ох*), подобно тому, как некогда не имела его неопределенная форма (сербское *дѣи* древнее по образованию, чем старославянское *дви-нѣти*), а переходящее снабжено характером, как и настоящее время (*дви-нѣх*, *дви-нѣ*), переходящее *берѣ-ахѣ*, *женѣхѣ*, *зовѣ-ахѣ* — по форме корня относится к первой теме (*берѣ*, *женѣ*, *зовѣ*), а аорист *брахѣ*, *звахѣ*, *гнахѣ* — ко второй. По мнению Миклошича (Vergleichende Grammatik, В. II, § 241), в некоторых переходящих: *красѣх*, *минѣх*, встречаемых большей частью в позднейших старославянских памятниках, лежит тема настоящего времени, а не видоизменение второй темы *-ова-* в *-уа-*.

К сказанному остается прибавить несколько подробностей.

§ 2. РАЗЛИЧИЕ АОРИСТА И ПРЕХОДЯЩЕГО

Относительно различия аориста и переходящего. В нескольких сербских глаголах (настоящее время, оба прошедших простых и повелительное наклонение) приставляется д (из да = дѣ) частью прямо к корню (зна-д), частью к теме (им-а-д, шие-д, хтје-д) (у Вуича *знаѣх* — *знаѣдох*, *имаѣх* — *имаѣдох*). И в этих глаголах переходящее время сближается по ударению с настоящим, отличаясь от аори-

¹ Однако *ломѣх* (*ломѣти* — *ломѣм*), *доѣх* (*доѣти* — *доѣм*), *лоѣх* (*лоѣтити* — *лоѣжим*), *учах* (*учити* — *учим*).

ста *знаѣм* — *знаѣдиѣх* (по Мажураничу; у Даничица *знаѣдиѣх*), *знаѣдох* — *знаѣти* (= повелительному наклонению *знаѣди*); *имаѣѣм* — *имаѣдиѣх* (так Мажуранич; у Караджича *имаѣдиѣх*). У Даничица (Облици, 109) *имаѣдиѣх* — *имаѣѣх*, *имаѣдох* (*имаѣх*, *имаѣти*), *смѣѣдох* — *смѣѣдиѣх*; *мниѣдиѣх* (так Караджич и Даничиц), аорист *мниѣх*, как *мниѣти*; другая форма переходящего времени *мнѣх*, *хтѣѣдох* (*хтѣѣти*), *шѣѣдиѣх* (Даничиц, Облици српскога језика).

Для аориста у Мажуранича правило: все глаголы, имеющие на каком-либо слоге в неопределенной форме менее тяжелое или острое ударения, изменяют их во 2-м и 3-м лице единственного числа аориста в более тяжелое и обремененное, которые правильно переходят на предыдущий слог, если таковой имеется, в виде менее тяжелого (Slovnica hëgvatska, § 182). Согласно с этим правилом находим у Даничица: *плѣтох* — 2—3-е лицо *плѣте*, *плѣтосмо* — *плѣтосте* — *плѣтоше*; *грѣбох* — *грѣбе*; *нѣкох* — *нѣче*; *жѣнах* (*жѣнѣм*); *жѣнох* — *жѣнем*; *вѣзох* — *вѣзе*, *тонѣх* — *тѣну*; *нѣсѣх* — *нѣси*; но не согласно с изложенным правилом *купѣвах* — 2—3-е лицо *кѣпова*, ибо усиленное ударение на втором слоге должно перейти на первый слог в виде *ѣ*, а не *ѣ*, что и находим у Мажуранича аналогично с *говѣрих* — *говѣри* — *говѣрисмо*; *прѣкопах* (*кѣпах*) — *прѣкопа* (*кѣпа*) — *прѣкопасмо*; *понѣсох* (*нѣсох*) — *пѣнесе* (*нѣсе*) — *понѣсосмо*. Далее у Даничица: *писах* — 2-е и 3-е лицо *писа*, *ѣмѣх* — *ѣмѣ*, *чувах* — *чува* вместо ожидаемых *писа*, *ѣмѣ*, *чува*.

Несмотря на эти частные разногласия, усиление ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа аориста не подлежит сомнению, по крайней мере в некоторых разрядах; и в церковнославянской русской редакции доныне аористы некоторых глаголов имеют во 2-м и 3-м лице единственного числа ударение на слоге, предшествующем тому, на котором стоит ударение в остальных лицах того же времени. Так, в следующих:

II, 1, а: *идѣхѣ* — *идѣ* (*снѣде*, *изѣде*, *приѣде*, *преѣде*), но *приѣдѣхомѣ* (*идѣсте* — *идѣшиа*); *обрѣтѣхѣ* — *обрѣте(ся)*, *приобрѣте*, *срѣте* — *срѣтѣхомѣ*; *отверзѣхѣ* — *отверзе* — *отверзѣшиа*, *возмогѣхѣ*, *вергѣхѣ*, *испроверже*, *повѣрже*, *свергѣшиа*, *сѣдѣхѣ* — *сѣде*, *всѣде*, *сѣдѣшиа*, *лѣзѣхѣ* — *влѣзе*¹.

¹ Формы *сѣде* и *лѣзе* приведены здесь потому, что остальные лица аориста этих глаголов имеют другое ударение (*сѣдѣшиа*, *лѣзѣшиа*), отклоняясь таким образом, от правила, что аорист вообще удерживает

Во многих других глаголах подобного строения этих переходов нет: *спасе́, понесе́, возведе́, потрясе́ ся, рече́, возложе́, паде́ ся, облече́ ся, прозябе́, оживе́*. Аористы от глаголов I разряда, образованные одинаково с вышеприведенным, тоже сохраняют постоянное ударение на гласной временного характера: *снѣдохъ — снѣде́, дадохъ — предаде́*.

Из II, 1, б заметим редкий случай — *начатъ* (3-е лицо единственного числа аориста), обыкновенно *начатъ*. В односложных формах аориста, как настоящего времени и других, как мы уже видели, движение ударения внутри простого слова заменяется переносом ударения на предлог.

Из II, 1, в — *ѹмре* (постоянно), *измрѡша* и пр., но *простре́ — прострѡша*.

Из IV разряда: *постигѡхъ — постиже́; воскресѡша — воскре́се, воздвиго́ша — воздви́же, (вскисѡша) — вскѡсе, померко́ша — померче́, (издохѡша) — издше́, гасше́, однако по-топé и др.; вместо усѣкнухъ — усѣкну можно было бы ожидать усѣкнухъ — усѣкну, но косну́ся, мину́ и др.*

В остальных разрядах (III, V, VI) ударение аориста (не исключая 2-го и 3-го лица единственного числа) согласуется с ударением неопределенного склонения.

§ 3. УДАРЕНИЕ АОРИСТА В БОЛГАРСКОМ

Немногое, известное нам об ударении аориста в болгарском, состоит в следующем.

Подвижности ударения в болгарском аористе нет. Переносу ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа на предшествующий слог в церковнославянском (и старорусском), — respective усилению ударения, — в тех же лицах в сербском соответствует в болгарском постоянное ударение во всех лицах аориста на слоге, предшествующем временному характеру; притом не во всех тех глаголах, где усиленное ударение в сербском.

В глаголах II, 1, а: настоящее время *бодѣ*, аорист *бодох — бодохмо — бодохте — бодох*; переходящее (с ударением настоящего времени) *бодѣнах — бодѣше, бодѣхми — бодѣхте — бодѣх*; *ведѣ*, *идѣ*, аорист *дадох — дадохте, извѣ-*

ударение неопределенного склонения (*състи, лѣсти*). В исправленной псалтыри читаем: «Иже не иде на совѣтъ нечестивых и на седище губителей не съде».

де, завѣде; предѣ — *прѣдох; рекѣ*, аорист *обрѣче* (обещал); *сѣкѣ* — *насѣче; пекѣ*, аорист *пѣкох — пѣче* (опечé — Бессонов, Болгарские песни, 117); *четѣ* — *проче́тох; влѣкѣ* *сѣ* — *привлѣче* (ibid.); *плетѣ* — *плѣтох; несѣ* — *донѣсох — донѣсе*.

Сюда же относятся аористы двух глаголов I разряда, в болгарском, кроме 1-го лица настоящего времени, перешедших во II разряд, при *нам*, *ѣдѣши — ѣде́, ѣдем — ѣдете — ѣдѣт*, аорист *ѣдох — ѣдохте*.

При *дам — даде́ши — даде́, дадем — дадете — дадѣт* аорист *дадох — даде* (подаде). Ударение аориста здесь очевидно отлично от ударения настоящего времени, как тому и быть следует¹, но оно, за исключением *прѣдох, сѣкох, ѣдох, дадох, найдох*, не сравниваемо с неопределенным наклонением *да́ти* (так как корень другой), отлично и от ударения, предполагаемого и в потерянной неопределенном наклонении, и в этом мы видим позднейшее и исключительно болгарское явление. Первоначально в болгарском должно было быть такое ударение аориста, как в сербском, именно *бодохъ* (согласно с неопределенным наклонением *бостѣ* с неударяемым коренным слогом) — *бодѣ*. Затем ударение 2-го и 3-го лица распространилось на прочие лица. Образцы аориста других разрядов: II, 2: *перѣ — прах, берѣ — брах, дерѣ — драх; зовѣ — зѡх, ковѣ — ковах*; III, 1: *ко́лѣж — клах, порѣж — прах* (порю); III, 2: *ма́жж* (verweile) — *ма́жах*; IV: ударение в аористе постоянно на корне; V, 1: *врѣтиж — врѣта́х; грѣтиж — грѣмѣх; изгорѣх* (но западное *подго́ръ* — Бессонов, Болгарские песни, II, 36); V, 2: ударение на характере ѣ: *пожлѣтъ, разболѣ сѣ*; V, 3: согласно с ударением настоящего времени — *поцѣвѣли* (настоящее время *цѣвѣлѣ*), *извади* (*извади́ж*), *чѣни* (*чѣни́ж*), *ско́чи* (*ско́чи́ж*).

¹ Исключаются *идох = идѣж* (ибо *видѣлѣ, видѣх*); *похвалѣ* — *похвалѣ*; *сѣрѣших* — *сѣрѣши* — V, 4; *разигрѣсѣ* (*игра́жж*); *кади́жж* (*кадѣ*), *крои́х* (*кро́ж*). Болгарское *дойдох* (ни аорист, ни переходящее. Н. В. ударение; у Бессонова — Болгарские песни, II, 46) — аорист *поведе́ — заведе́, даде́* (аорист *осѣдла*).

VI. ПРИЧАСТΙΑ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

§ 1. ПРИЧАСТΙΑ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ НА -ЛЪ

Причастия эти разделяются на: 1) имеющие одинаковые ударения во всех трех родах и двух числах и 2) имеющие ударение различное.

1) Неизменно сохраняют ударение неопределенной формы причастия от глаголов III, 2 ($\begin{smallmatrix} -je- \\ -a- \end{smallmatrix}$); IV, 2 ($\begin{smallmatrix} -не- \\ -ну- \end{smallmatrix}$); V и

VI. Из разряда IV сюда не подходят IV, 1 — глаголы, лишённые характера в некоторых формах второй темы. Между ними встречаются еще, хотя изредка, глаголы, от коих причастия имеют подвижное ударение (*досѣћи = сѣћи — сѣгао — сѣгла = малорусскому досягті (сягну) — досяг — досягла*). Исключаются: односложные во втором образце, III, 2, б — *стлать, здать*; один глагол V разряда — *родіть*, от коего: *роділ — родила — родило, родили*. Между всеми глаголами III, 2—VI разрядов общее то, что в старинном языке (до потери глухих звуков) во всех их вторая тема двухсложная. Глаголы, как *мстить, тмить*, которые представляются исключениями с точки зрения современного языка, в старинном — вовсе не исключения *мстї-ти, тмї-ти*.

Относительно постоянства ударения во всех родах и числах причастия на -лѣ изложенное правило, безусловно, годится и для сербского; относительно согласия ударения с ударением неопределенной формы — с некоторыми, впрочем сомнительными, ограничениями. Ср. *кајати — кајао — кајала — кајало; писати — писао — писала — писало; тѣнути — тѣнуо — тѣнула — тѣнуло; видјети — видјео — видјела — видјело; умјети — уміо — умјела — умјело; носити — носіо — носила — носило; чувати — чувало — чувала — чувало*; однако, по Даничичу, *куповати — куповао — куповала — куповало*, хотя, по Мажураничу, по-видимому, вернее, т. е. древнее: *куповао — куповала — куповало — куповали*.

2) Остальные разряды (I — III, 1 и IV, 1) имеют то общее, что (за исключением нескольких глаголов II, 2: *стнати, сосати* и пр.) и в древнем языке их тема односложна. Русские полногласные глаголы, как *стеречь, тереть, колоть*, предполагают односложные формы: *стрѣ-, трѣ-*,

кла- и уравниваются в тоническом отношении с односложными глаголами, как существительные *боров, бѣрег (= брѣв, брѣг = бријег)* с *дрѣг (дрѣг)* и пр. Можно бы сказать, что вторая тема в разрядах I, II, III, 1 и IV, 1 не имеет характерной гласной, но этому мешают глаголы II, 2 (*рвати, брати*), в коих тема, хотя уже в очень древнее время была односложна, но тем не менее имеет по всей вероятности гласную характера -а-.

По отношению к причастию -лѣ разряды эти заключают следующие различия.

а) Глаголы образцов *вестї, мочь (= мочи)*, т. е. имеющие в русском ударение на окончании -ті, в сербском 'или' на корне, в женском и среднем роде единственного числа и во множественном числе причастия -лѣ в русском переносят ударение на окончание (*вел — вела — вело, вель*), в сербском усиливают ударение неопределенной формы в мужском роде единственного числа и оставляют его неизменным в остальных формах: *плѣсти — плѣо — плѣла — плѣло; мѣсти — мѣо — мѣла — мѣло; грѣсти — грѣбла — грѣбла — грѣбло* (и по этому образцу *гнѣсти, нѣсти, тѣсти* и др.); *мѣти — мѣгао — мѣгла — мѣгло; лѣти — лѣгао — лѣгла — лѣгло; рѣти — рѣкао — рѣкла — рѣкло*.

В русском *шѣл — шла — шло = сербскому шао — шла — шло* в сущности равно по ударению предыдущим формам, что становится очевидным, как скоро ударение "переходит в виде 'на предшествующий слог: *йшао — йшла — йшло — йшли = малорусским йшѣв — йшла; дѣшао — дѣшла; вѣсти (вѣз — вѣзао — вѣзла — вѣзло = вез — везла — везло); рѣсти — рѣтао — рѣсла — рѣсло* и, таким образом, *трѣсти, мѣсти (мѣти), дубсти, скѣбсти, зѣбсти*. В малорусском отлично и от сербского *скѣбла*, потому что отлична уже неопределенная форма *скѣбти*. Великорусское *зѣбла* не от *зѣбстї*, а от *зѣбнуть* (в малорусском сюда *рѣв — рѣвла — рѣвлѣ* от *рѣвті*).

Из глаголов IV, 1, б сюда относятся три малорусских глагола: *тягті — тягнѣ — тяг — тягла — тягло — тяглі; простяг — простягла — простягло, сягті — сягнѣ; досяг — досягла — досягло; одягті — одягнѣ — одяг — одягла — одягло*. В великорусском литературном нет ни одного из них. В сербском тоже лишь очень немногие этого образца имеют в неопределенной форме менее тяжкое или острое на корне. Из них *лѣти, рѣти* с причастиями (*лѣгао — лѣгла — лѣгло; рѣкао — рѣкла — рѣкло*) могут вовсе не от-

носиться к IV разряду, потому что имеют настоящее время не только *лѣгнѣм*, *рѣкнѣм*, но и согласно с русским *лѣжѣм*, *рѣчѣм* (последнее отлично по ударению от русского). Затем остальные несколько глаголов *запрѣћи* — *запрѣгнѣм*; *до-сѣћи* — *досѣгнѣм*; *маћи* — *макнѣм*; *улѣћи се* — *улѣкнѣ се* (*sich senken*), *прислѣћи* — *прислекнѣм* (уступить), *натѣћи* — *натакнѣм*, в коих причастие на *-ль* может иметь ударение *прѣгао* — *прѣгла* = *пряг* — *прягль* и т. п. В славянских наречиях эти формы не отмечены, кроме *пѣткао* (= *тѣкао*) — *пѣтакла*.

Причастиям образца *вѣл* — *велѣ* — *велѣ* — *велѣ* соответствуют по ударению прилагательные неопределенные, как *бел* — *белѣ* — *белѣ* — *белѣ*, *высок* — *высока* — *высоко* — *высоки* = сербским *бијел* — *бијела* — *бијело*; *висок* — *висока* — *високо*.

б) Глаголы с ударением на корне неопределенной формы представляют по отношению к ударению причастий на *-ль* два различия:

аа) Следующие глаголы в литературном языке переносят ударение только на окончание женского рода по образцу *был* — *была* — *было* — *были* (см. Востоков, Русская грамматика, § 187, примечание 2): *дать*, *жить*, *быть*, *плыть*, *слыть*, *клясть*, *братъ*, *звать*, *рвать*, *прать*, *ждать*, *бить*, *лечь*, *пить*; *стлать*, *здать* (*зизжду*), *родить*.

Некоторые из этих глаголов по сложении с предлогами (кроме *вы* — постоянное ударение в глаголах совершенных) переносят ударение на предлог в мужском и среднем роде единственного и множественного числа причастия: *додал* — *пѣредал* — *пѣредало* — *пѣредали* — *пѣредала* (не жил — не жила, не был) — *додала*, *пролил*, *дѣлил*, *отлил* *прожил*, *поплыл*, *прибыл* — *прибыло* — *прибыли* — *прибыла*, *долила* и пр., *сѣздал* — *сѣздало* — *сѣздали* — *сѣздала*.

Таким же изменениям подвергаются причастия предложных глаголов *-ять*, *-чать*, *мерѣть* и *перѣть*, из коих первые два неупотребительны без предлога, а два последние без предлога имеют в причастии *-ль* неподвижное ударение: *начал*, *зѣнял*, *рѣзнял* — *рѣзняло* — *рѣзняли*, *начал*, *умер*, *отмер* — *отмерло* — *отмерли* — *отмерла*. Соединяясь с возвратным местоимением *ся*, причастия эти в литературном русском переносят ударение на *ся*, а в остальных формах — на окончания перед *ся*: *дался*, *удался*, *прижился*, *полился*, *влился*, *начался*, *заперся*, *звался*, *назвался*, *дождался*,

брался, *родился*, женский род — *ась(ся)*, средний род *ось(ся)*, множественное число *-йсь(ся)*.

В малорусском: *брав*, *зав*, *прав*, *ирвав*, *ждав*, *слав*, *родив*, *умѣр* — *умѣрла* («Анхиз з горілочки умѣр» — Котляревский, 31); *одпѣр* («Щоб бог душі свій рай одпѣр» — *ibid.*) — сохраняют то же ударение в женском, среднем роде и множественном числе. Остальные глаголы изменяют в причастии ударение по образцу: *вѣв* — *велѣ* — *велѣ* — *велѣ*, именно: *далѣ* — *дали*, *жилѣ* — *жили*, *булѣ* — *були*; *плилѣ*, *клялѣ*, *узялѣ*, *почалѣ*, *лилѣ*, *вилѣ*, *пилѣ*. Кроме этих глаголов, в малорусском сюда относятся: *заняв* — *заняла* — *заняло*, *утяв* — *утяла* — *утяло* — *утяли*; *нап'яв* — *нап'яла* — *нап'яло*; *надув* — *надула* — *надуло* («надулась» — Гребенка, 12), на предлог здесь в малорусском ударение не переносится: *забрав*, *почав*, *пропѣв* и пр. Не переносится и на *ся*: *почався*, *удався* и пр.

Малорусское наречие здесь новое великорусского, что видно из сравнения с сербским, где, по Мажураничу (*Slovnica hrvatska*, § 183), имеются двадцать два глагола, коих причастия *-л* имеют в женском роде на предпоследнем слоге острое ' (= русскому ударению на последнем *-ла*), а в среднем роде и множественном числе на том же слоге. Таковы: *дати* — *дао* — *дала* — *дало* — *дали*, *-е*, *-а* и по этому образцу: *брати*, *прати*, *спати*, *звати*, *жѣти*, *чѣти* — *чѣо* — *чѣла* — *чѣло* — *чѣла*, *-е*, *-а* и по этому: *јѣти* (*уз-ети*), *пѣти*, *жѣти* (*жѣм*), *биѣти* (*быть*) — *биѣо* — *биѣла* — *биѣло* — *биѣли*, *-е*, *-а* и по этому *гнѣти*, *вѣти*, *нѣти* — *нѣо* (= *неслѣ*), *ниѣла* — *ниѣло* — *ниѣли*, *-е*, *-а* и по этому *дрѣти*, *ждрѣти*, *прѣти*, *стрѣти*, *врѣти*, разумеется, не в этой форме, в коей приводит их Мажуранич и от коей у него же самого причастия: *трѣо* — *трѣла* — *трѣло*, *умрѣо* — *умрѣла* — *умрѣло* (= Даничич *мрѣо* — *мрѣла* — *мрѣло*) от формы с *-рије*: *мријѣти* и пр.

Проверить вполне эти показания нечем, так как Караджич лишь изредка отмечает ударения причастий; но есть основания думать, что многие из приведенных форм в других сербских говорах ударяются не так. Так, у Даничича: *брао* — *брала* — *брало*, что по-русски было бы *брала* — *брало*; у Караджича *пѣнијети* — *пѣнио* (согласно с Мажураничем), *пѣнијела* (а не *пѣнѣла*) и, вероятно, *пѣнијело*.

Однако в существовании в сербском языке замеченного Мажураничем типа акцентуации причастия на *-ль*, подтверждающего глубоко древность соответствующих явле-

ний в великорусском, сомневаться нельзя: у Караджича находим от *бѣти* (быть) *бѣо* — *бѣла* — *бѣло*, что, за исключением краткости коренного слога в *бѣо*, зависящей от неопределенной формы *бѣти*, соответствует акцентуации прилагательных, как *дрѣг* (дорог), *дрѣга* (дорога). Средний род, оставшийся как мужской, *дрѣго* (дорого) и т. п.

6б) Многочисленные остальные глаголы I, II, III, IV, 1, имеющие ударение на корне неопределенной формы, удерживают это ударение и во всех формах причастий на -ль. В сербском этому соответствует постоянное " на корне: *прѣсти*, *стрѣћи*, *бѣо* (*бѣти*), *брѣо*, *крѣо*, *мѣо*, *шѣо*, *тѣо*, *дѣо*, *смѣо*, *спѣо*, *чѣо*, *знао*. См.: Востоков, Русская грамматика, 255.

Клала, *пала*, *пряла*, *грызла*, малорусское *пасла* (но в литературном *спастѣи* — *спас* — *спасла* — *спасло* — *спасли*), малорусские *бѣгла*, *стрѣгла*, *сѣкла* (так по-малорусски, но в великорусском неопределенное наклонение может иметь ударение и на суффиксе, и поэтому может быть местами *секла*) и глаголы II, 1, а с ударением на корне в настоящем времени: *крала*, *лѣзла*; сюда *была* (не от той темы, что *буду*); *дѣла* (*дму* — в малорусском *надулась*), *жала* (*жму*), *жала* (*жну*), *яла* (в книжном языке без предлога и с предлогами *из*, *об*, *от*, *при* без эфонического *н* — Востоков, Русская грамматика, 255), *м'яла*, *мѣрла* (без предлога), *пѣрла* (без предлога), *тѣрла*, *простѣрла*; малорусское *задѣрла*; малорусское *пожѣрла* (земля); *гнала*, *срала*, *сосала*, *врала*, *ткала*, *мала*, *жрала*, *стонала*, *била*, *шила*, *воила* и все глаголы III, 1, а с ударением на корне в настоящем времени и неопределенной форме (*знала* и пр.), все глаголы III, 1, б (*молола*), все глаголы IV, 1, за исключением трех приведенных выше малорусских.

Причастия эти, за исключением *мер*, *тер*, *пер*, о коих было упомянуто выше, не переносят ударения ни на предлог (кроме *вы*, стоящего в этом отношении особняком), ни на возвратное местоимение в мужском роде.

В сербском (как штокавском, так и чакавском) русскому ударению на корне и в причастии, как в неопределенной форме соответствует постоянное ударение " на корне же: *прѣо* — *прѣла*; *срѣо* = *срѣо* — *срѣла* (встрѣла), *стрѣгао* — *стрѣгла*; *сѣо* = *сѣо* — *сѣла*, *бѣо* (*бѣти*), *брѣо*, *крѣо*, *мѣо*, *шѣо*, *тѣо*, *дѣо*, *смѣо*, *спѣо*, *чѣо*, *знао*. Отклоняются в сербском глаголы II, 1, в, в причастии переносящие ударение на предлог и в таких случаях, где в русском постоянное:

дријети (*дрти*), *дрѣо*—*дрла*—*дрло*; *прѣдријети* (*прѣдрѣти*)—*прѣдрѣо* — *прѣдрла* (*sic* — Караджич, Вуич), хотя из *дрла* должно выйти *прѣдрла*; *прѣждријети* (*прѣждрѣти*) — *прѣждрѣо* — *прѣждрла* (как выше), *запријети* — *запрѣо* — *запрла* — *запрло*, *прѣстријети* — *прѣстрѣм* — *прѣстрѣо* — *прѣстрла*.

Болгарский. Что в болгарском некогда переносилось ударение на окончание женского и среднего рода в тех же случаях, приблизительно, как в русском и чакавском, — в том удостоверяет акцентуация прилагательных, как *цѣлъ* — *цѣла* — *цѣло*, и незначительные следы такого же ударения в причастиях -ль: *били* (Бессонов, Болгарские песни, II, 37; ср. малорусское *були*), *порасло* (*ibid.*, I, 89). *Плел* — *плела* — *плело* — *плели*; *рекл* — *рекла* — *рекло* — *рекли*. В большинстве случаев основная подвижность ударения потеряна: *проклела*, *взела*, *завело* — *завели*, *занесло*, *нашла*, *отшла*, *нагнила*, *рекла*.

Из следующих примеров можно заключить, что тоническое различие второй темы от первой потеряно вместе с неопределенным наклонением и что причастие на -ль по ударению уподоблено первой теме: *писал* — *писала* — *писало* (*писати* — *писал*; болгарское *пишѣ*; сербское *пишати*); *давала* (сербское *давати*, *дајем*, *давам*; болгарское *давам*); *женила* (болгарское *женѣ*; сербское *женити* — *женѣм*); *любила* (болгарское *любѣ*, *любѣ*; сербское *любити* — *любѣм*); *хранила* (болгарское *хранѣ*; сербское *хранити* — *хранѣм*); *походила* (болгарское *ходѣ*; сербское *ходити* — *ходѣм*); *водила* (болгарское *водѣ*; сербское *водити* — *водѣм*); *тврдила* (болгарское *тврѣ*; сербское *тврдити* — *тврѣм*, но *за-тврдити*); *пофалила* (болгарское *фалѣ*; сербское *хваљити* — *хваљѣм*); *окѣпала* (болгарское *кѣпѣ*, вероятно, и *кѣпам*; сербское *кѣпати* — *кѣпам*).

Однако в песнях, изданных Бессоновым: *будила* (болгарское *будѣ*), *сърдила* (*сърдѣ*), *позгодилъ сѣ*, *годила* и *сгудила* (болгарское *годѣ*), *проговорило* — I, 89 и *отговорила*. Согласно с русским ударением причастий от глаголов: *лежѣлъ* — *лежѣла* (= -яла; болгарское *лежѣ*) *врѣвѣлъ* (*врѣвѣ*), *изврѣтѣлъ* (*врѣтѣ*), *родила* (*родѣ*), *разболѣлъ сѣ*, *болѣла*; *оголѣлъ*; *закопала* (*копѣ*), *играло* (*играѣ*). Однако у Бессонова *фанѣла*, *стигнѣла*, между тем как мне не встречалось форм настоящего времени с ударением на характере: форма *видѣлъ* — Бессонов, Бол-

гарские песни, II, 63 — вместо *вѣдѣль*, предполагаемого русским и сербским, лишена всякого исторического оправдания (*исписувал, правило, наклало, думалъ, слушѣлъ, глѣдалъ*).

§ 2. ПРИЧАСТΙΑ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ

Форма эта производится от темы неопределенного наклонения, но, если это возможно, не сохраняет ударения этой темы, а передвигает его на предыдущий слог. Такое передвижение невозможно, если уже в самом неопределенном наклонении (беспредложном) ударение стоит на первом слоге (*дѣлать — дѣлан*); перенос ударения с коренного слога причастия на проклитику имеет место здесь, как и в других случаях, только в формах односложных (кроме конечного ера).

Исключений из приведенного правила довольно много. Здесь укажем на самое крупное: глаголы VI разряда, б на -ыва. ива и соответствующие им по значению и ударению малорусские на -ова, -ева и в причастиях страдательных, как во всех остальных формах, имеют ударение на слоге, предшествующем характеру.

Глаголы без характера во второй теме с корнем на согласную и с ударением на суффиксе. В малорусском с переносом ударения по указанному выше правилу и с постоянным ударением во всех родах и числах: *вѣдена — вѣдено, мѣтена — мѣтено, плѣтено, вѣзено, нѣсено, скрѣбено, запряжено, спряжено* (assatum), *пѣчено, товчено, волочено*. От *берегтѣи*, *стерегтѣи* было бы *берѣжено, стерѣжено*.

В определенных формах причастия ударение то же, но в прилагательных той же формы — на гласной суффикса: *плѣтѣный, пряжѣный* (горох), *печѣный, товчѣный, стерѣжѣный, берѣжѣный*.

Такое ударение неопределенной формы причастия, как *плѣтѣн, нѣсен*, не есть исключительно малорусское. У Востокова (Русская грамматика) в необластных спряжениях находим беспредложные причастия *пѣчен, скрѣбен* и при них как употребительные только с предлогом: *печѣн, скрѣбѣн* (*испечѣн, соскрѣбѣн*).

Другие неопределенные причастия того же образца, по Востокову, имеют (в литературном, который здесь равен великорусскому) в мужском роде единственного числа ударение на гласной суффикса, в женском, среднем роде и множественном числе переносят ударение на окончание по образцу прилагательных, как *бел — белѣ — бело — белы*, и причастия на -л, как *плѣл — плелѣ — плело — плели, ведѣн — веденѣ — ведено — ведены, плѣтѣн — плетѣнѣ — плетѣно — плетѣны*. Несомненно таково ударение в *соблюдѣн, обретѣн, прочтѣн, погребѣн, берѣжѣн, изречѣн, жжѣн*; но я сомневаюсь, чтобы формы *ведѣн — веденѣ — ведено — ведены, плѣтѣн, метѣн, везѣн, несѣн, пряжѣн, толчѣн* — были исключительно употребительные в великорусском. По крайней мере мое ухо привыкло к выражениям, как «коса заплѣтена», «вещи перевѣзены», «перенѣсены», «лошади запряжены».

В определенной форме в литературном языке причастия страдательные принимают второе неорганическое -н: *погребѣнный, ведѣнный, плѣтѣнный, несѣнный, жжѣнный, толчѣнный* (Павский, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, 120). Прилагательные удерживают одно и то же ударение, как в малорусском: *плѣтѣный*.

Для сербского языка Мажуранич ставит следующее правило: глаголы (первообразные) с корнем на согласную, если имеют на корне менее тяжкое ударение (*плѣсти, пѣћи*), удерживают его и в причастиях прошедшего времени страдательных именительного падежа мужского рода на том же слоге, а в остальных родах и падежах подвигают на следующий слог: *пѣчен — печѣна — печѣно* и пр. Глаголы, имеющие в корне острое ударение (*тући*), в именительном падеже единственного числа мужского рода причастия изменяют ' в ` (менее тяжкое) и в остальных родах и падежах подвигают это последнее ударение на один слог к концу: *тучен — тучѣна и пр.* (Slovnica hŕvatska, § 185). Мажуранич, стр. 88: *мѣтен, плѣтен, трѣсен, вѣзен, грѣбен, скѣбен, тѣпен, жѣжен, тучен, вѣчен*, но — может быть, по описке, — *пѣчен* (болгарское *печѣн*).

Согласно с этим у Даничича (Облици српскога језика) *плѣтен — плѣтена — плѣтено; грѣбен — грѣбѣна — грѣбѣно; пѣчен — печѣна — печѣно*; у Караджича (Српски рјечник) *жѣжен — жежѣна — жежѣно*; определенное: *жѣженѣ — жежѣнѣ — жежѣно*, но у Даничича от *вѣсти — вѣзем* (pingere аси) *вѣзен — вѣзена — вѣзено*; у Вуича (Српска граматика)

тѣчен — *тѣчена* — *тѣчено* не согласно с правилом Мажуранича. Как бы ни было, сербские *плѣтен* — *плѣтена* — *плѣтено* предполагают то же ударение *плѣтен* — *плѣтена* — *плѣтено*, а определенное *жѣжени* — *жѣжена* — *жѣжено* с неподвижным ударением предполагает *жѣжени* — *жѣжена* — *жѣжено*. То и другое находим в великорусском.

При *и-ти* — не от темы ид без характерной гласной первой темы — причастие *иден* (*найден*, *пройден* — *пройдена* — *пройдено*; сербское *наѣн*). От *мочи*, равного предыдущему в тоническом отношении, — книжное *изнеможен* — *изнеможена* — *изнеможено*. Сербское *пѣможен* (Маџигапиѳ, Slovnica hѣrvatska, 88) указывает на *мѣжен*.

Глаголы III, 1, б ($\begin{matrix} -je- \\ -н- \end{matrix}$) — *молѣть* — *мѣлот*, *колѣть* — *кѣлот*, *полѣть* — *пѣлот*, *порѣть* — *пѣрот*, *борѣть* — *бѣрот*. В сербском иначе образовано *мѣвен* (*мѣти* — *мѣлем*; вероятно, и от *плѣти* — *плижѣем* — *плѣвен*).

Глаголы II, 2, а ($\begin{matrix} -je- \\ -ѣ- + -а- \end{matrix}$). По образцу *ковѣть* (*ковѣти*) — *ковѣн*, *лѣман*, *снѣван*, *блѣван*, *плѣван*, *клѣван* — *клѣвана* — *клѣвано*. В сербском согласно с русским относительно ударения, но с другим суффиксом — *ковѣт* (Даничиѳ, Облици српскога језика, 117) и отлично от русского *ковѣн* — *ковѣна* — *ковѣно* (Маџигапиѳ, Slovnica hѣrvatska, § 186).

В древности акцентуации *ковѣн* (= основному *ковѣн*) можно так же сомневаться, как и в *купѣвѣн* — *купѣвана*, которые Мажуранич подводит под одно правило с *ковѣн*. Болгарское *ковѣн* — множественное число *обковѣни*.

Глаголы II, 2, б. По образцу *чѣсѣть* — *чѣсан*, *полоскѣть* — *полоскан* идут: *клѣпан*, *крѣсан*, *гладан*, *бран*, *топан*, *искан*, *качан*, *пахан*, *низан*, *ливан*, *писан*, *щипан*, *вязан*, *свѣстан*, но *клеветан* и некоторые другие; *стлан* и *слан* (от *стлѣть* — *стѣлю* и *слѣть* — *шлю*) вследствие односложности переносят ударение на предлог: *прѣстлан* — *прѣстлана* — *прѣстлано*, *пѣслан*.

Сербские согласно с русским усиливают ударение неопределенного склонения ' в ' в '': *писати* — *писан* — *писан* (Даничиѳ, Облици српскога језика, 112), *гладати* — *гладан*, и по этому образцу сербские *чѣсан*, *крѣсан*, *тѣсан*, *зѣбан*, *казан*, *лизан*, *вѣзан*. Глаголы III, 2, и: *давати* — *даван*, сербские *давати* — *даван*.

Глаголы IV: *обманѣть* — *обманут*, *тянѣть* — *тянут*, *помянѣть* — *помянут*. В малорусском хотя эти глаголы могут принимать и другой суффикс причастий прошедшего времени страдательных, но ударение — то же: *обманѣно*, *затянѣно*, *помянуто*, *протягнутий* — *протягнений*, *повѣрнутий* — *повѣрнений*, *згорнутий* — *згорнений*. *Гнуть*, *мкнуть* и *ткнуть* по односложности переносят ударение на предлог: *согнуто* — *согнута* — *согнуто*. Малорусские *зигнутий*, *зѣмкнутий* — *зѣмкнений*, *зѣткнутий*.

Такой перенос ударения в причастиях страдательных имеет место не в одних только глаголах с подвижным ударением в настоящем, но и в глаголах, сохраняющих в настоящем времени постоянное ударение на характере: *взболтнут*, *свѣхнут*, *колыхнут*, *оку(н)нут*, *обманут*, *всполохнутый*, *вспугнутый*, *отрѣзнутый*, *застѣгнутый*, *подстрѣкнутый*, *встряхнутый*, *толкнутый*, *зачѣркнутый*, *подчѣркнутый*, *шепнутый*.

Усиление ударения есть и в сербском: *ганути* — *ганѣм* — *ганут*; *зѣвнути* — *зѣвнѣм* — *зѣвнут*; *грнути* — *грнут*; *макнути* — *макнути*, *врнути* — *врнут* — *поврнут*, *досѣгнути* — *досѣгнут*, *завѣнути* — *завѣнут*. Немногие глаголы, отбрасывающие в причастиях страдательных характер -н- (формы исключительно письменной и архаической), колеблются между неподвижным ударением на корне и подвижным; два глагола с ударением на характере в неопределенном склонении (*гнуть* и *тянуть*) образуют причастия (кроме упомянутых выше форм) *согбѣн* — *согбѣна* — *согбѣно* — *согбѣны*, *протяжѣн* — *протяжѣна* — *протяжѣно* — *протяжѣны*, определенные на -енный и пр.; форма *успѣн* выводится из существительного *успѣние*; глаголы с ударением на корне — *отторжен* и *отторжѣн*, *отвержен*, но *воздвѣжен* (*воздвѣжение*) и *движѣн (*движѣние*), сербское *дѣжен*.

Впрочем не всегда можно заключать об ударении причастия по ударению существительного на -ие, образованного от причастия. Ср. *писан* — *писанье*, *ковѣнье*, *колѣтье*. У Востокова и Даля *колѣтье*. *Чѣтан* — *чѣтанье*, *вѣлен* — *вѣленье*, *люблен* — *любленье*, *воѣван* — *воѣванье* (Восток, Русская грамматика, 88).

Причастия от тем на -ну- с усиленною конечною гласною архаические, большею частью употребляющиеся только в определенной форме, все ударяют гласную суффикса е: *отриновѣн*, *мановѣн (старое), *вдохновѣн*, *обыкновенѣн*, *ускновѣн*, *повиновѣн* (*повиновение*), *преткновѣн*, *помяновѣн* (*помяновение*), *поползновѣн* (*поползновение*), *мгновѣн* (*мгновение*).

ние), *миновѣн* (миновение), *дуновѣн* (дуновение), *помановѣн* (помановение) (Павский, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, § 54).

Глаголы V, 1 ($\frac{-и-}{-ь-}$). По образцу *держать* — *держан*, *вертѣть* — *вѣрчен* идут: *тѣрплен*, *смѣтрен* и все глаголы с неподвижным ударением на характере в обеих темах: *лѣжан*, *сѣжен*, *гяжен*, *стѣян*, *молчан*, *зрѣн* (узрен), *мчѣн (прѣмчан), *дѣржан*.

Сербское. При *држати* — *држѣм* причастие *држан* и *држат*. Болгарское. При *дръжѣ* — *дръжан*, *врѣтъж* — *врѣтъжн*.

Глаголы V, 1 ($\frac{-и-}{-и-}$). Глаголы, имеющие в настоящем времени только подвижное ударение, в причастии прошедшего времени страдательном переносят ударение неопределенного наклонения на предыдущий слог: *хваля* — *хвалишь* — *хвалить* — *хвален*. Глаголы, имеющие в настоящем времени и подвижное и постоянное ударение на характере, имеют в причастии или только ударение предшествующего образца (*садить* — *садишь* — *сажен*), или двоякое: *чѣрчен* — *чѣрчена* — *чѣрчено* или *черчѣн* — *черчена* — *черчено*. Отпричастные прилагательные имеют ударение постоянно на глагольном суффиксе: *посажѣнный отец*, *дарѣнный*, *варѣнный*, *прощѣнный*, *клеѣнный*, *чинѣнный*, *крошѣнный*, *сушѣнный*, *тушѣнный*, *сучѣнный*, *белѣнный*.

В сербском неопределенного наклонения в причастиях изменяется в ъ в ѣ , если в настоящем времени то же ударение (= русскому подвижному ударению): *вдѣн*, *гожен*, *ношен*, *мочен*, *хдѣн*, *вдѣн* и пр., *вожен*, *мѣлен*, *пѣштен*, *крѣштен*, *ломлен*, *дѣжен*, *лѣжен*, *учен*, *трѣшен*, *твѣрен*, *брѣжен*, *хранѣн*, *мѣжен*, *бачен* (бацити), *люблен*.

Болгарские примеры мало говорят, так как хотя в причастии ударение на том месте, где ему быть следует, судя по русскому и сербскому, но и в настоящем времени глаголов, соответствующих русским с подвижным ударением, в болгарском ударение тоже большей частью на корне: так, при *залѣжен*, *накоплен*, *хранѣн*, *бѣлен*, *канен* (приглашен), *заключен* глаголы *залѣжа*, *храня* и пр. При *напоѣн*, однако, *поѣж*; при *кроѣж* — *кроѣн*.

Русские глаголы $\frac{-и-}{-и-}$, имеющие и в настоящем времени

и в неопределенном наклонении ударение на характерной гласной, и в причастиях страдательных ударяют в именительном падеже единственного и множественного числа гласную перед суффиксом, а в женском, среднем роде и множественном числе — окончание: *прощѣн* — *прощѣна* — *прощѣны*; *лишѣн*, *смирѣн*, *побѣждѣн*, *воспрѣщѣн*, *плѣнен*, *покорѣн*, *ободрѣн*, *наводнѣн*, *навощѣн*, *раздвоѣн*, *раздроблѣн*, *углублѣн*, *погружѣн*, *запылѣн*, *усыплѣн*, *проторѣн*, *плѣнен*, *покорѣн*, *ободрѣн*, *наводнѣн*, *повторѣн*, *обременѣн*, *одушевлѣн*, *усыновлѣн*.

Глаголы, заимствованные из церковнославянского с *ра*, *ла*, имеют ударение только на характере и согласно с этим причастия — на *-ѣн*, *-ѣна*, *-ѣно* (*возвращѣн*, *приглашѣн*, *ограждѣн*, *позлащѣн*, *сокращѣн*, *наслаждѣн*, *охлаждѣн*, *сохранѣн*, *омрачѣн*, *осрамлѣн*), между тем соответствующие им русские глаголы имеют или подвижное, или постоянное ударение на корне и в причастиях страдательных тоже на корне (*позолочен* и пр.).

В малорусском приведенные глаголы с ударением на характере или неупотребительны вовсе, или не имеют причастий, однако от малоросса, мало знакомого с литературным языком, можно услышать: *просвѣщена*, *побѣждена*, *покорѣна*, *усыновлен* и т. п., так как вообще ударение *-ѣн*, *-ѣна*, *-ѣно* почти чуждо малорусскому.

В сербском русскому *лишѣн* — *лишена* — *лишено* — *лишены* — соответствуют причастия от глаголов с постоянным менее тяжким ударением на слоге перед характером: *брѣжити* — *брѣжѣм* — *брѣжен* — *брѣжена* — *брѣжено*; множественное число *брѣжѣни* — *брѣжѣна* — *брѣжена*. По этому образцу: *чиѣнен*, *гноѣжен*, *двѣрен*, *говѣрен* (= великорусскому *говорѣн*, но малорусское *говѣриш* — *говорѣно*), *ловлен* (*ловити* — *ловѣм* отлично от русского *ловить* — *ловлен*), *лѣжен* (*лѣжити* — *лѣжѣм* отлично от русского), *погѣжен*, *рѣжен* (и согласно с этим определенное *роѣѣни* — *роѣѣна* — *роѣѣно*, хотя *родити* — *родѣм*, как в русском), *солѣн*, (*солити* — *солѣм* отлично от русского *солить*), *учѣн* (*учити* — *учѣм* отлично от русского) и др. (см.: *Ma ž u g a n i ć*, *Slovnica hrvatska*, § 187).

В болгарском встречаются причастия, как *позлатѣн*, но с неподвижным ударением женского рода *позлатѣна*.

Глаголы V, 4, а $\frac{-ае-}{-а-}$ с ударением на *-а-* характера в настоящем времени и неопределенной форме в причастиях

страдательных переносят ударение на предыдущий слог: *болтан, бормотан, брѣхан, быван, ваян, вѣрстан, видан, вѣнчан, брѣсан, игран, катан, копан, кѣсан, ломан, маран, мѣнян, мѣшан, питан, пытан, стрѣлян, сѣдлан, уздан, хватан, хлѣбан, читан, изенан, колѣпан, польхан, крѣмсан, макан, махан, пелѣнан, пѣган, пѣтнан, сажан, стрѣган, таскан, тѣрзан, трѣпан, шатан, шѣпан*. Немногие прилагательные отпричастные имеют ударение на -а характера: *благоуханный, желанный*.

В сербском глаголы образца: *питати — питам* (' и ъ) усилиют ударение и в причастиях: *питаан*. Таковы: *бацати, бивати, давати, купати, кѣсати, ламати, миѣнати, миѣшати, страдати, штѣпати, валати* и др. (Маџигапиѣ, Slovnica hërvatska, § 186, 2). Таким же образом усилиют ударение и те, в коих в настоящем времени и неопределенном наклонении стоит на слоге перед характером ` : *копати — копам — копан, рачѣпати — рачѣпам — рачунан*. Таковы: *играти, мѣпати, оружати, сѣдлати* и др. (Маџигапиѣ, ibid., § 187, 2).

В болгарском *играж*, — вероятно, *игран*.

Глаголы VI, а на -ова-, -ева- в неопределенной форме в причастии переносят ударение на предыдущий слог -ова-, -ева-: *балован, боронован, вербован, воѣван, волнован, колдѣван, межѣван, толкован* и пр. Так и в малорусском.

На этом основании следовало бы ожидать в сербском (штокавском) *купован, дарован*. Так действительно и говорят некоторые (Маџигапиѣ, Slovnica hërvatska, § 187, 2), но у Даничича (Облици српскога језика) только одна форма: *купован — купована — куповано*, а Мажуранич более верным считает третье ударение: *купѣван — купѣвана — купѣвано, дарѣван — дарѣвана — дарѣвано* — согласно с ударением неопределенного наклонения. Как вторая, так и третья акцентуация, кажется, новее первой. Акцентуация глагола *купѣвати*, по Даничичу, вообще представляет много странного. Согласно с русским настоящим время *купѣю*, повелительное наклонение *купѣј*, деепричастие настоящего времени *купѣјући*, деепричастие прошедшего времени *купѣвши*, *купѣв*, неопределенная форма *купѣвати*. Но в аористе при 1-м лице *купѣвах* 2—3-е лицо *купѣвова* вместо ожидаемого *купова*, переходящее *купѣвах* вместо ожидаемого (согласно с настоящим временем) *куповах*, причастие прошедшего времени *купѣвоа* вместо ожидаемого (и действительно встречаемого у Даничича) *купѣоа*, нако-

нец, причастие прошедшего времени страдательное *купѣван* вместо *купован*. Ни одно из этих отклонений не может быть объяснено только штокавским стремлением подвигать ударение к началу слова. Принимаемая Мажураничем акцентуация *купѣван* отклоняется от правила об усилении ударения в страдательном причастии.

Правило Мажуранича, что аорист согласуется относительно ударения с неопределенной формой, не вполне прилагается к церковнославянскому. В последнем некоторые глаголы разряда II, I с ударением на корне в неопределенной форме следуют образцу имеющих в неопределенной форме ударение на суффиксе: *сѣдоша, влѣзѣша (сѣсти, лѣзти)*.

Преходящее ни в одном из наречий не переносит ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа, *геспест* не усиливает ударения в штокавском; в этом последнем *плѣтијаше, вѣзијаше, грѣбијаше, пѣцијаше, купијаше, умѣјаше (умѣ)* с тем же ударением, как и в 1-м и прочих лицах преходящего и как в настоящем времени и согласно с церковнославянским и предполагаемым древнерусским: *плѣтъаше, плѣтъяше, умѣяше*.

Там, где, по Даничичу, ударение преходящего отлично от неопределенной формы и согласно с настоящим временем в церковнославянском и, вероятно, в древнерусском, — правило, которое Мажуранич выставляет и для сербского, именно, что преходящее следует ударению неопределенного наклонения. Сравни штокавское преходящее по Даничичу: *тѣнах (тѣнем — тѣнути), мѣлах (мѣлѣм), ношах (нѣсѣм — нѣсити), вѣжах (вѣдѣм — вѣдити), вѣжах (вѣзѣм — вѣзити), мѣлах (мѣлѣм — мѣлити), прѣшах (прѣсѣм — прѣсити), хрѣнах (хрѣнѣм — хрѣнити), мунах (мутѣм — мутѣм), лѣблах (лѣбити — лѣбѣм), чѣвах (чѣвам — чѣвати), пѣсах (пѣшѣм — пѣсати)* — с формами у Мажуранича, как *лѣблах, бранах (бранѣм — бранѣм), пѣтах (пѣтати — пѣтам)*, и церковнославянскими *моляше, хрѣняше, кричаше* и пр.

Выставленная Даничичем форма преходящего *купѣвах — купѣваше*, не согласная ни с неопределенным наклонением *купѣвати*, ни с настоящим временем *купѣю*, согласная только с *куповао* и *куповам*, могла произойти из *куповах* (согласно с настоящим временем, хотя не от темы настоящего времени). У Мажуранича согласно с русским *купѣвах — купѣше — купѣоа*, но *купѣван*.

Где в сербском настоящее время и неопределенное наклонение имеют одинаковое ударение, там и преходящее (по Мажураничу и Даничичу) имеет такое же: *чујџах* (*чујџем — чујџи*), *виђах* (*виђам — виђјети*), *чѣпах* (*чѣпати — чѣпам*), *држах* (*држам — држати*), *слављах* (*славлѣти*), *дођах* (*дођјети*), *учах* (*учити*), *кајах* (*кајем — кајјати*).

В болгарском преходящее, по-видимому, согласуется по ударению с настоящим временем: *бодѣх — бодѣше — бодѣхме — бодѣхте — бодѣху* (*бодѣ*), *сѣчѣх* (*сѣчѣ*), *стрижѣх* (*стрижѣ*), *вѣртѣх* (*вѣртѣ*), *пиѣах* (*пиѣа*), *сѣдѣх — сѣдѣше* (*сѣдѣ*), *дрѣжѣх*, но *шијѣах* (*шијѣа*), *идѣх* (*идѣ*), *пишѣх* (*пишѣ*), *ходѣше* (*ходѣ*), *ронѣше* (*ронѣ*), *молѣше* (*молѣ*), *свѣрѣше* (*свѣрѣ*), *цѣвилѣше* (*цѣвилѣ*), *думаше*, *караше* (*дѣмам, карам*), *хваташе*, *стигаше*, *купѣвах — купѣваше*, *писѣвах*, *миѣаше* (*мы*), *ставѣше*, *стрѣлѣхж*, *грѣнаше*, *поѣаше* (*поѣа*), *зобѣаше* (*зобѣа*), *колихаше*, *зарѣчѣше*, *чуѣше сѣ*, *виѣше* (*виѣ*), *биѣше*, *тѣпчиѣше* (*тѣпчиѣ*), *цѣвтѣхж*, *вльчѣше*, *горѣхж*, *жѣньхж* (Бессонов, Болгарские песни, I, 118), *стоѣахж*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Не могут принадлежать ни к какому разряду [глаголы] с характером -а- в неопределенном наклонении, потому что они также лишены этого характера, как и *мѣти*. Ср. русское *моло-ть*, *боро-ть*.

Великорусское и малорусское *колѣо — колѣшь — колѣи*, *колѣочи*, *колѣл* (малорусское *колѣв*) — *колѣла* и пр., *колѣвши*, *колѣт* (малорусское *колѣтий*), *колѣть* (малорусское *колѣти*).

Разница между великорусским и малорусским, кроме отмеченного в скобках, только в произношении *ле*, *е*, *и*. Отклоняется от образца глагол *молоть*: в первой теме *мѣлю — мѣли — мѣлючи*; во второй — *молоти* и пр.

Ударение в неопределенном наклонении соответствует сербскому: *клѣти*, *мѣти*; в настоящем времени — за исключением 1-го лица: в сербском уже в 1-м лице *кѣлѣм*, *мѣлѣм*. Повелительное наклонение должно бы быть *кѣли*, *мѣли*, *плѣти*, но *плијѣвѣм*.

II

Глаголы на -ну- (Почему начинательный суффикс *sc* только в некоторых временах — Pott, Etymologische Forschungen, 627. Обратитъ внимание на переход *n* в *ñ* и на разницу. Miklosich, Vergleichende Grammatik, v. II, 433, где ошибочно...).

Некогда характер -н- принадлежал только первой теме (настоящее время, повелительное наклонение, причастие настоящего времени и imperfekt); вторая тема (аорист, причастие прошедшего времени, 1-е и 2-е неопределенное наклонение) вовсе лишена была характера.

Во всех славянских наречиях вторая тема постепенно уступала и уступает место первой. В сербском она сохраняется в большем числе случаев, чем в древних наречиях, не исключая и старославянского.

Именно [здесь] есть значительное число глаголов, ударжавших бесхарактерный корень в аористе или в причастиях настоящего времени, или в причастиях прошедшего времени страдательных, или неопределенном наклонении, или в двух-трех, или всех этих формах вместе: *пѣсти* (*пѣнути*) — *пѣднѣм*; *сѣсти* (и *сѣднути*) — *сѣдох* — *сѣо — сѣо — сѣднѣм*; *срѣсти* и *срѣтох*, *срѣо* = *срѣо — срѣла*, *срѣтнѣм* (и *срѣтѣм*); *крѣнути* (тронуть, поворотить) — *окрѣтох* (и *окрѣтнух*) — *крѣнѣм*; *грѣнути* — *грѣнѣм — грѣтох*; *кѣнути* — *кѣнѣм — кѣдох*; *ѣгрѣзнути* — *ѣгрѣзнѣм — ѣгрѣзох* (и *ѣгрѣзнух*); *привѣћи се* — *привѣкох се* — *привѣкао се*, *привѣкнѣм се* и *привѣкнути се* — *привѣкнути*. Литовское *puksti*, *pukti* — исчезать, погибать; *смрѣнути* — *смрѣзох*; *пѣбѣћи* (*бѣгнути*) — *бѣгох* — *бѣгао* — *бѣгнѣм*; *дѣћи* (двинуть) — *дѣгнути* — *дѣгох* — *дѣгао* — *дѣгнѣм*; *врѣћи* — *врѣгох* — *врѣгао* — *врѣнѣм*; *досѣћи* (*сѣгнути се*) — *сѣгох* — *сѣгао* — *сѣгла* — *сѣгнѣм се*, *лѣћи* — *лѣгох* — *лѣгао* — *лѣгла* — *лѣгнѣм* (и *лѣжѣм*); *стѣћи* — *стѣгох* — *стѣгао* — *стѣгнѣм*; *тргнути* — *тргнѣм* — *тргох* — *тргао*; *зѣмћи* (замкнуть) — *зѣмнѣм* — *зѣмкох* — *зѣмкао* или *сѣмћи* — *сѣмнѣм* (принять; отодвинуть); *обићи се* (привыкнуть) — *обикох се* — *обикао се* — *обикнѣм се*; *ѣмући* (и *ѣмукнути*) — *ѣмукох* — *ѣмукао* — *ѣмукнѣм*; *клѣћи* — *клѣкнути* — *клѣкла* — *клѣкао* — *клѣкнѣм*; *клѣћи* (клѣкнути) — *клѣкох* — *клѣкао* — *клѣкнѣм*; *улѣћи се* (*улѣкнути се*, уклониться) — *улѣкнѣ се*; *мѣћи* (*мѣкнути*) — *мѣкнѣм* — *мамакох*; *смрѣћи се* (*смрѣкнути се*) — *смрѣкло се* — *смрѣкнѣ се*; *нѣћи* (*нѣкнути*) — *нѣкох* — *нѣкао* — *нѣкнѣм* (*progetino*); *нѣћи* (*нѣкнути*) — *нѣкох* — *нѣкнѣм* (взводить ру-

жь); *црѣи* (црѣнути) — *црѣкох* — *црѣкао* — *црѣнѣм* (лопнуть, треснуть; пропасть); *прснуги* — *прскох* (*прскнух*) — *прскао* — *прсла* (*прсноу* — *прснола*) — *прснѣм* (лопнуть, треснуть); *тйснуги* — *тйскох* (*тйснух*) — *тйскоа* — *тйсла*; *свйснуги* — *свйскох* — *свйскоа* — *свйсла* (лопнуть, треснуть); *издахнуги* — *издахох* (и *издахнух*); *усахнуги* — *усахох* (*усахнух*) — *усахла* — *усахло* (*усахнуло*) — *усахнѣм*; *пдгснуги* — *пдгсбох*; *стѣти* — *стѣтох* — *стѣнѣм*; *дјѣсти* (*ддети*) — *дјѣнѣм* и *дјѣдѣм*.

Изредка попадаются и причастия страдательные от чистого корня: *поприджен*, *раскиден*, *стиснен* (Миклошич). Рядом с этим есть и спряжение, в котором -н- проходит через все формы, что отчасти видно из отмеченного в скобках. Старославянское здесь новее в том отношении, что хотя в нем глаголы этого класса с корнем на согласную иногда образуют от чистого корня оба аориста (*двигъ* — *двиговъ* — *двигомъ* и *двигохъ*), причастие прошедшего времени (*двиглѣ*), причастие прошедшего времени страдательное (*движенѣ*), но только весьма немногие лишены характера и в неопределенном наклонении: таковы, между прочим, *стѣти* — *стѣнѣж* и некоторые др. (Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. III, 131).

В польском многие глаголы из рассматриваемых не имеют характера в деепричастии прошедшего времени и в причастии на -лѣ или только в тех формах этого причастия, которые были бы прилагательными, если бы имели -нж- (*gwiznał, gwizła* — *ibid.*, 504). Сверх этого некоторые глаголы не имеют -нж- и в неопределенном наклонении: *ciec* — *cieknę* и менее употребительное *ciekę, lec* (от *ledz*) — *legł* — *legnę* (лягу), *biec* — *biegł* — *biegnę* (реже разноспрягаемые, как в русском *biegu* — *bieżysz*), *przać* — *zaprzagl* — *zaprzegnę, rzec* — *rzeknę* — *peky*; *lec* — *legł* — *legnę* (реже *lagł*), *grzać* — *ugrzagl* — *grzęznę*.

Все эти глаголы и в настоящем времени принадлежали некогда только к классу *пеку*. Сколько известно, единственные во всех славянских наречиях примеры обратного перехода представляют польские *giąć* и *sprozać*. Эти поздние образцы возникают в силу ошибочной аналогии с глаголами, как *жати*: если при *знę* неопределенное наклонение *заć*, то *спę* (гънж из гъбнж, *росзнę* (по-чи-нж), откуда и *почьнж) — *giąć, sprozać*. В чешском и словацком от глаголов с корнем на согласную и с характером -и- в неопределенном наклонении до настоящего времени употреби-

тельны бесхарактерные формы, как *trh, trhši, trhsě, trhl* (словацкое *tuhol*) — *trzem*, но они вытесняются формами с -ну-: *tuhnou* — *tuhnul* — *tuhnul*. В старинном языке встречается и несколько глаголов неопределенного наклонения без -ну-: *leci* (новое *lehnouti*), *dosici* (= *dosahnouti*) — *dosahnu*, *zapřici* (*zapřahnouti*) — *zapřahnu*, употребляющихся и теперь (Hattala, Srovnávací mluvnické, 282).

Блеснуть, пискнуть, тиснуть, плеснуть, плюснуть, полоснуть, сверкнуть, трескнут, дернуть, двинуть, брызнуть, тронуть, продрогнуть, дрягнуть, лягнуть, мерзнуть, прыгнуть, пугнуть, ругнуть, стегнуть.

Великорусское *зябну* (мерз) — *зябни* (зябнешь) — *зябнучи* — *зябши* — (о)зяб — (о)зябла — *зябнуть*; *двинувши* — *двинул* — *двинут*.

Не имеют характера -ну- в деепричастиях прошедшего времени и причастиях на -лѣ только глаголы предложные с корнем на согласную, не опускаемую перед -н-, и с ударением на корне: *погиб* — *погибши*, *озяб*, *окреп*, *прилип*, *осип*, *ослеп*, *охрип*, *поблек*, *обрюзг*, *отполз*, *привык*, *оглох*, *продрог*, *издох*, *опух*, *засох*, *достиг*, *иссяк*, *притих*, *потух*, *зачах*, *повис*, *увяз*, *погас*, *погряз*, *прокис*, *воскрес*, *замерз*, *исчез*. Без предлога: *киснул*, *мерзнул* и пр.

В этих глаголах и некоторых других формы на -нувши, -нул менее или вовсе неупотребительны.

Из глаголов, опускающих согласную перед -н-, очень немногие (у Павского только два) не имеют характера в упомянутых формах; (*за)вявши*, *завял* при *вяну* (корень *вад*); *застывши* — *застыл* — *стыну* (корень *стыд, студ*); *погиб* имеет при себе не *гннуть*, которое тоже употребительно, а *гйбнуть*.

Остальные с корнем на гласную или опускающие согласную имеют только -нувши, -нул: *грянул* (гром), *прянул* (пред), *глянул* (глед), *кинул* (кид), *тронул* (трог), *тръснул* (тръск), *канул* (кан), *свйснул* (свист). По этим образцам — два глагола с корнями на гласную: *дѣнул*, *рѣнул* (*сѣнул*, *кльнул*, в коих нет нужды предполагать опущение в), и все с ударением на -ну-, все равно, опускают ли они согласную перед -н- или нет: *гьнул* (гьб), *прильнул* (льн), *уснул* (снь), *утонул* (тон), *тянул* (славянский корень *тжг*, неорганически образованный из *тан*, санскритское *танноти* из *тан-ноти*, тянешь, растягиваешь), *вернул* (врьт), *окунул* (кун); *помянул* (мж, мьн), *толкнул* и т. п. *Усопший*, *утопший* — архаизмы, сохраненные книжным путем.

Неопределенное наклонение не имеет характера только в двух глаголах: *стать* — *ставиши* — *стал* — *стану*, *дети* — *девиши* — *дел* — *дену*.

Причастий прошедшего времени страдательных без характера (как *согбен*, *движен*) в живом языке не заметно, а есть образованные от них архаические и книжные формы: *движение*, *протяженный* — *протяжение*, *восторженный*, *достижение*; народная: *привычный*.

Заимствованы из церковнославянского книжные формы, предполагающие причастия на *-новень*: *дуновение*, *усекновение*.

Сокращают *-и* в *-ь* в повелительном наклонении по образцу *глянь* глаголы на гласную ударяемую (*стань*, *дунь*, *плюнь*) и на одну согласную, опускаемую перед *-н-*, если ударение на коренной гласной (*вянь*, но *свисни*, *тръсни*).

Из того, что опущение характера *-ну-* в известных формах возможно только в глаголах с ударением на корне, не следует, что все глаголы с ударением на характере *-н-* новее тех, которые имеют ударение на корне. Однако эти последние образуются только от чистых корней с основной или ослабленной гласной (*сбхнуть*, *глохнуть* — церковнославянское *сѣх*, *глѣх*), между тем, как между первыми есть и глаголы, в коих характер *-н-* присоединяется к другому классовому характеру: *рвануть*, *зъвнуть* (от *зѣваю*, в коем *а* опущено, а эвфоническое *в* осталось), *махнуть* (*х* — эвфоническое в *махаяю* = *(по)мавать*, *вихнуть*, малорусское *вихати*), *колебать*, *качать*, корень *ви-* — польское *wywiјаć* (шевелинуть, гульнуть).

Малорусское *мёрзну* — *мёрзни* — *мёрзнули* (*мерзиши*) — *мёрзнуци* — (*э*)*мёрзиши* — *мёрзла*, *глянувши* — *глянув* — *глянь*, *пригорнутый*.

«Він, як муха в зіму, слиз» (Котляревский, 32), «Из-за гори два соколи ленé» (Гродненская губ., Кобринский у., село Озяты — Сборн. Сев.-зап. кр., 16) = *летать*; Сокол говорит: «Ой лісу, лісу... Через тебе лену, крыльцем не тену, Крыльцем не тену (корень *тен-*), пирцем не рухну» (*ibid.*, 87). *Поглинуть* (глотать) (Черниговская губ.: здесь *ы* и *и* различны).

-И в повелительном наклонении сокращается при тех же условиях, как и в великорусском *уплінь*, *полінь* (из *полетний*, *поленій*) и «приленій» (Метлинский, 60), *захолнь*, *в'янь*, *стань*, *дінь* и т. п.

Неизменность характера *-ну-* в деепричастии прошедшего времени и в причастии на *ль-*: *згиб*, *прилип*, *осліп*, *охрип*, *привик*, *здох*, *смерклось*, *змок*, *замокв*, *запах*, *засох*, *затих*, *затух* — *затухне*, *в'яз*, *гас*, *пас*, *крес*, *мерз*, *щез*, *зав'яз*, (*за*)*холов* (холонув), *застиг* (корень *стид*), *протяг* и *протяг*, *одягнись* — *одягся* (одягну), *поблід* — *поблідла*, *став*, *плив* («Плив, плив, плив він, що аж обридло, І море так йому огидло, Що...» — Котляревский, 8).

Не имеют *-ну-* в неопределенном наклонении *тягті* — *тягнү*, *замёрзти* — *замёрзну*, *стігти* — *стігну* (*стид*), *одягті* — *одягнү*, *стати* — *стану*, *діти* — *діну*, *досягті* — *досягнү*, *здохти* — *здохну*, *зустріти* — *зустріну*.

УДАРЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

I. СКЛОНЕНИЕ I-е

§ 1. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. Малорусским и великорусским существительным односложным в именительном падеже, сохраняющим ударение на первом слоге в родительном падеже единственного числа, соответствуют сербские:

а) С ^ˆ в именительном падеже единственного числа сохраняющие то же ударение в родительном падеже: *сѣн* — *сѣна*, *дуб* — *дуба*.

б) С ^ˆ в именительном падеже и с ^{ˆˆ} на первом слоге в родительном падеже: *бок* — *бока*, *гној* — *гноја*.

в) С ^{ˆˆ} на том же слоге в именительном и родительном падеже: *брат* — *брата*.

Сюда следует отнести русские двухсложные полногласные существительные, коим соответствуют сербские односложные.

Эти двухсложные служат чуть ли не единственным доказательством, что в русском была некогда разница между ^ˆ и ^{ˆˆ}. Словам с ^ˆ соответствуют русские с ударением на первом слоге (*влас*, *глад*, *глас*, *жлѣб*, *клас*, *слад*, *хлад*, *враг* (ошибочно у Лавровского *враг*), *вран*, *врат*, *град*, *прах*, *срам*, *брег*, *брѣст*), а сербским с ^{ˆˆ} — русские с ударением на втором слоге (*влах*, *грах*, *мраз*, *прам*, *праг*).

2. Малорусским и великорусским двухсложным с одинаковым ударением в именительном и родительном падеже единственного числа соответствуют:

а) Сербские с ^ˆ на первом слоге и второю беглою гласною: *бубон* — *бубна*.

аа) Сербские с ^ˆ на первом слоге и второю постоянною гласною: *тѣбор*.

б) С ^{ˆˆ} на первом слоге и второю гласною беглою: *вјетар* — *вјѣтра*.

бб) с ^{ˆˆ} на первом слоге и второю гласною постоянною: *гдлуб*.

в) С ^{ˆˆ} на первом слоге в именительном падеже и ^ˆ на первом слоге в родительном падеже и второю беглою гласною: *стѣрац* — *стѣрца*.

г) С ^ˆ на первом слоге в именительном и родительном падеже: *јѣлен*.

д) С ^ˆ на первом слоге: *заклад*, *закон*, *залив*, *залог*.

В первых трех случаях русское ударение на первом слоге, во вторых — на втором.

3. Образцы многосложных с одинаковым ударением в именительном и родительном падеже: *татарин*, *господин*, *црногорац*, *владаца* — *владаоца*.

Русским с ударением в родительном падеже на конце соответствуют:

Односложные:

а) ^ˆ в именительном падеже, ^ˆ в родительном падеже: *двор* — *двора*.

аа) ^ˆ в именительном падеже, ^ˆ в родительном падеже: *вол* — *вола*.

б) ^{ˆˆ} в именительном падеже, ^ˆ в родительном падеже: *сноп* — *снопа*.

Двухсложные:

а) ^ˆ на первом слоге в именительном и родительном падеже: *огањ* — *огна*.

б) ^ˆ на первом слоге в именительном падеже и ^ˆ в родительном падеже: *овас* — *овса*.

в) ^ˆ на первом слоге в именительном падеже и на втором слоге в родительном падеже: *живот* — *живота*.

г) ^ˆ на первом слоге в именительном падеже и ^ˆ на втором в родительном падеже: *рукав* — *рукава*.

д) ^ˆ на первом слоге и в именительном и в родительном падеже: *пѣтак* — *пѣтка*.

В русском полногласные слова этого разряда (т. е. имеющие ^ˆ в сербском на первом слоге), по-видимому, отличаются от имеющих ^{ˆˆ} в сербском ^ˆ: ср. *гласак* — *класак*, *ладак* (холодок), *прѣтак*, *влатак* (волоток); *власац*, *бравцац*, *градац*, *вранац*, *вராцац*, *ждријѣбац* и с другой — *грашак* (от *грах*) — *горошек*. Такого различия не следовало бы

ожидать, потому что по правилу сербскому ` на первом слоге и сербскому ' на первом должно бы одинаково соответствовать русское ударение на втором.

Однако *грдшак* = *горбшек* не есть единственный случай удержания в русском производном слове ударения на том же слоге, на котором оно стояло, и изменения в сербском этого ударения (``) на менее тяжкое ('): ср. *брѣзица*, *кладница*, *кравица*, *мрѣжица*, *трѣшница*, *брѣзов*, *граов*, *крастов*, *трѣшнов*.

Многосложные:

а) На втором слоге в именительном падеже ` , а на третьем в родительном падеже ' (ср. выше г): *госпѡдар* — *госпѡдара*.

§ 2. ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Малорусское народное, сохранившее в единственном числе звательный падеж, сберегло и свойственное этому падежу ударение. В с а н с к р и т е звательный падеж всех трех чисел имеет ударение на первом слоге, переносит на него ударение, если в именительном и других падежах оно стояло на втором слоге или на следующих. Так, именительный падеж единственного числа *питѡ'*, *мѡтѡ'*, звательный *питар*, *мѡтар*; именительный падеж множественного числа *питѡрас*, *мѡтѡрас*, звательный *питарас*, *мѡтарас*.

Остатки подобного явления сохранились и в греческом; ср. звательный падеж *патер*, *мѣтер* с винительным *патѣрас*, *мѣтѣрас* (санскритское *питѡрам*, *мѡтѡрам*).

В с е р б с к о м для ударения в звательном падеже следующие правила:

а) Слова с ` или ` на первом слоге в родительном падеже в звательном этого ударения не меняют.

б) Имеющие в родительном падеже единственного числа ' или ` на первом слоге в звательном падеже изменяют ' на ` , ` на ``; *краль* — *кралья* — звательный падеж *кралью*, именительный падеж множественного числа *кральи* — звательный *кральи*; *јѣлен* — *јѣлени*, звательный падеж *јѣлене* (так по Мажураничу, у Даничица *јѣлене*); множественное число и именительный падеж и звательный *јѣлени*; *пѡп* — *пѡпа* — *пѡпе*, именительный падеж множественного числа *пѡпи* (звательный не знаю); *ѡтац* — *ѡца* —

ѡче, множественное число именительный падеж *ѡци* (звательный не знаю); *ѡрло* — *ѡрла* (звательный падеж должен быть *ѡрле*).

в) Имеющие в родительном падеже единственного числа ' на втором слоге получают в звательном падеже единственного и множественного числа более тяжкое ударение (``) на первом: *ѡрѡч* — *ѡрѡча*, звательный падеж *ѡрѡчу*, именительный падеж множественного числа *ѡрѡчи*, звательный падеж *ѡрѡчи*.

г) Имеющие в родительном падеже единственного числа ' на третьем слоге в звательном падеже получают менее тяжкое (') на первом: *пѡгаѣѡч* — *пѡгаѣѡча*, звательный падеж *пѡгаѣѡчу*. Не можем решить, есть ли штокавское ударение звательного падежа в) и г) исконное, или же оно позднейший результат свойственного этому наречию стремления передвигать ударение к началу слова. По-чаковскому должно быть вместо штокавского *ѡрѡч* — *ѡрѡча*, *госпѡдѡр* — *госпѡдѡра*, как по-русски *ѡрѡч* — *ѡрѡчѡ*, *госпѡдѡр* — *госпѡдѡрѡ*.

Будет ли и при таком ударении родительного в звательном падеже ударение стоять на первом слоге?

В малорусском все имеющие в родительном падеже единственного числа ударение на последнем слоге в звательном переносят это ударение на п р е д п о с л е д н и й. Дальше ударение не заходит: *кѡролю*, *пѡпе*, *ѡтче*, *ѡрле*, *сѡкѡле* (и *сѡколе* — от *сѡклѡ*), *сѡлѡв ю*, *бѡгѡтирю*, *бѡгѡчу*, *кѡзѡче*, *мѡлѡдче*, *шинкарю*, *кѡвѡлю*, *Сѡрку*, *чѡреднѡче*. Исключения: *сѡночку*, *пѡночку* (если от *сѡнѡчок*, *пѡнѡчок*).

При других условиях ударение в звательном падеже на том же месте и, по-видимому, то же, что в именительном падеже. Во множественном числе разница между именительным и звательным падежами потеряна.

§ 3. ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

а) Разница с великорусским в таких случаях, как *на двѡри*.

б) В малорусском предложный падеж на -у отличается ударением от подобно-звучного дательного или родительного: 1) во всех односложных в именительном падеже единственного числа; 2) в двухсложных с ударением в именительном падеже на первом слоге. В двухсложных с ударением на втором (*горѡд*). [В] имеющих ударение на втором, а

равно (и в тех, которые имеют ударение на первом) — в словах с суффиксами *-ко*, *-ик*, *-ок* ударение не изменяется: *у Дунаю, у замку, у батьку*.

Трехсложные с неизменным ударением в предложном падеже в других падежах не изменяют ударения, и в этом великорусский язык отличается в этих случаях от малорусского не ударением самим по себе, а тем, что имеет окончание *-у* с ударением там, где малорусский имеет *-і* без ударения (малорусское *увечері*, великорусское *ввечеру*, малорусское *у городі*, великорусское областное *в городу*) и *-ѣ* неударяемое там, где в малорусском *-у* неударяемое: малорусское *у віночку*, великорусское *в венчикъ*.

Перенесению ударения на *-у* в предложном падеже в сербском соответствует частью ослабление ударения $\sim$ на $\acute{}$, $\grave{}$ на $\grave{}$ (в односложных в именительном падеже единственного числа и в двухсложных со второю беглою), частью его ослабление и перенесение на следующий слог (в двухсложных без беглой гласной).

Явления этого не заметно:

а) В односложных с неизменным более тяжким ударением в именительном и родительном падеже: *брат — брата — брату*.

б) В тех, которые уже в родительном падеже единственного числа имеют $\acute{}$, а не $\grave{}$: *нож — ножа, рѣб — рѣба; јѣлен — јѣлена, орач — орача*; предложный падеж *јѣлену, орачу*.

Зато в односложных:

а) Во многих, имеющих в именительном и родительном падеже $\sim$: *стадо — стада*, предложный падеж *стаду*; *гнѣј — гнѣја*, предложный падеж *гнѣју*.

б) Во многих, изменяющих в родительном падеже $\sim$ на $\grave{}$, а в звательном падеже на $\grave{}$: *дом — дома*, предложный падеж *дѣму*.

В двухсложных:

в) В некоторых с $\sim$ в именительном и родительном падеже, но со второю беглою гласною: *восак — воска*, предложный падеж *воску*.

г) В некоторых с $\sim$ в именительном и родительном падеже и без беглой гласной: *говор — гѣвора*, предложный падеж *говору*; *разум*, предложный падеж *разуму, случај — случају*.

О многосложных ничего не скажем.

Ясно, стало быть, что русское перенесение ударения на *-у* в предложном падеже имеет доисторические основания.

§ 4. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

В малорусском ударение переносится на последний слог, т. е. на окончание *-и*.

а) Во всех, имеющих ударение на конце в родительном падеже единственного числа (*очеретѣ, бур'яні, козакі* — великорусское и литературное *казаки*). Исключений мало: общерусские *кінь — коня* — именительный падеж множественного числа *коні* — родительный *коней* — *конями* — *кіньми* — *кѣням*; исключительно малорусское *грѣш — грѣша* — *грѣшу, по грѣшу, грѣші* — *грѣшей* — *грѣшам — грѣшми* — *у грѣших, грѣшах*. *Штані*, но *у штанях*; *час — часа* и *часу*, но *часи* (= времена: «у останні часи», «за давніх часів» — К в. - О с н., I, 85); *пісок — піску* — *піски — пісків* — *піскѣм* и пр.; *васільки* (растение) не есть неправильность: именительный падеж единственного числа *васільок — василька — васильчок*; *молодѣць — молодця — молодці*, но «добрі молодці», «хлѣпці молодці»; *гребѣць — гребця — гребці* и *гребці*; *рукавѣць — рукавця*: «Я вишию, вималюю милому рукавці» (рифма: «пьяльці» — М е т л и н с к и й, 20). Ср. «Ой вишию... рукавця» (рифма: «пьяльця» — *ibid.*, 21).

«Аж човні на морі тряслись» (К о т л я р е в с к и й, 28); «Вертілись човни, мов дурні» (*ibid.*); «швидко поробивши човни» (*ibid.*, 1); «човні Троянські» (*ibid.*, 45); *ibid.*, 46: «човни» (одним словом — по требованию размера), «човнів» (*ibid.*, 47).

б) Во всех остальных с ударением на первом слоге в родительном падеже. Исключения — частью только малорусские, частью — общие, частью только великорусские.

Исключительно малорусские: *боки* — «в боки» (Гребенка, 13); «з трех бѣків» (Кулиш, I, 279); *гѣдів п'ятнадцять*; *дзвѣни, жарті* — «жартів» (Метлинский, 49; К в. - О с н., I, 56); *кумі и у куми, кумами* (мужской род); *років зо два*; «п'ять плугів» (Гребенка, 27); «зелені луги» (Кулиш, II, 99); «скарби» (*ibid.*, I, 225); «підняли снопі» (К в. - О с н., I, 133); «роги» (Кулиш, I, 306) (виставив роги); «пані» (*ibid.*, I, 136 — обыкновенно *пані*); *уси — усам — в усах*.

Общие малорусские с великорусскими: *на віки — віків, раки — раків, зуби — зубів, звірі — звірів* (Кулиш, II, 31, но *ibid.*, 32 «звірі»); *гѣсті — гѣстѣй*.

Исключительно великорусские *боги* (малорусское *бога*), *други*, *свѣты*, *чѣрти* (малорусское правильно и по окончании: *чортї*), *волки*, *вѣды*, *годы*, *роды*, *трупы* (может быть, так и в малорусском), *дѣми*, *грѣмы*, *дѣлы* и др.

в) Во всех двухсложных с постоянным ударением на первом слоге: *городї*, *батько* — *батькї*, *кремени* (*крѣмнѣ* — *крѣмня*).

Исключаются в малорусском: аа) Многие на -ик: *віники*, *вѣлики*, *грѣшики*, *дѣцики*, *кѣники*, *бублики*, *мѣцики*, *цѣцики*, *дзвѣники*, *столїки*, *кѣшики*, *пряники*. Так и в великорусском. Однако в малорусском *праник* — *праникї*, *мисник* — *мисникї*, *визник* — *визникї*.

бб) Многие на -ець: *брѣтець*, *хлѣпець* — *хлѣпци*, *прѣнци*, *ланець* — *ланци*, *пѣлець*. Так и в великорусском, но в малорусском «старци» (К в. - О с н., I, 78) и *старци*.

вв) Некоторые на -ок с постоянным ударением на первом: *зѣмки*, *тѣрки*. Так и в великорусском. *Прѣмїнь* — «прѣмїни» (К в. - О с н., I, 30), *поводи*, *соболь* — звательный падеж *соболю*; «соболи» (М е т л и н с к и й, 322, Шклов.).

Правило под в) для великорусского совсем не годится, потому что в нем перенос ударения на окончание именительного падежа множественного числа -и (а не собирательное -а, -ья) есть исключение: *голуби*, а не как по-малорусски *голубї*.

Не переносится ударение на окончание именительного падежа множественного числа в малорусском:

а) Во всех двухсложных с постоянным ударением на втором слоге. Ср. *город* — *городї*, но *город* — *городи*; *ячмѣнь* — *ячмѣню* — *ячменї*.

б) Во всех трех- и четырехсложных с постоянным ударением: *суходбли*, *огірѣчки*, *барвіночки*.

Таким образом, если не брать во внимание исключений, везде, где в малорусском не переносится ударение на окончание именительного падежа множественного числа, там не переносится оно и в великорусском, но не наоборот. Великорусский ставит ударение на -а в окончании собирательных, исключая имена на -ин, -анин, -арин; иногда -ья (*зятья*, *кумовья*). Где в малорусском есть эти окончания, там и они принимают на себя ударение.

Другие падежи множественного числа вообще сохраняют ударение именительного падежа множественного числа. Для родительного падежа множественного числа исключение: великорусское *волка*, но *волков*.

В сербском не видно оснований русским переходам ударений в именительном падеже множественного числа и вообще во множественном числе. Сербохорватское изменение ударения в родительном падеже множественного числа во всех тех случаях, где усиливается ударение единственного числа (*дѣтац* — *дѣца*, родительный падеж множественного числа *дѣтаца*), не подходит к русскому (*отца* — *отцов*), не говоря уже о различии окончаний.

II. СКЛОНЕНИЕ 2-е

1. Русским двухсложным с неизменным ударением на первом слоге во всем единственном числе соответствуют сербские:

а) с $\wedge$ на первом слоге: *мѣсо*.

б) с $\wedge\wedge$ на первом слоге: *поле*.

К этому разряду принадлежат: сербские трехсложные с *ије*, происшедшим из разложения ѣ (*сїјено* = *сѣно* = *сѣно*) и русские трехсложные полногласные (с *оро*, *оло*, *ере*, происшедшим из разложения *ра*, *ла*, *рѣ*) с ударением на первом или втором слоге: сербские *блѣго*, *злѣто*, *дрѣво*, *црїјево* (у Караджича *црїјево* = *црѣво*), *блато*. Русскому переходу ударения на втором слоге во множественном числе соответствует сербское изменение $\wedge$ в $\wedge$ и $\wedge\wedge$ в $\wedge\wedge$: *сїјено* = *сѣно* = *сѣно* = *сїно*, но множественное число *сїјена* = *сѣна* = *сїна*; *поле* = *поле*, множественное число *поля* (родительный падеж *поља*, дательный-творительный-предложный *пољима*) = *поля* и т. д.

Не можем сказать, составляет ли этот переход правило в сербском, так как в Словаре Караджича переходы ударения в этих именах не отмечены. Верно только, что есть имена, не изменяющие ударения: *брѣо* — множественное число *брѣа* — родительный падеж *брѣа*.

Так и в малорусском рядом с *житѣ*, *жнивѣ*, *дивѣ*, *хутра*, *просѣ* встречаем *пѣта* («На коники пѣта» — песня), *лика*, *свята*. *Болѣто* (блато) должно бы иметь *болѣта*, но в песне — *болѣта* рифмуется с *ворѣта*; *дѣрево* (дѣрево) должно бы иметь *дѣревѣ*, но употребительнее и в малорусском собирательная форма *дѣрѣв'я*. Великорусское *дрѣва* оправдывается сербским *дрѣва* — родительный падеж *дрѣва*, а малорусское *дрѣва* — народное. *Око*, *ухо* имеют согласно с сербским *очи*, *уши* (сербское *око*, *ухо*, множественное число

уши, родительный падеж *уши* (= *ушей*) — *ушију*; *очи* — *очију*). *Перевесла*, *бельма*.

2. а) Русским трехсложным с ударением на первом слоге соответствуют сербские с ` на первом слоге: *језеро*, *правило*, *кдыво* (кутья на похоронах). Изменяет ли в сербском слово *језеро* свое ударение во множественном числе — не знаю. Великорусское и малорусское *озера*, малорусское *колесо*, великорусское *колесо*; множественное число, вероятно, и в малорусском — *колеса*: в сербском нет соответствующей формы. Великорусское *ворота* соответствует сербскому *врата*, а малорусскому *ворота* — нет.

б) Русским трехсложным с ударением на втором слоге = сербские трехсложные с ` на первом: *колени*, *копито*, *дружце*, *дружье*, *корито*. Сербский родительный падеж множественного числа *колена*, *корита* не находит соответствия в русском: *корыт*, *колён* (*корыт* — *колён*).

в) Русским трехсложным с ударением на третьем слоге: *помело*.

3. Русским двухсложным с ударением на втором слоге соответствуют сербские:

а) с ' на первом слоге: *вино*.

б) с ` на первом слоге: *село*.

Сюда относятся сербские трехсложные с *ије* из *ѣ* (*ждријело* = малорусскому *жерело*) и русские трехсложные полногласные: *длѣто* = *длѣто*; великорусские *долото*, *плотно*, *млѣко*, *сѣбро*.

Русскому переходу ударения во множественном числе на первом слоге соответствует сербское усиление ' в $\hat{\text{}}$ (*говно* — множественное число *говна*) и ` в '' : *бедро* — множественное число *бѣдра* — родительный падеж *бѣдара*. В сербском этот переход, по-видимому, довольно распространен.

Малорусскому множественному числу *черѣсла*, *полотна* должно бы соответствовать в сербском изменение ` в '' , но так ли это? Малорусское *жерела*? Русское *плечѣ*, великорусское *плечо* — множественное число *плѣчи*, сербское *плѣће* — *плѣћи*.

В звательном падеже единственного числа ни сербские, ни русские ударения не усиливают и не изменяют, потому что звательного падежа в средних именах нет и не было.

III. СКЛОНЕНИЕ 3-е

§ 1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С НЕИЗМЕННЫМ УДАРЕНИЕМ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

1. Двухсложным русским с неизменным в единственном числе ударением на первом слоге соответствуют сербские:

а) сербские с $\hat{\text{}}$ на первом слоге: *правда*,

б) сербские с ` на первом слоге: *рыба*.

Сюда же русские трехсложные полногласные с ударением на втором = сербским: *влага*, *клада*, *слама*, *врана*, *драга* (= *долина*, но первоначально одно с нашим *дорога*), *крава*, *краса*, *плѣва* (= *полова*), *брѣза*, *мрѣжа*; *сторожа* = сербскому *стража*; *черешня*.

В сербском единственное в именах а) и б) изменение ударения имеет место в родительном падеже множественного числа: *дѣна* — родительный падеж множественного числа *дѣна*, *вѣшня* — родительный падеж множественного числа *вѣшня*, *плѣтва* — *плѣтѣвѣ*. По двум последним образцам изменяются имена, имеющие перед конечным -а стечение согласных.

В малорусском переносят ударение на второй и третий слог во множественном числе:

а) Весьма немногие с одной согласной перед -а: *баба* — *баби* — *баб* — *бабам* — *бабами* — *бабах*; *свѣта* — «у свѣтах» (К в. - О с н., I, 114).

б) Многие с двумя и тремя согласными перед окончанием именительного падежа единственного числа: *скѣрта* — *скѣрти*, *плѣхта* — *плѣхти* — *плѣхот* — *плѣхам* — *плѣхами* — *плѣхах* (но *крѣхта*, множественное число *крѣхти* — «крѣхот» (К в. - О с н., I, 71); *цѣркава* — *цѣрквей* — *цѣрков*; *крѣква* — *крѣкви*; *мѣркава*; *шабля* — *шабли* — *шабель* — *шаблям* — *шаблях*; *пѣсни* — *пѣсень* и пр.; *вѣдьми* — *вѣдьом*, но «вѣдем» (К у л и ш, II, 42); *балки*, *баньки*, *брѣвки*, *дошки*, «до шапок квітки» (К в. - О с н., I, 9); *ворожки*, *дорожки*, *скриньки* (см. ниже трехсложные с ударением на предпоследнем); *качки*, *люльки*, *голки*, *жертки*, *низки*, *миски*, *ложки*, *дѣжки*, *гречки*, *стрички*, *хустки*, *шпильки*, *жѣнки*, *трѣски*, *скалки*, *вѣжки*, *сватки*, *пѣски* — *пѣсками*, *мамки*, *няньки*.

Однако: «хмѣрки» (К в. - О с н., II, 8); «ниток» (ibid., I, 34); *дѣмки*, *дѣжки* (от *дѣжка*; от *дѣжко* — *дѣжки*), *лѣски*, *рѣски*; как будет от *пѣтря*, *пѣтря*, *сѣрга*, *чѣрга*.

гребля, капля, крбля, сопля, правда, дѳвбня, вишня, (вишень); служба, прѳзьба, грѳзьба, вѳвна? Лайка, бййка, сварка, спорка, «суча дочка» (Котляревский, I), ткѳнка («ткѳнку» — Метлинский, 266). Сѳкня — сѳконь.

Это изменение исключительно малорусское и не находит оправдания ни в великорусском, ни в сербском.

2. Трехсложные с постоянным ударением на первом слоге соответствуют сербским:

а) с $\circ$ на первом слоге: црквица;

б) с `` на первом слоге: ягода, кнйжица (п. в. — ягид).

Сюда относятся малорусские, не находящие соответствия в сербском.

Немногие трехсложные на -ина: дѳвчина (и дѳвчина), рѳбчина, царина, Брянщина («Брянщини» — Кулиш, I, 56), пѳнщина.

Часть имен на -иця: тѳрница, брлиця (сербское грлиця), вѳнница (Беринда, стр. 14), гѳрница («Гѳрницах» — Кулиш, I, 15), п'яница, пѳлиця, бѳквица (rigum), кѳтиця, стрѳлиця («стрѳлицю»: жидкий, узкий? лесок — Кулиш, I, 105), ѳлиця, рѳтиця (копыто вола).

Часть имен на -ка с предыдущей согласной несмягченно: в'язанка, схѳванка, крашанка, пѳсанка, складанка, сѳкавка (Беринда, стр. 151), сѳжавка, ящурка (Беринда, стр. 274: ящорка), цѳрковка, крѳковка, мѳрковка, табелька, бурулькѳ, «мотузкѳ» (Кв. - Осн., I, 8); мѳтѳрка (sannabis), мотузкѳми (ibid., 179), вѳгадка, знахурка, лѳстѳвка, лѳхѳвка — род узора; все трехсложные на -очка, -ечка от перечисленных выше на -ка и вообще все трехсложные на -очка, -ечка, образованные из двухсложных от первообразных на -а, какое бы ни было ударение этих последних: зорѳ — зѳрочка, бѳжолѳ — бѳжѳлочка и т. д.

Все трехсложные на -онька, -енька, -ѳнька: брѳвонька, гѳронька, кѳзонька, зѳронька, рѳченька, нѳженька, мѳтинька, ѳтинька, п'ятѳнька.

Все эти на -ка, -очка, -ечка, -онька, -енька, -ѳнька отличаются от соответствующих великорусских тем, что в именительном падеже множественного числа принимают ударение на и и оставляют это ударение на том же месте в остальных падежах: хустѳчкѳ, нѳжечкѳ, слѳзонькѳми (однако: «Играшки» — Кв. - Осн., I, 7).

3. Четырех- и пятисложные с посто-

янным ударением на третьем слоге от конца. В малорусском:

а) Часть имен на -иця: шѳбениця, потѳлиця, метѳлиця, помѳйниця, ожелѳдиця, голѳлѳдиця, околѳтиця («околѳтици»: околиця — Кулиш, II, 42).

б) Часть имен на -ина, особенно предполагающих прилагательные на -ський, -цький: розвѳдина, одвѳдина, ср. сербское дѳмовина, «хуртовина» (Гребенка, 21), колѳвщина, кумѳвщина («кумѳвщини» — Кулиш, I, 56), Москѳвщина, хмельнѳщина, козаччина, Нѳмѳччина, Турѳччина, вишѳванка.

в) Все четырех- и пятисложные на -очка, -ечка, -онька-енька, -ѳнька от трехсложных с ударением на предпоследнем: голѳбочка, недѳлечка, грѳмадонька, порѳдонька, черѳшенька, голѳбонька, субѳтонька, недѳленька, матѳсенька, жалѳбнѳиченька, дѳтинѳчка.

Однако: деревѳнька, конопѳлька, головѳнька, земѳлька, потѳбѳенька, витрѳбѳеньки («Кислицѳ, ягоды, коржѳ і всякѳ разнѳ витрѳбѳеньки» — Котляревский, 39) сюда не идут, потому что образованы от имен с ударением на конце. Точно так же и все от имен с ударением на третьем слоге от конца. Эти последние сохраняют ударение своих первообразных: мѳтинѳчка, вишѳванѳчка. Все указанные под б) редко встречаются во множественном числе и, по видимому, отличаются от соответствующих трехсложных тем, что не переносят ударения на последний слог в именительном падеже во множественном числе: «з галушечка-мѳй» (Кв. - Осн., I, 50), черѳшеньки.

4. Русским трехсложным с ударением на втором слоге = сербские:

а) с ' на первом слоге: варница,

б) с ' на первом и $\circ$ на втором слоге, т. е. вторым долгим: Јѳдрѳнка,

в) с ' на первом слоге и вторым коротким: маслина,

г) с ' на первом и вторым долгим: маслѳнка,

д) с `` [на первом] и вторым долгим: куѳарка, цѳганка.

В русском следовало бы ожидать ударения на первом слоге. Сербские изменения ударения в родительном падеже множественного числа (маслѳнѳ) не находят соответствия в русском.

В малорусском сюда относятся:

а) трехсложные с одной согласной перед -а: легѳня, собака, кѳмнѳта (великорусское комната), зозѳля, недѳга

(«од недуги» — К в. - О с н., I, 24), *надія, олія, громада, порада, господа* («просимо до господи» — *ibid.*, I, 52), *тараня*,

б) на -уа: *брехуа, свекруа, макуа,*

в) -уся: *матуся, титуся, Маруся, Настуся, Ганнуся,*

г) -аха: *бідаха*, четырехсложное: *бідолаха,*

д) -ака: *ужака, маняка* (приведение), «друзьяка» (К в. - О с н., I, 3), «коляка» (*ibid.*, 15); четырехсложные: *розбишака, харцизяка,*

е) -ука, -уга — трех- и четырехсложные: *зміюка, гадюка, звірюка, падлюка, волоцюга, злодюга, «ланцюга»* (ругательное — М е т л и н с к и й, 263); *п'янюга, татарюга, козарюга, но дідуга,*

ж) часть имен на -иха: *Морозіха, Гриціха, Харчіха, Коновчіха* (от предполагаемого *Коновко?* потому что от *коновка* было бы *Коновчиха*, а от *Коновченко* — *Коновченчиха*); -ота: *жінота, свинота, нудота, скорбота, тісна, робота*, «игралки та пустота» (К в. - О с н., I, 7); «не рад своїй лихоті» (К о т л я р е в с к и й, 39). Ср. *Покрова* («С Покрови» — К в. - О с н., I, 66), *дітвори*. Сербское *работа*.

з) на -иця, за исключением имеющих ударение на третьем слоге от конца, трех- и четырехсложные: *удовиця* (откуда *Удовиченко*), *гримниця, гребовиця, діиниця*, «плахт дрібниця», *дурниця, жарівниця, зовиця, каплиця, копиця, косовиця, криниця, ладівниця, ледащиця, мясниці* (мясоед), *пивниця, різниця, сиріця, скрипиця, спідниця, світлиця, стадниця* («ку стадницю» — М е т л и н с к и й, 74), *сестриця, теліця, драмиця, паляниця, пашниця;*

и) большая часть имен на -ина. Суффикс этот здесь именно сохраняет преимущественное значение выделения из рода одного из многих: *годи́на, дити́на, дуби́на* (значение собирательное), *дівчи́на, доли́на, базари́нка* (. . .), *билі́на, волоси́на, щовечери́нки* (М е т л и н с к и й, 109), *домови́на, драби́на, дружи́на* (= друг: «чоловіче мій, дружи́но моя» — песня), *жупани́на, зерни́на, кали́на, кедрі́на* (как материал), *клені́на, ключи́на* (тоже), *круши́на* (зіллячко), *ліси́на* (хворостина), *лучи́на, люди́на* (один человек или женщина), *мали́на, ожи́на* (растение), *опанчи́на, оружи́на, пери́на, пили́на, пояси́на, роди́на* (один из родни и родня: «сестро мила, родина сердечна», «вся родина»); великорусское *роди́на* — место рождения), *риби́на, роди́ни, ряби́на, рядни́на, свити́на, сироти́на, тичи́на, травина,*

Україна (великорусское *Украина*), *хворости́на, хлопчи́на, хмели́на, хрести́ни, часи́на, челяди́на* (одно из челяди), *чисти́на* (між травами?), *чужи́на* (чужой человек, чужие люди; *чужина* — чужая сторона), *чумачи́на, яблуні́на, яли́на, трети́на, дев'яти́на, полусорочи́ни, сорочи́ни* («справляти» — К в. - О с н.) «заставщи́ни» (залог — К у л и ш, I, 206);

-иня — *княги́ня,*

-изна — *дідізна* («дідізни» — К у л и ш, I, 65),

-ка — с предыдущей согласной (плахта): *калїтка* з грішми, *чернітка, синятка*, «коси плести у дрібушки», *виділка, «світїлка»* (К в. - О с н., I, 50), *серпанка* («серпанкою» — М е т л и н с к и й, 304, Остер.); *болячки, веровки* (уже Беринда, стр. 15, 17), *жидівки, оболонки, скорки, пловки* (*ibid.*, 65), *мурашки, комашки, подушки, скиндячки, могилки*; но «Шовкові вервечки» (М е т л и н с к и й, 4 — *вервь*).

§ 2. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ИЗМЕНЧИВЫМ УДАРЕНИЕМ

В великорусском и малорусском только имена с ударением на последнем слоге в именительном падеже единственного числа могут перемещать это ударение; в других падежах они распадаются на два разряда.

К первому — такие, которые отодвигают ударение на предпоследний слог; в малорусском в звательном падеже единственного числа и именительном падеже множественного, а в великорусском — только в именительном падеже множественного числа.

Ко второму — такие, которые сверх этого отодвигают ударение и в винительном падеже единственного числа.

По именительному падежу единственного числа ни в русском, ни в сербском нельзя отличить одного разряда от другого.

В сербском к первому разряду принадлежат: Двухсложные:

а) *Сви́на* — *сви́ну* — *сви́но* — *сви́не*.

б) *зми́ја* — *зми́ју* — *зми́јо* — *зми́је*.

Трехсложные, изменяющие ударение только в звательном падеже единственного числа, но не в винительном, не изменяют и в именительном падеже множественного числа: *красо́та* — *красо́ту, красо́то, красо́те*.

IV. СКЛОНЕНИЕ 4-е

И в великорусском, и в малорусском ударение родительного падежа единственного числа во всех именах этого склонения такое же, как в именительном падеже единственного числа. В сербском этому соответствует или неизменное ударение, или изменение $\hat{}$ на $\grave{}$. Русским односложным соответствуют такие же сербские.

а) В именительном падеже единственного числа $\hat{}$, в родительном падеже $\grave{}$, в предложном падеже $\grave{}$: *бръ, ваи* — родительный падеж *ваши* (великорусское *воишь* — *виши*; малорусское *воиш* — *воиши*), *кръ* — *крви* — предложный падеж *крви*, *кѡст* — *кѡсти* — предложный падеж *кѡсти*, *нѡћ* — *нѡћи* — предложный падеж *нѡћи*, *пѣћ* — *пѣћи* — предложный падеж *пѣћи*, *рѣјеч* — предложный падеж *рѣјечи*, *сѡ* — *сѡли* — предложный падеж *сѡли*, *чѡст* (честь) — *чѡсти* — предложный падеж *чѡсти*. По Мажураичу, $\hat{}$ в именительном падеже единственного числа в предложном падеже изменяется только в $\grave{}$, т. е. сохраняется долгота слога: *бръви*, *ћѣди*, *лажи*. По отношению к русскому языку это все равно.

б) В именительном и родительном падеже единственного числа $\grave{}$, в предложном падеже $\grave{}$: *длан* (мужской род), *мјед*, *нйт*, *рат*, *сарт*.

Изменение ударения в предложном падеже единственного числа оставило следы в великорусском и малорусском. Малорусское: *у ноці*, *у печі*, *вись?* Великорусское *в груди*, *кости*, *часті*, *меді*, *на релі*. Малорусское *ярѣ* имеет в именительном падеже множественного числа *ярѣ* («колись были ярѣ та пшениці» — песня), чему не находим соответствия в сербском.

В сербском в родительном падеже множественного числа на коренном слоге ударение острое ($\acute{}$), если этот слог долгий (*раж* — *ражи* (*ражи*), Караджич: *рж* — *ржи*), и менее тяжкое ($\grave{}$), если он короткий: *ваи* — *ваши*, родительный падеж множественного числа *ваши* и *вашију*, *кѡст* — *кѡсти*, родительный падеж множественного числа *кѡстѣ* — *кѡстију*, *нѡћ* — *нѡћи*, родительный падеж *нѡћи*, *рѣјеч*, родительный падеж множественного числа *рѣјечи* (речи). В великорусском и малорусском этому соответствует ударение на -ей: *грудѣй*, *остѣй*, *костѣй*, *мишѣй*, *курѣй* (малорусское), *гусѣй*, *печѣй*, *ночѣй*, *синѣй*, *дверѣй*.

При этом великорусский сохраняет ударение на втором слоге, во всех остальных на последнем, кроме имени-

тельного падежа, а малорусский, по-видимому, нет, по крайней мере — не везде: «остями» (Кулиш, I, 309); *у грудях*, *снях*, *синьми*, но — как в великорусском — *дверми*.

Русским двухсложным с ударением в именительном падеже единственного числа на первом слоге соответствуют сербские с ударением $\grave{}$ на первом: *болест*, *голијен*, *жалост*, *јесен*, *кѡкош*, *мѣлост*, *пѡмоћ*, *радост*, *свѣтлост*, *стѡрост*, *област*, *чѣлад*.

Ср. малорусское *густнь*, *добич*, *завіть* («чоботи з золоту завіттю на закаблуках чи задках» — строчка), *пѡвѣдѣ* (половодие), *пѡстать* («жита пѡстать заняти»), *продаж*, *лѣдарь*, *погань*, *купиль* (Беринда, стр. 290), *щѣристь*, *добрість* и все на -щѣ в именительном падеже множественного числа (хвѡстоці); *макотерть*, *ожеледь* («Била ожеледь» — Гребенка, 31). В малорусском неправильно *рѡскѣш*, родительный падеж *рѡскошѣ*, родительный падеж множественного числа «рѡскошѣв» (Кулиш, I, 240), *рѡскошей*, *у рѡскошах*. «Не труни на чужой пролубѣ» (Даль, 675).

Сербские без различия долготы или краткости второго слога в именительном падеже единственного числа, в предложном падеже единственного числа имеют на нем $\grave{}$ (менее тяжкое): *болѣсти*, *жалѡсти*, *милѡсти*, *помѡћи*, *радѡсти*. Однако: *голијѣни*. По Мажураичу, согласно с этим последним примером, в предложном падеже на втором слоге стоит $\acute{}$, если он долгий, и $\grave{}$, если короткий: *у области*, *но заповијѣди*, *у немѡћи*, *памѣти*. В русском почти нет ничего соответствующего. Единственно известное нам исключение — малорусское в *осени*.

Сербские в родительном падеже изменяют ударение, как в предложном падеже единственного числа: *кокодши*, *голијѣни*, *области*, *болѣсти*. В русском этого нет.

Русским с ударением на втором слоге (малорусские «метѣль» — Метлинский, 185; *крѡватъ* и *крѡватѣ*, *пѡстѣль*, *верстѣть*, *печѣть*) должны соответствовать сербские с $\acute{}$ на первом слоге, судя по *пѣчат* (мужской род), *пѡстѣля*. В русском они во всех падежах единственного и множественного числа сохраняют ударение. Исключаются малорусские *корѡгов*, *цѣрков* — во множественном числе *корѡгѡвѣ*, *цѣркѡвѣ*.

В Домострое: «посѣвъ всякіе сѣмена» (78); «а сѣмена бы всякіе у себя водить» (79).

УДАРЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 1. ОДНОСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Образец 1-й: а) Великорусские *бѣл* — *бѣла* — *бѣло*; *бѣлый* — *бѣлая* — *бѣлое*.

б) *Дорог* (основная форма — односложная) — *дорога* — *дорого*, *дорогой* — *дорогая* — *дорого*.

Соответствующие сербские прилагательные в мужском роде принадлежат к одному разряду с теми односложными существительными, которые в родительном падеже единственного числа не изменяют ударения именительного падежа: *жѹт* — родительный падеж *жѹта* — дательный *жѹту*. Именительный падеж множественного числа *жѹти* и т. д. Склоняются, как *глас* — *гласа* и т. д. Так в хорватском, по Мажураничу (*Slovnica hrvatska*, 16, 50), исключая *бѣл*, *гѡл*, *црн*, *дѡбар*, имеющие родительный падеж *бијѣла*, *гѡла*, *црна*, *дѡбра*.

По Даничичу, *жѹт* изменяется в мужском роде, как *плѣг* — *плѣга*; *нѡж* — *нѡжа*; *жѹт* — родительный падеж *жѹта* — дательный - предложный *жѹту* — творительный *жѹти* *жем*. Множественное число именительный падеж *жѹти* — родительный падеж *жѹти* *жем* и т. д. По этому образцу *жѡв*, *лѣп*, *бѣл* и многие подобные этому соответствующие изменяют ударение, встречаемое в великорусских былинах: *дѡбрѡ коня*, *мѡлодѡ Добрыни* (*Маѣганіс*, *Slovnica hrvatska*, 51, примечание).

В женском роде великорусскому переносу ударения на окончание по правилу соответствует штокавское изменение $\hat{v}$ на первом слоге и чакавская долгота без ударения на первом и $\hat{\prime}$ на втором: *бѣл* — *бијѣла*, *дрѡг* — *дрѡга*, *жѹт* — *жѹта*.

По Мажураничу, *жѹта* изменяет в винительном-звательном падеже единственного числа и во всем множественном числе $\hat{v}$ на $\hat{\prime}$ (*жѹта* — *жѹту* — *жѹта* — *жѹте* — *жѹтах*). По Даничичу, изменения этого нет: *жѹту* — *жѹте*, *врѹћ*, женский род *врѹћа* — *врѹћу*, множественное число *врѹће*.

В среднем роде в великорусском большей частью ударение такое же, как в мужском роде именительном падеже, т. е. на первом слоге, а не на втором, как в женском; отклонений, кажется, мало (*набѣлѡ*, *начѣрно*, но «это чѣрно, бѣло»). Так и [в] малорусском, сохранившем неопределенную форму прилагательных среднего рода в наречиях. Согласно с этим находим у Мажуранича *жѹт* —

жѹта — *жѹто*, *дрѡг* — *дрѡга* — *дрѡго* (и *дрѡго*). Но в Словаре Караджича подобных примеров весьма мало: *дрѡг* — *дрѡга* — *дрѡго* и только как наречие *дрѡго*, *мѡло* (предполагаемое *мѡо* или *мѡо* — *мѡла* — *мѡло*, наречие *мѡло*), *лѹт* — *лѹта*, наречие *лѹто*, а по общему правилу ударение в среднем роде, как в женском и косвенных падежах мужского рода *жѹт* — *жѹта* — *жѹто*.

Так как в русском, особенно великорусском, незаметно стремления подвигать ударение к началу слова, то следует думать, что русские прилагательные среднего рода и наречия — *мѡлодо*, *пѹсто*, *чѡсто* и пр. — сохранили более древнее ударение, чем сербские *мѡдо*, *пѹсто*, которым должны бы соответствовать: *мѡлодѡ*, *пѹстѡ*.

В определенной форме все сербские прилагательные (с немногими исключениями), имеющие в именительном падеже единственного числа мужского рода неопределенной $\hat{v}$ в женском роде и косвенных падежах, по Даничичу и Караджичу — $\hat{v}$, во всех падежах всех родов и чисел склонения определенного имеют на первом слоге $\hat{v}$: *бѣл* (*бѣл*) — *бијѣла* — *бијѣло*, *бѣлѣлѣ* — *бѣлѣлѣ* — *бѣлѣлѣ*; *мѡлѣ* — *мѡла* — *мѡло*; *грѹб* — *грѹба* — *грѹбо* — *грѹбѣ*; *жѹт* — *жѹта* — *жѹто* — *жѹтѡ*; *лѹт* — *лѹта* — *лѹто* — *лѹтѣ*; *рѣћ* — *рѣћа* — *рѣћѡ* — *рѣћѡ*; *сѣнѣ* — *сѣнѣ* — *сѣнѡ*; *тврѣд* — *тврѣда* — *тврѣдо* — *тврѣдо*; *цѣлѣ* — *цѣлѣла* — *цѣлѣло* — *цѣлѣлѣ* (*цѣли*); *чѣст* — *чѣстѣ* — *чѣстѡ* — *чѣстѣ* (и *чѣсти* — Даничић).

Так и во всех великорусских, соответствующих вышеприведенным: *бѣлѣлѣ*, *мѡлѣлѣ*, и в малорусских, за исключением *мѡлѣлѣ*, *тврѣдѣлѣ*, *чѡстѣлѣ*. Но в большинстве случаев великорусские и малорусские имеют в определенном склонении ударение на конце (*сѡтѣлѣлѣ*, *сѡтѣлѣлѣ*, чему соответствует сербское — Караджич: *сѡт* — *сѡта* — *сѡтѣлѣ*) и тем отклоняются от сербских *брѣз* — *брѣза* — *брѣзо* — *брѣзѣ* (великорусское *брѣзѣлѣ* и, кажется, *брѣзѣлѣлѣ*); *врѣн* — *врѣна* — *врѣно* — *врѣнѣ*; *глѹх* — *глѹха* — *глѹхо* — *глѹхѣ*; *гнѣл* (Караджич *гнѣло*) — *гнѣла* — *гнѣло* — *гнѣлѣ*; *гѹст* — *гѹста* — *гѹсто* — *гѹстѣ*; *жѣв* — *жѣва* — *жѣво* — *жѣвѣ*; *крѣв* — *крѣва* — *крѣво* — *крѣвѣ*; *крѹт* — *крѹта* — *крѹто* — *крѹтѣ*; *мѣд* — *мѣда* — *мѣдо* — *мѣдѣ*; *нѣж* — *нѣжа* — *нѣжо* — *нѣжѣ*; *плѡв* — *плѡва* — *плѡво* — *плѡвѣ*; *пѹст* — *пѹста* — *пѹсто* — *пѹстѣ*; *рѹд* — *рѹда* — *рѹдо* — *рѹдѣ*; *сѣд* — *сѣда* — *сѣдо* — *сѣдѣ*; *слѣн* — *слѣна* — *слѣно* — *слѣнѣ*; *слѣлѣ* — *слѣлѣла* — *слѣлѣло* — *слѣлѣлѣ*; *сѹх* — *сѹха* —

сѹхо — сѹхї; тѹћ — тѹћа — тѹћо — тѹћї; тѹп — тѹпа — тѹпо — тѹпї; хѹд — хѹда — хѹдо — хѹдї.

В великорусском в определенном склонении имеют ударение на первом слоге несколько прилагательных, в сербском сохраняющих ударение¹: *добар — добра — добро — добрї*, наречие *добро*; *вѣт (ветх)*, определенное *вѣти, вѣшт, дѹг* (однако в определенном, по Караджичу, *дѹгї*), *здрав* (здоровый), *кус* (малорусское *куций*; однако, по Караджичу, *кус — куса — кусо — куси*), *мїо — мїла — мїло*; *ндв* (определенное *ндви — Даничић*), *мѣк* (мягко, однако, по Караджичу, *мѣки = малорусскому мякій*), *прав, прѣст* (малорусское *прѣстїи*, великорусское *прѣстїи*), *рад, сїв* (по Караджичу и по Мажураничу, *сїв, сїт, слаб, стар* (Караджич *старї*), *ташт* (тоший), *тїх, тїст — тїста — тїсто* (по Мажураничу, *тїст*), *црн* (по Караджичу, *црн — црна — црно — црнї*). По-малорусски, однако, *новїй, мякій, слабїй, старїй, щїй* («на щѣ сердце»), *товстїй*; малорусские *новї, старї*, хотя ничем не отличаются от великорусского *новї, старї*, но другого происхождения: малорусское *новї = нѡвїя*, а великорусское — старинная неопределенная форма.

§ 2. ДВУХСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

1-й образец: великорусские *гладок — гладкї — гладко — гладкїй*.

В соответствующих сербских в женском роде большею частью на первом слоге *г* (по одногласным известно), что соответствует русскому и чакавскому ударению на втором, но в мужском и среднем роде, по Мажураничу, согласно с великорусским, на первом слоге *г*, а по Караджичу — (с некоторыми исключениями). Нельзя заподозривать ни того, ни другого. В определенном склонении, по Караджичу и Мажураничу, на первом слоге *г*, но рядом с этим, по свидетельству Даничича, и *г* на первом слоге в тех же словах: *бїједан — бїједна — бїједно — бїједнї*. Мажуранич: *гладан — гладна — гладно* (Караджич, *гладан — гладна — гладно*) — *гладнї*; Мажуранич: *дѹжан — дѹжна — дѹжно* (Караджич, *дѹжан — дѹжна — дѹжно*), *диван — дивна — дивно*. Мажуранич: *жїдак — жїтка — жїтко* (Караджич,

¹ В единственном числе, а в определенном склонении, по Даничичу, изменяют *г* в *г*.

жїдак) — *жїткї* (и, по Даничичу, *жїтки*), *крїтак — крїтка — крїтко* (Караджич, *крїтак — крїтка — крїтко*) — *крїткї* (и *крїтки*, Даничич); судя по русскому, следовало бы ожидать *крїтки*.

Караджич: *крїсан — красна — красно — краснї*. Мажуранич: *тајан — тајни; крѹгал* (Мажуранич), *крѹпан — крѹпно — крѹпна* (Караджич, *крѹпан*) — *крѹпнї* (и *крѹпни*, Даничич), *мутан — мутно — мутна* (Караджич, *мутан*) — *мутнї*, *прїзан — прїзно — прїзна* (Караджич, *прїзан*) — *прїзнї*, *прїјесан — прїјесно — прїјесна* (Караджич, *прїјесан*) — *прїјеснї*, *раван — равно — равна (?)* (Караджич, *раван*) — *равнї*, *рїједак — рїјетко — рїјетка* (Караджич, *рїједак*) — *рїјетки* (и, по Даничичу, *рѣтки*), *свїјетао — свїјетла — свїјетло* (по Караджичу), *славан — славна — славно, страцан (?)* (Караджич, *страшан — страшна — страшно — страшни* и *страшни — Даничич*), *тїјесан — тїјесна — тїјесно* (Караджич, *тїјесан*) — *тїјеснї*, Караджич: *таман (и таман) — тамна — тамно — тамни, трудан, хлїдан (?)* (Караджич, *хлїдан — хлїднї*).

Как в некоторых из вышеприведенных и в следующих (в мужском неопределенном склонении на первом слоге), в сербском ударение не только в среднем роде, но и в женском такое же, как в мужском, хотя великорусским предполагается изменение в женском² в *г*: *гладак — глатка — глатко — глаткї* (и *глаткї* — по Даничичу), *бїстар, дрѡбан, мрзак, познї и пѡзнї* (Даничич), *пѡснї и пѡснї* (Даничич), *вїјеран, нїзак, сладак — слатки и слаткї* (Даничич), *танка и танкї* (Даничич), Мажуранич: *тѣжак* (Караджич, *тѣжак*), Караджич: *тѣшкї и тѣшкї, узак — ускї и ускї* (Даничич), *јасан*.

В малорусском старинное ударение на первом слоге в неопределенном склонении этих прилагательных сохранилось частью в мужских формах, какие остались (*смѹтен, славен*), и в средних на -о, употребляемых в значении наречий.

В малорусском наречия от полногласных прилагательных (*гѡлодно, коротко, хѡлодно*) согласны с приведенными Мажураничем формами: *гладан — гладно, крїтак — крїтко* и предполагаемую нами *хлїдан — хлїдно*; великорусские *голоднѡ, короткѡ, хѡлоднѡ*.

В определенном склонении малорусское наречие в большей части случаев переносит ударение на второй слог. Таким образом, из двух русских наречий одно, малорусское,

предпочитает форму, соответствующую сербской с ` на первом слоге (малорусские *страшний*, *гладкий*, сербские *глаткй*, *страшнй*), а другое — соответствующую сербской с ^ или ^ (ср.) (*страшний*, сербские *страшни*, *глатки*). Почему некоторые прилагательные в малорусском не переносят ударения на второй слог в определенном склонении, а другие переносят, сказать трудно.

К первым принадлежат: *бідний*, *красний*, *прісний*, *рівний*, *славний*, *тёмний*, *вірний*, *ясний*, «грізний» (Метлинский, 148), *кислий*, *півний*, *пийшний*, *рідний* (великорусское *родной*), все на -ний. Ко вторым: *мутний*, *рідкий*, *страшний*, *тісний*, *гладкий*, *тонкий*, *тяжкий*, *баский* (кiнь), *близький*, *бридкий*, *важкий*, *видкий*, *гидкий*, *гіркий*, *гнуцкий*, *дурний* (великорусское *дурной*), *жаркий* (великорусское *жаркий*), но существительное *жарко* (областное *жаркой*), *курний*, *кріпкий*, *низький*, *нудний*, *палкий* (палкая работа), *трудний*, *пашний* («пашну рожу» — Метлинский, 96), *рясний*, *смутний*, *стидкий*, *хуткий*, *швидкий*. Как первые, так и вторые имеют в наречии ударение на первом слоге (*страшно*, *нудно*, *прудко*, *хутко*, *швидко*). Но в среднем роде определенного склонения — на втором (*страшне*, *хутке*).

Женская форма на -а, по виду неопределенная, имеет ударение такое же, как определенная всех трех родов: *бідна*, *славна*, *тёмна*, *пийшна*, *рідка*, *півна* — как *бідний* и пр.; *гладка*, *тісна*, *рясна* — как *гладкий* и пр.

Из этого можно заключить, что не только те малорусские формы, которые отличны от великорусских по ударению (малорусские *славна*, *тёмна*; великорусские *славна*, *темна*), но и сходны с великорусскими (*гладка*, *тесна*), произошли из стяжения определенного окончания -ая; поэтому-то первые из них (*славна*) и отличаются от великорусских (*славна*), что суть собственно формы определенные. Есть впрочем остатки настоящих неопределенных женских форм, например, в выражении «ясна, красна у лузі калина» (песня) *красна* не есть форма определенная, потому что в таком случае имела бы ударение на первом слоге: *красний* — *красная* — *красна*.

2-й образец: *весел* — *весела* — *весело*, наречие *весело*; *веселый*; сербские с неизменяемым ^: *весео* — *весела* — *весело*, *топао* — *топла* — *топло*, *великц*. Великорусское наречие *тепл*, малорусское *тепло*. Великорусское *зелен* — *зелена* — *зелено*, наречие *зелено*; *зелёный*; малорусское на-

речие *зелено*; *зелёный* отклоняется от сербского, который по ударению мужского рода неопределенного склонения относится к следующему образцу; *зелен* — *зелена* — *зелено* — *зеленй*; малорусские *зелена*, *весела* — согласно с вышесказанным — формы определенные.

Сербские *водени* и *водени*; *землани* и *землани*, *поштани* и *поштани*, *ледени* и *ледени*. Русский держится вторых форм: *водяной*; *водяний*; но сербское *масленй* (и *маслени*) = русскому *масляный*.

3-й образец: *висок* — *высока* — *высоко*; *высокий*. В сербском ^, переходящее с первого слога на второй: *висок* — *висока* — *высоко*, наречие *високо*; *високай*; *далек*, наречие *далеко*; *дубок* — *дубока* — *дубоко*; *дубокай*; *жесток* (Мажуранич; Караджич — *жесток*; ср. великорусское *жесток* и *жесток*); *црвен* — *црвена* — *црвено*; *црвенй*, *широк* — *широка* — *широко*; *широкай*. Малорусские *високий*, *далёкий* и пр., но наречие отлично от сербского и великорусского и аналогично с *зелено*: *високо* (и *високо*), *здалека* (но *далеко*), *глибоко*, *широко*. Ср. «хороше» (Кв. - Осн., II, 4) (великорусское *хорошо*); но *червено*. Малорусские *висока*, *далека* и пр. — формы определенные, отличны от великорусских неопределенных (*высока*, *далека*).

4-й образец: великорусские *богат* — *богата* — *богато*; *богатый*. В сербском неизменное ^ на первом слоге: *богат* — *богата* — *богато*, *убог*, *брестов*, *везов*, *дубов*, *желов*, *кленов*, *дрлов* (и *орлов*). В малорусском, как и в великорусском *убогий* — *убого* и т. д., *бобровий*, *баёва* юпка, *валовий* (з валу), *грезтовий*, *грушквий* («грушкова плахта» — с узором в виде груши), «морёва запаска» (Кв. - Осн., I, 6); «В едимашковому шушоні» (Котляревский, 134); *парчевий*, *рожевий*, *тисовий* («столи тесовий» — Метлинский, 170), *шкапви* (чоботи), *шовковий* (великорусское *шёлков* и *шелков*), *юхтовий*, *хмеловий* (но *хмеловая*, *горовая*), *степовий*, *терновий*, *низовий*, *Дніпровий*, а с другой стороны — притяжательные личные от имен двухсложных на -ъ с ударением на первом или втором слоге: *коропова луска*, *Іванів сад*; -авий, -явий: *ласкавий*, *чорнявий*, *білявий*, *русявий*; -аний, -яний: *кований* («кована із смугами свайка»); *поганий* (сербское *поган*), *різдвяний*, *рутвяний*, *рум'яний* (сербское *румен* — *румёна* — *румёно*; *руменй*), *рядняний*, *слухняний*; -иний: *козійний*, *цапійний*; -ачий, -ячий от имен с ударением в именительном падеже единственного числа на конце: *свинячий* (но *мішачий* от *міша*);

-атий: *косма́тий, черча́тий*; **-астий, -истий:** *пері́стий* (віл із смугами), *трої́стий* (музика), *крапли́стий, черчі́стий* (черчик, «спідниця черч́е́стая, із самого чер́цю» — М е т л и н с к и й, 58); **-ний:** *напі́льний* («Під напі́льним віко-нечком» — М е т л и н с к и й, 275), *доді́льний* («сорочка доді́льна — з тонкого полотна до самого долу»).

§ 3. ТРЕХСЛОЖНЫЕ И ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Трехсложные и четырехсложные прилагательные в именительном падеже единственного числа действительной или предполагаемой неопределенной формы:

а) С ударением на втором от конца слоге в именительном падеже мужского рода единственного числа определенной формы: **-бвий, -эвий:** *каламайко́вий, кита́евий, кристале́вий, празнико́вий, рогозо́вий, сап'яно́вий, соболе́вий, сугако́вий* («сугако́ві» — Ку л и ш, I, 317), *тяжино́вий, яблуне́вий, ярмарко́вий*. Ср. сербские *јасенов, соколов* = малорусским *јасено́вий, соколо́вий*; но *јасиков* = малорусскому *осі́новий; јабуков, јаворов* = малорусскому *јаворо́вий* (явровий?); **-астий:** *попеласті́й* (віл); **-ачий, -ячий:** *солов'я́чий; -ний:* *празні́чний; -цький:* *коза́цький, діво́цький, чума́цький; -ний, -ній, -аний, -енний, -езний:* *кита́йча́ний, біда́шний, туте́шний, оста́нний, боро́шений* (посудина), «нечувствéнный» (К в. - О с н., I, 65), *наві́жений, пашéний* (яма), *письме́нный, скаже́ний* и «ска́женный» (К в. - О с н., I, 8), *торопле́ний* («[вовк] підско́чив, озирну́вь, мов тороплéний сів» — Г р е б е н к а, 31), *вточе́нный, глибочéнный, здо́ровéнный, старéзний*;

-ивий: *милості́вий* (великорусское *милостивы́й*, сербское *милостив*), *жалослі́вий, жартовлі́вий, уродлі́вий* («на вигадки, танці — уродлі́вий»);

-енький: *біле́нький, благе́нький, бліде́нький, близе́нький, бистре́нький, буйне́нький, буре́нький, важе́нький, веселе́нький, вороне́нький, височе́нький, вузе́нький, глибоче́нький, далече́нький, жалі́бне́нький, зеле́нький, короте́нький, леге́нький, мале́нький, миле́нький, м'яке́нький, повне́нький, низе́нький, пізнéнький, пряме́нький, ране́нький, силне́нький, тихе́нький, тонéнький*.

Все эти [слова] образованы от прилагательных, некогда, судя по великорусскому, изменявших ударение в неопределенном склонении (*мал* — *мала́, высо́к* — *высока́*); от прилагательных с ударением неизменным образуются прила-

гательные на **-енький** с ударением на слоге, предшествующем этому окончанию: *луче́нький*. Первым малорусским на **-е́нький** соответствуют великорусские, изменяющие ударение по образцу *мале́нок* — *ма́ленький*; вторые по ударению и в малорусском, и в великорусском сходны.

б) С ударением на третьем от конца слоге. Вышеупомянутые на **-енький** от прилагательных с постоянным ударением в предполагаемом или действительно неопределенном склонении: *безу́сенький, безхо́стенький, серди́тенький, кирпа́тенький, чорняе́нький*, (однако *богате́нький*), *хреща́тенький, бі́льшене́нький, лу́ченький, ста́ршене́нький, ме́ньшене́нький*. С этими прилагательными сходны и по ударению существительные на **-онько, -е́нько** (*ба́тенько, зяте́нько*).

Все на **-есенький, -ісенький:** *повні́сенький, пряме́сенький, солоде́сенький, одні́сенький* («ні одні́сенького набо́ю»), *про́стісенький*. Такое же ударение в соответствующем русском **-ёхонький, -ёшене́нький**;

-ёлезный, -е́не́зний: *оттаке́лезный* («оттаке́лезні» — Ку л и ш, I, 162); *старе́не́зний*.

§ 4. УДАРЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ

Сербское ударение совершенно согласно с русским.

а) Все сербские прилагательные, образующие сравнительную степень по образцу старославянского *боли́й* — *больши́* (основная предполагаемая форма окончания именительного падежа единственного числа мужского рода **-јас, -јанс**), имеют перед окончанием сравнительной степени ударение `', каково бы ни было ударение и количество этого предшествующего окончанию слога в первообразных прилагательных: *бје́льї, брѣ́жї, дра́жї, глѹ́шї, гу́шїї, жи́вљї, жу́ђи, крѹ́вљи, крѹ́ђи, лу́ђи, мла́ђи, рѹ́ђи* (положительная степень определенной формы *рѹ́ђи*), *сје́ђи, сѹ́ши, тупљи, тврѣ́ђи, ху́ђи, црњи, че́шїи, ма́љи* (во всех положительная степень по образцу *лѹ́т*, женский род *лѹ́та*, определенная форма *лѹ́тї*); *дѹ́жї, мѣ́кшїи, ла́кшїи* (положительная степень, как *дѹ́г, дѹ́гї, ла́к*), *кра́ђи, рје́ђи, тје́ђи* (положительная степень *кратак* — *кратка* — *кратко*; *краткїи*), *гла́ђи, на́жи, мрѣ́жи, ѹ́жи, же́жи* (положительная степень *гла́дак*), ср. малорусские той же основной формы: *до́вший, кра́щий, мо́лбдшїи, коро́тшїи* и великорусские *до́льше, гла́же, мо́ложе, коро́че*.

б) Все сербские, имеющие в сравнительной степени **-ији** (*старији*, по старославянскому образцу *добр-ѣи, добрѣишии*; основная форма **-ијас, -ијанс**), имеют ` на слоге, предшествующем этому окончанию, все равно, каковы бы ни были по ударению и качеству слогов первообразные прилагательные: *славан — славнији, крупан — крупнији, стар — старији, хитар — хитрији, богат — богатији, паметан — памѣтнији, побожан — побѣжнији, задоволян — задовољнији, разуман — разумнији*. Этому по правилу соответствует ударение на первом слоге самого окончания в малорусском (*славниший, разумниший*) и в великорусском (*славнее, славнейший*). Для великорусского, по крайней мере письменного, исключением служат трех- и четырехсложные с постоянным ударением на втором от конца слоге или выше в положительной степени, сохраняющие это ударение и в сравнительной: *памятнее, набожнее, довольнее, разумнее, разумнейший, покорнейший*. В малорусском *покірнїиший, моторнїиший*; однако — *письменнїиший, завязтїиший*.

СКЛОНЕНИЕ -Ъ, -Ь (ВАРИАНТЫ)

I ВАРИАНТ

Имена с одинаковым ударением в именительном, звательном, родительном, дательном, творительном падеже единственного числа.

Имена односложные в именительном падеже единственного числа (не считая конечных **-ъ, -ь**).

Примечание 1-е. Сюда же относятся русские полногласные двухсложные имена, так как их два коренных слога и по происхождению, и в тоническом отношении равняются одному основному.

С точки зрения русского языка эти односложные имена распадаются на два отдела.

А) Имена, сохраняющие ударение именительного падежа единственного числа в местном падеже единственного числа и во всем множественном числе, и Б) имена, переносящие ударение на окончание местного падежа единственного числа и на все или некоторые падежи множественного числа. В последних есть и подразделения.

§ 1. ИМЕНА С НЕИЗМЕННЫМ УДАРЕНИЕМ ВО ВСЕХ ПАДЕЖАХ

В литературном языке сюда принадлежат:

а) Имена, образованные от корня посредством суффикса **-ъ**, одного или с предыдущими **х, в**, частью с предлогами, не составляющими слога (**въ, съ, вз**), по значению — отвлеченные или же хотя и конкретные, но с явственным для общего сознания отвлеченным значением.

Акад. Грот называет эти имена «явно отглагольными»¹, имея в виду тот же средний уровень сознания говорящих литературным языком; но это название не совсем удачно, так как, например, производство *слух* от *слушать* ошибочно, а производство от глагола *слу-ти* вовсе не общеизвестно.

Таковы: *клад* (Востоков, Русская грамматика, § 184 б причисляет это слово к переносящим [ударение]), *склад* (в более отвлеченном значении сложения, строя, а также конкретном — места, где сложено: *склад — склады — складов*), но конкретно *склады — складов* (в азбуке), *вклад*, *гнет* (в *гнете* — давлении, но в *гнету* — о гнущем предмете, например, тисках), *бред* (однако в просторечии — в *бреду*), *толк* (*толки* — религиозные, пересуды, но *читать по толкам* — по верхам), *вдох, ток* (*токи — токов* — гальванические, но конкретно *на току — токи — токов* = расширенное место), *сток, ввоз* (но *воз — возы — возов*), *слог* (но *лог — логи и логов*), *свод, снос, сгон* (но *гон — в гоню*), *сброд* (но *брод — в броду*), *срок, мор, сбор, вздор, спор, взор, сход, всход* (но *ход* имеет *на ходу — ходы — ходов* и *в ходе*, — *в заднем ходе экипажа*, — *ходы — ходов*), *рост, ков, кров, лов, вид* (в *виде того-то — виды — видов*, но наречное *ввиду*), *крик, клик, иск, миг, сгиб, бег* (в *беге — беги — бегов* — отлично от наречия *на бегу*) *спех, смех, слух, вкус, взгляд*.

Знак, брак, визг, блеск, треск, вопль, тон, гнев, в ломе костей, но в *лому ходит лошадь, ломы наемные; луг с дрягом*. Ср. *вёсы* (различные), *звук, стук, гук, стон, звон, сплав, лай*.

В некоторых из приведенных примеров явственно стремление языка отличить неподвижностью ударения значение отвлеченное (действие, состояние как предмет) от конкрет-

¹ Я. К. Грот, О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных, «Известия», 1860, т. VIII, вып. 5, стр. 362.

ного (предмет действующий или подлежащий действию). Но стремление это не выдерживается частью вследствие легкости перехода от первого значения ко второму вообще, частью в силу влияния народного языка на литературный. Просторечие настроено, так сказать, конкретно, оно склонно представлять и отвлеченное в форме конкретного. Ср., например, слово *лад* (соглашение, согласие, строй), *в ладү — лады — ладв.*

б) Слова той же формы, со значением конкретным (потерявшие отвлеченное значение или, быть может, не имевшие его), но принадлежащие к области литературного языка и окрашенные тем самым свойственно этому языку отвлеченностью мысли; слова частью архаические, частью малоупотребительные в просторечии во множественном числе, как *гáды, грáды* (*grandifēs*), *бéды* (*дв*), *дѹхи* (*apimae, daemones*), но народное *духѹ — духов* (*aromata*), *зѹбры, кмѣты, лаки, лѹки, стяги* (знамена), *трѹпы, стáны* (но *на станѹ — стáны — станѡв* ткацких), *соки* (народное *в соку*), *хлѣбы* (печеные, но *хлѣбá — хлѣбѡв — segetes*), *яды, ѳги; уд, тук.*

в) Слова заимствованные. Таковы церковнославянские: *глад, глас, хлад, страж*; между тем как соответствующие им русские полногласные во множественном числе переносят ударение на окончание. Таковы иностранные: *ад, бобр, балл* (шар), *барс, биль, блок, бриг, вальс, газ, грум, бек, граф, гриф, док, дюк, мол, мул, мер, нерв, тигр, том, флаг, франт, хор, шкаф.*

Грот (loc. cit., 364) замечает, что «чем более они усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения, если только такому переходу не противятся другие, более сильные и постоянные законы языка». «Если первоначально иностранное слово, употребительное и во множественном числе, гибко в произношении [т. е. имеет подвижное ударение—А. П.], то значит, что народ совершенно сжился с ним, вовсе забыл его происхождение». Это верно, хотя неверны примеры: *рубль — рубля, врач — врачá.* Есть много других, как *стих — стихá, дяк — дякá, царь, поп, бас, бунт* (в значении связки: *бунты — бунтѡв — бунтáм*, а в значении мятежа: *бунты*), *винт, вист, герб, грош, грунт.*

Наконец, сюда принадлежат слова, не подходящие ни под один из приведенных разрядов, конкретные, употребительные в просторечии: *рак — раке — раки — раков, волѡх, холѡп, горѡх, морѡз* (полногласное с ударением на втором

слоге. Отлично малорусское *поромѹ* — «на поромáх» — *Котляревский, 2).*

В малорусском в общих чертах встречаем то же, что в литературном, только вследствие сравнительно меньшей письменной обработки меньше отвлеченных. С примерами под а) ср. малорусские *схѡди, «скѡки»* (К в. - О с н., I, 83), *смѹхи, гнѹви, знáки, охи* («Піднявся писк, стогнання, охи» — *Котляревский, 222*); *крѹки* («Там чутні жалібні крѹки» — *ibid., 87*), *стрáхи, слѹхи*; с б) и г) ср. *гáди, грáди, раки, волѡхи, горѡхи морѡзи.* Малорусское «воѹв» (*воѹ* — *Котляревский, 210*); «дмуть в роги» (*ibid., 217*); «Трищали кѡсті, рѣбра, бѡки» (*ibid., 221*); «під бѡки» (*ibid., 240*). Сверх того в малорусском *passim* сохраняют постоянное ударение во множественном числе и такие слова, которые в литературном и великорусском во множественном числе уже в именительном или только в родительном и следующих падежах переносят ударение на окончание: «в бѡки» (*Гребенка, 13*); «З трех (усѹх) бѡків» (*Кулиш, I, 279*); «рѡги» (*ibid., I, 306*), но и *рогѹ — рогѹв?*, *рѡки, рѡків зо два* (часто), но и *рокѹв, дзвѡни* (постоянно) — *дзвѡнів, дзвѡнити, годи (годѹ), «гѡдѹв з дев'ятнадцять»* (*Котляревский, 203*), *гѡни, гѡнів з двоє*; «зеленѹ лѹги» (*Кулиш, II, 99* и *лугѹ — лугѹв*); *у кѹми* (но именительный падеж *кумѹ*), «кумáми» (мужской род — *ibid., I, 153*), *усѹ* — *усами* — в *усах* (но у *Котляревского* и «усами»); *дáри* («Енею дáри одрядив» — *Котляревский, 138*); «мушу дáри одрядити» — *ibid., 275*, но и *дарѹ*). С в) заимствованные с польского *скарби — скарбѹв; жáрти — жáртѹв; шлѹби.*

§ 2. ИМЕНА, ИЗМЕНЯЮЩИЕ УДАРЕНИЕ В МЕСТНОМ ПАДЕЖЕ И МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

а) Местный на -у: Перечисление см. *Восток* в «Русская грамматика», 27. Это окончание местного падежа принимают исключительно имена неодушевленные и почти исключительно конкретные. В малорусском и имена одушевленные имеют в этом падеже -у, но неударяемое: *на вѡвку.* Таким образом, окончание -ѹ (без ударения) в великорусском и -ѹ = -ѹ, -у без ударения в малорусском свойственны отвлеченным и одушевленным, а -ѹ в обоих наречиях — одушевленным.

б) По Востокову (Русская грамматика, § 184), следующие имена в литературном, частью имеющие местный падеж на -у или -ъ, или только на -ъ, во множественном числе переносят ударение на окончание только в родительном падеже и следующих и сохраняют ударение именительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа.

С твердым окончанием — **-б:** *гроб, дуб, зуб, клуб*; **-м:** *гром, дом*; **-н:** *челн*; **-л:** *дол*; **-р:** *вор, ветр* (ветер); **-д:** *вид, год, град, род*; **-т:** *плут, мот, сорт, фунт, шут*; **-с:** *бес, трус*; **-г:** *бог, друг* (*дружи — друзей — в церковнославянском*), *круг, слог, струг*; **-к:** *волк, век, жук, крюк, сок*; **-х:** *дух, цех*. С мягким окончанием: *червь, зверь, гвоздь, груздь, люди* (*людей*), *гость, черти — чертей, тать, гусь, муж*.

Из этих имен некоторые мне известны только с постоянным ударением во всем множественном числе (*виды — видов — видами — видах, цех — цехов, соби — соков*); другие с ударением на окончании во всем множественном числе (*шуты, жуки, крюки*).

В малорусском уже в именительном падеже множественного числа переносят ударение на окончание: *гриб, дуб, вітер, год, чорт* (*чортій*), *біс* (*бісії*), *бог — богів, вовк, муж*, кроме вышеупомянутых *жук, крюк*. Тем не менее перенос ударения на окончание, начиная с родительного падежа, есть явление общерусское, так как и в малорусском *зуби — зубів*, «човни» (Котляревский, 28 bis., 46), хотя *ibid.*, 45, 47: «човні» и «човнів»; *вітри — вітрів* (*вітрі*); *на віки — віків; звірі — звірів; гвозди — гвоздей, люди — людей*.

в) По Востокову же, следующие имена переносят ударение во множественном числе на окончание, начиная с именительного падежа.

На губные: *клев* (*хлев*), *зоб, пуп, шкаф* (вернее *шкафы*), *ком, корм, лом, сом, ям*; **-н:** *пан, стан, чин, чан*; **-л, -р:** *бал, вал, пол, бор, дар, жар, жир, мир, пар, пир, сыр, щур*; **-д, -т:** *зад, клад, лад, мед, перед, под, склад* (*склады — в азбуке*), *пуд, ряд, сад, сот* (но, по Далю, множественное число *соты*, и это, если не единственно верное, то более известное ударение), *цвет*; **-з, -с:** *воз, раз, вес* (во множественном числе), *квас, нос*; **-г, -к, -х:** *бег, долг, мозг, стяг, торг, шаг, пук, шелк, верх, дух* (запах), *мех, пых; -й: *бой, рай, слой, строй, чай*.*

Такое перенесение ударения в соответствующих приведенным именам — есть господствующее в малорусском. Заключена ли какая-либо мысль в различии ударения между именами **б)** (*дбмы — домов — домам — домами — домах*) и именами **в)** (*хлєвы — хлевов* и пр.) или это есть явление чисто фонетическое? Если следовать правилу, что в языке исчезающее явление есть более давнее, то можно думать, что перенос ударения на окончание уже в именительном падеже множественного числа по времени происхождения позднее переноса ударения лишь на окончание родительного падежа множественного числа, так как последнее явление исчезает в малорусском. Оставив на время в стороне различие между именительным падежом множественного числа имен **б)** и **в)**, рассматривая их как одну породу, мы замечаем в ней различие между ударением единственного числа, остающимся на корне, и множественного числа, переходящим на окончание.

Различие это, по всей вероятности, обозначает, с одной стороны, большую индивидуальность единственного числа, с другой — собирательность множественного.

Для выражения собирательности в именительном падеже множественного числа рассматриваемого склонения великорусский и литературный язык имеет особое окончание, именно ударяемое *-а, -я*, переносящее на себя ударение, стоящее в единственном числе, выше; но в остальных падежах имен, не принимающих особого суффикса для всего множественного числа (как *зуб-ья — зуб-ьев* и т. п.), собирательность может выражаться только ударением. Собирательное значение этого окончания не подлежит сомнению. В великорусском и литературном оно с очень немногочисленными исключениями имеет место в именах без этого окончания, сохраняющих ударение на корне (или первом слоге): *годы — годя* (см.: Востоков, Русская грамматика, § 29, 3 и Грот, О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных — в «Известиях», т. VIII, вып. 5, стр. 364—365). Так как в малорусском это окончание встречается весьма редко, но зато в этом наречии перенос на обыкновенное окончание именительного падежа множественного числа (*-и*) встречается в несравненно меньшем количестве слов, чем в литературном, между прочим именно в тех, которые в литературном имеют двойное окончание именительного падежа множественного чи-

сла (на -ы, -и неударяемое и на -а ударяемое: *хліві, городі, поясі, снігі* и т. п.), то, при сходстве категорий, различаемых обоими наречиями, следует думать, что и здесь малорусское окончание -ї имеет тот же собирательный смысл, что и великорусское и литературное -а.

Отсюда в свою очередь падает свет на значение ударения в именительном падеже множественного числа тех имен, которые уже в этом падеже переносят ударение на окончание. Большинству этих имен не свойственно собирательное окончание -а. Почему? Потому ли, что они не нуждаются в оттенке собирательности? Нет. Это можно было бы сказать только об именах отвлеченных, каковы приведенные выше имена с постоянным ударением во всем склонении.

Потому ли, что язык встречал при этом фонетические или тонические препятствия? Тоже нет. О фонетических препятствиях говорить нечего, так как отсутствие их очевидно. Тонические не могли бы помешать, так как есть же имена, принимающие окончание именительного падежа множественного числа на -а, несмотря на то, что и другое правильное окончание этого падежа имеет на себе ударение: *кормы, корма*. Я полагаю, что язык не распространяет на все имена этого рода (т. е. односложные, имеющие ударение на окончании в именительном падеже множественного числа) вследствие того, что само по себе перенесение ударения на окончание служит для той же цели, что и окончание -а, т. е. для выражения собирательности, и что окончание *шелка* при *шелки* есть излишество, происшедшее от забвения смысла этой последней.

Тоническое препятствие к принятию собирательного -а действительно встречается в именах, переносящих ударение на падежное окончание уже в родительном падеже единственного числа. Здесь именительный падеж множественного числа ничем бы не отличался от родительного падежа единственного числа. Поэтому только имена с ударяемым окончанием родительного падежа вовсе не принимают в именительном падеже множественного числа собирательного -а (исключение *рукава, обшлага*). В малорусском принимают немногие, но замечательно как доказательство, что язык чувствует неудобство наружной тождественности именительного падежа множественного числа и родительного падежа единственного числа (в слове *рукав* — родительный падеж *рукава*, малорусский в именительном падеже множественного числа переставляет ударение: *рукава*).

Возвращаясь к именам б), спрашиваю: какой смысл могло иметь сохранение ударения на корне в именительном падеже множественного числа, между тем как в остальных падежах множественного числа ударение падает на падежные окончания: *зубы*, но *зубов* — *зубам* — *зубами* — *зубах*. Конечно, причина может быть чисто фонетическая. Но, предположивши, что нет, легко можно объяснить это противопоставление именительного как наиболее индивидуализирующего прочим косвенным. Мы видели то же в местном падеже на -у ударяемое при сравнении его с падежом на -ь и -ю неударяемое.

II ВАРИАНТ

Имена с постоянным ударением в единственном числе, кроме местного падежа или и со включением его.

Для русского языка правило: если в родительном падеже единственного числа ударение остается на том же слоге, что в именительном падеже единственного числа, то оно остается и в дательном, творительном. За указатель ударения во всех этих падежах принимается родительный. Местный падеж по ударению в таких именах то согласуется с родительным, то переносит ударение на падежное окончание.

§ 1. А. ОДНОСЛОЖНЫЕ ИМЕНА, КАК *ДОМ* — *ДОМА* — *ДОМУ* — *ДОМОМ*, МЕСТНЫЙ *ДОМЕ* — *ДОМУ*, И ДВУХСЛОЖНЫЕ ПОЛНОГЛАСНЫЕ ИМЕНА, КАК *ГОЛОД* — *ГОЛОДА* И *МОРОЗ* — *МОРОЗА*

В сербском этим именам соответствуют односложные и двухсложные с беглою гласною, гласною неорганическою, т. е. эвфоническою, не существующею в основной славянской форме и в русском, например, сербское *писак* = старославянскому и русскому *писк*; также двухсложные, коих двухсложность произошла от разложения *ъ* на *ије* (*врѣје*).

а) Именительный падеж с ударением $\hat{}$ на коренной гласной в именительном и родительном падеже единственного числа образца *враг* — *врага* — *врагу* — *врагом* = русскому *ворог* — *ворога* и пр. Таковы из числа общих русскому и сербскому: а) *влас*, *влат*, (волос, волот); *глад*, *глас*, *клас*, *млат* (молот), *слад*, *хлад*, *члан* (и *член* — с разным значением; ср. старославянское *члѣнъ*); *брав* (боров),

враг, враг, враг, град, мраз, мрак (морок), *праз* (порог), *прах, свраб, смрад, срам*; русскому *норов* должно бы соответствовать *нрав*, но у Караджича *нарав*, с эвфоническим а в первом слоге, на коем мы бы ожидали встретить 'а не'; *бан* (родительный падеж *бана* и *бана* = чакавское *баня*; ср. *пан*), *дар, знак, зрак* (луч), *кал* (и *као*, родительный падеж *кала*. См. примечание 1), *квас, пас* (= сербскому *пдјас*). Последняя форма, общая русскому и сербскому, так относится к *пас*, как русское *голос* к *глас*, *раст* (рост), *сад, сплав, стан, цвал* (и *цвао* — *цвала*. См. примечание 1); *вид, жуг* (cauterium, орудие для выжигания); *бук* (lacus cataractae strepitosus, великорусское *бук* — у мельницы); *лик, лис, клик, пир; дух* (*духа* — дуновение, но *дух* — *духа* — Geist, spiritus); *друг, клун* (клюв), *кум, слух, труп; труд* (*труда* = *трут*, отлично от *труд* = *труд*); *уд, вук* (волк); *дуг* (долг), *сат* (сот), *трг* (товар); *трн* (по Мажураничу, § 39: *трн* — *трна*), *чун* (челн), *црв, сун, згуб; бријест* (брѣст, берест), *бријег* (брѣг, берег), *жлийеб* (жлеб, жлоб); *ждријеб* (жерѣб, жрѣбий), *цријеп* (црѣп, череп), *бјјес* (бѣс), *блѣк* (balatus), *вјјек* (вѣк), *гнијев* (так по Мажураничу; у Караджича *гнѣв*); *смјјех* — *смјјеха* (по-южному, но по-восточному у Караджича и затем у Даничица: *смѣх* — *смѣха*). Точно также: *мјјех* (вероятно, родительный падеж *мјјеха*, но по-восточному *мѣх* — *мѣха*), *бјјег* (*бѣг* = fuga), *врјасак, дрбзак* (дрозд), *мбзак, писак, плусак, трѣсак, смјсао* (смысл); *звјјер* (звѣр), *лјјес* (лѣс), *мјјех* (мѣх), *свјјет* (свѣт), *слијед* (слѣд), *снјјег* (снѣг), *смјјех* (смѣх), *тријасак* (с эвфоническим а, не изменяющим отношения к русскому *треск*), *цјјеп; звѣк, кнѣз, рѣд, дуб, зуб, крѣг, кус* (кусать, вкус), *луб, лук* (отлично от *лук* — allium), *луг, (луга* — lucus отлично от *луг* — *луга cinis* — щелок), *муж, прѣт, сѣд* (сосѣд).

Есть впрочем немногие случаи несогласия с русским. Таковы сербские *грозд, дрозд* (*дрбзак*), *лист; лист* — по Караджичу и Мажураничу. *дан* — родительный падеж *дана*, *вријесак* (*врѣсак*) — род дуплистого растения (но звательный падеж *врѣск*), *јѣж, пук* (пльк), *стид, стуб* (столб), *срп, струк* (caulis), сохраняющие ударение именительного падежа в родительном и сходных, между тем как соответствующие русские имена переносят ударение на окончание родительного падежа единственного числа. Так по Караджичу, но Мажуранич: *грозд* — родительный падеж *грозда*, *дрозд* — *дрозда* согласно с русским (Slovnica hërvatska, § 39).

б) Имена с ^ на коренной гласной в именительном падеже единственного числа и с ^ на коренной гласной родительного и сходных с ним по ударению падежей (дательного, творительного).

О количественной разнице коренной гласной в именительном и родительном падежах см. примечание 1. В русском эта разница не отражается, т. е. ударение остается неподвижным.

Таковы в сербском склоняющиеся по образцу: *бог* — *бога* — *богу* — *богом*; *змјј* (змея), *крјј*, *мах, страх, рјј*; *мѣд* (*мѣда*), *час, бјј* — *бојја* (по Мажураничу, отлично от русского *бдј* — *бдја*), *бок, бор, брод, вјј* (ряд при плетень плетня, от *ви-ти*), *гнјј, гост, дом, збјј* (куча, отдел стада, как сбитое), *збр, зндј, ков* (абстрактное ков, кованье и орудие дляковки, оковка), *кров, крјј, лов, лјј, рот, рбг, род, рјј, рок*, Мажуранич — *рок* (срок), *свјј* (*с-ви-ти*; водоворот), *скдк, сдк* (succus), *срок, страх, ход; лѣд* (родительный падеж *лѣда*, с ударением как в малорусском *лїд* — *лїоду*, но отличается от великорусского литературного *лѣд*, *лѣду*), *рѣв* (родительный падеж *рѣва*, как в малорусском, но отлично от великорусского *рѣа*. По Мажураничу, *рѣв* — *рѣва*), *тѣст* — *тѣста* (согласно с русским *тѣсть* — *тѣстя*, но отлично от *цтя, тстя*). По Мажураничу, сюда же и *грѣм* — родительный падеж *грѣма*, согласно с русским, но, по Караджичу, *грѣм* — *грѣма*, *вдз* (*вдза*, но у Караджича при этом слове с единственным значением воза, как меры навьюченного, родительный падеж не обозначен). Сербское *прах* — *прѣха* согласно с русским только в именительном, а не в родительном падеже, где в соответствии с русским *пѣроха* следовало бы ожидать *прѣха*. Отклоняются от русского: *дажд* — *дажда*, *мѣст* — *мѣста*, *плѣд* — *плѣда*, *пѣст* — *пѣста* (но у Мажуранича, § 39: *пѣст* — *пѣста*), *плѣт* — *плѣта* (плетень, русское *плѣта* или *плѣта*?).

в) Имена с ^ в именительном, родительном и прочих падежах: *рак* — *рака* — *раку* — звательный падеж *раче* — *раком*. Таковы: *влѣх* (волох), *грѣх* (горох), *мраз* (мороз), *праз* (порог), *прам* (порѣм); *брат, гад, граб, град* (grando), *жбан, мах* (мах, взмах), *плач, рак, стад, спас, кмѣт, жид* (малорусский родительный падеж *жїда*, но и *жїда*), *клин, кон* (русское *конь*), *лук* (allium), *плуг, југ, грк* (грек), *крст; всак, мбзак* (это слово у Караджича: *мбзак* и *мбзак* и поэтому правильно и выше), *вѣпар* (вепрь), *Петар; дїм* (дым), *сир* (сыр), *тин* (тын), *дјед, хлѣб, свјет* (consilium), *срѣз*

(округ), *зглед*, *зѣт*; *лан*, родительный падеж *лана*, согласно с украинским *льон* — *льбну*, отлично от *лен* — *льна*; при сербском *лав* — *лава* — русское *льва*. Ср. вышеприведенные *дан* — *дана* (дня), *таст* — *таста* (тестя), где на гласную из *ъ*, беглую в русском, падает ударение *˘* или *˘˘*.

Различны ударения в сербском *скѣт* (родительный падеж *скѣта*?), *цѣр* — *цѣра*, при коих в русском *скота*, *царя*, и наоборот: *мак* — *мака*, *свѣд* — *свѣда*, при коих в русском с постоянным ударением: *маку* — *маком*, *свѣда*.

Сравнивая между собою имена под **а**, **б**, **в**, замечаем, что в числе первых (образец *враг* — *врага*) вовсе нет имен с коренным **о** (за исключением сомнительных *грозд*, *дрозд*); что таких имен нет и под **в** (образец *рак* — *рака*), за исключением *кон*, и что особенно наклонны к ударению гласной (по образцу **б** *бѣг* — *бѣга*) имена с **о** в корне.

В великорусском литературном от именительного, родительного, дательного, творительного падежей имен с постоянным ударением отклоняется местный падеж имен не одушевленных, принимающих в нем *-ѹ* (ударяемое). В малорусском хотя окончание местного падежа *-у*, *-ю* имеет место не только в неодушевленных, но и в одушевленных, но в последнем случае не принимает на себя ударения в именах, не изменяющих ударения в родительном падеже. Ср. *при пѣну*, *при онѹку*, *на вѣвку* с *у снѣгу* и т. п. В сербском окончание *-ѣ* в местном падеже рассматриваемых имен совсем исчезло. (О хорватском, где оно отчасти сохранилось, см.: Miklosich, Vergleichende Grammatik, V. III, § 424.) Имена же одушевленные и неодушевленные различаются в этом падеже тем, что первые сохраняют в нем ударение родительного падежа единственного числа и сходных с ним (не именительного, потому что в нем, как мы видели, основное *˘˘* может удлиняться в *˘˘˘*), а вторые ослабляют ударение родительного падежа *˘* в *˘˘*, а *˘˘˘* в *˘˘˘˘*. Такое ослабление равно чакавскому и русскому переносу ударения на окончание *-у*.

Таким образом, не изменяют ударения в местном падеже единственного числа:

Из имен **а**): *брѣв*, *враг*, *врѣн*, *прѣг*, *бан* (по Караджичу), *дрѹг*, *звѣр*, *лис*, *вѹк*, *кнѣз*, *ѣн* и др. Из имен **б**): Даничич предполагает неизменность ударения (ср. Српски акценти, 13), так как у Караджича изменения не отмечены: *змѣј* (родительный падеж *змѣја*, дательный и местный падеж *змѣју*) и по этому образцу *бѣг*, *гѣст*, *таст*. Из имен

в): *брѣт*, *дрѣд*, *зѣт*, *кмѣт*. Впрочем: *влѣх* — *влѣха* имеет, по Даничичу, также *влѣху*.

Изменяют ударение в местном падеже:

Из имен **а**): *врѣт* — *врѣту* (великорусское *на воротах*), *грѣд* — *грѣду* (областное великорусское *в городе*), *мрѣк* — *мрѣку*, *брѣг* — *брѣгу* (*на берегу*), *хлѣд* — *хлѣду*, *глѣс* — *глѣсу*, *црѣп* — *црѣпу*, *дар* — *дару*, *сад* — *саду* (*в саду*), *стан* — *стану*, *пѣр* — *пѣру* (*на пиру*), *дрѹг* — *дрѹгу* (*в долгу*), *трѣн* — *трѣну*, *чѣн* — *чѣну*, *свиѣт* — *свиѣту* (областное великорусское *на свету*), *виѣк* — *виѣку* (*на веку*), *зѹб* — *зѹбу* (*на зубу*), *сниѣг* — *сниѣгу*, *смѣса* — *у смѣсау*, *лѹг* — *лѹгу* (*на лугу*), *рѣд* — *рѣду* (*на ряду*) и др. Из слов Даничича (Српски акценти) заключаю, что такое изменение в сербском свойственно в сем неодушевленным этого образца.

Из имен **б**): *бѣј* — *бѣја* — *бѣју* — и, таким образом, *дѣм* — *дѣму*, *знѣј* — *знѣју*, *крѣв* — *крѣву*, *лѣд* — *лѣду* (малорусское *лѣд* — *льѣду* — *на льѣду*), *мѣд* — *мѣду*, *лѣв* — *лѣву*, *лѣј* — *лѣју*, *нос* — *носу*, *рѣј* — *рѣју*, *рѣг* — *рѣгу*, *рѣд* — *рѣду*, *хѣд* — *хѣду* и, вероятно, все неодушевленные.

Относительно имен **в**) нельзя сказать того же. Даничич приводит только восемь имен этого разряда, в том числе одушевленное *влѣх* — *влѣху* и неодушевленные *прѣг* — *прѣгу* (что по-русски было бы *порог* — *порогу*), *прѣст* — *прѣсту*, *чѣс* — *чѣсу*, прибавляя, что, может быть, есть и еще такие слова, но он наверное не знает. Сюда и двухсложные с неорганической беглою: *вѣсак* — *вѣску*, *мѣзак* — *мѣзку*.

§ 2. Б. ИМЕНА ДВУХСЛОЖНЫЕ В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. С ударением в русском языке на первом слоге (сюда не принадлежат причисленные к А существительные полногласные).

а) Со второю беглою гласною в русском и сербском. Им соответствуют в сербском:

аа) Имена с *˘* на первом слоге: *бѹбан* — *бѹбна* (бубен), *лѣкат* — *лѣкта* (локоть). Имена эти ничем не отличаются в настоящем времени от тех, в коих беглая гласная неорганическая и *˘* на первом слоге, как приведенные выше под Аа): *врѣсак* (*врѣјесак*), *пѣсак*, *плѹсак*, *трѣсак*. Сюда же *жрѣван* — *жрѣвна* (по Мажураничу, *жрѣван*) — перестановка

из *жрнав*, соответственно коему *жёрнов*, во избежание стечения согласных, имело второе *о* постоянное: *сїјечань* (январь) — *сїјечна*, *српань* — *српна* (июль), *травань* — *травна* (апрель), *свїбань* — *свїбна* (май), *лїпань* — *лїпна* (май), *рїжань* — *рїжна* (сентябрь).

бб) Имена с *“* на первом слоге в именительном и родительном падеже (и предложном): *грѣшац* (*грах*) (Ср. русские полногласные с ударением на втором *о*: *горбищец*, *морозец*), *знѣнац* — *знѣнца* (знакомый), *јѣмац* — *јѣмца* (поручитель), *мїтар*, *вѣшац* (*allium ascalonicum*), *брѣтац* — *брѣца* (брат), *хлѣбац* — *хлѣнца* (хлѣб), *вѣтар* (*вѣтар*) — *вѣтра*, *Пѣтар* — *Пѣтра* (= малорусскому на *Пѣтра*; ср. также родительный падеж *Пѣтра* = общерусскому *Петра*); *вѣпар* — *вѣпра* (по Мажураничу, *вѣпар*), *смѣток* — *смѣтка* (моток, смѣток, клубок); ср. по ударению малорусские *смѣток*, *жмѣток*, *взѣток*. Общерусские *кубок*, *замок*; малорусское *ранок*. Малорусские *свѣток*, *свѣрток*, *сносок*, *скѣлок*, *скрѣток*, *смылок*, *снимок*, *спѣрок*, *срѣсток* и т. п. *Свѣжань* — *свѣжна* (связка; ср. русское *связень*, узник и многие на *-ень*, *-нь*: *брѣдень*, *сгїбень*, *шворень*, *складень*, *стѣржень*, *пѣрень*, *шѣршень*); *сїжань* — *сїжна* (= *связень*, плсник из *сѣ* — *жз* = *взз*), *кашаль* — *кашѣла*, *чѣшаль* — *чѣшѣла* (и *чѣшла*, гребень), *ѣгаль* — *ѣгѣла*, *ѣгар* — *ѣгра* (= угрин); *вїжаю* (*ейжал*, *выжел*, *выжлец*), *сѣрдао* (*сѣрдал*, свердел, сверло, бурав); сербские *ѣгао* (*ѣгал*), *ѣзао* (*ѣзал*) — родительный падеж *ѣгѣла*, *ѣзѣла* — отличны от русских *угѣла*, *узѣла*, *нокат* — *нокѣта* (ноготь). Сюда или к аа) (*лѣкат*) относятся русские: *коготь*, *лѣпоть*, *дѣготь*, *вѣхоть*. Отклоняются, по Караджичу, *свѣкар* — родительный падеж *свѣкра*, но, по Мажураничу, *свѣкра* (*Slovnica hęrvatska*, § 41).

вв) Имена с *“* на первом слоге в именительном падеже единственного числа и с *^* на том же слоге в родительном, дательном, творительном, звательном и местном падежах единственного числа: *стѣрац* — родительный падеж *стѣрѣца* — дательный *стѣрѣцу* — творительный *стѣрѣцем* — звательный *стѣрѣче*. Вообще *^* остается во всех падежах множественного числа, где коренная гласная находится в среднем слоге (*стѣрѣца* — винительный падеж *стѣрѣце* — *стѣрѣцама*), но в родительном падеже (*стѣраца*) опять появляется *“*, потому что изменение *“* на *^* есть следствие влияния среднего слога (respect позиции) и согласной, заключающей средний слог. Первоначально (до появления славянской позиции) имена, как *стѣрац* — *стѣрѣца*, вполне равны та-

ким, как *брѣтац* — *брѣ(т)ца*. О чем см. примечание 1.

По этому образцу: *сїрац* (круг сыра), *ѣурац* = *ѣурац* (Юрий), *дѣлац* — *дѣлѣца* (трубка, посредством которой надувается мех волынки; ср. относительно ударения *дѣлѣце*), *жалац* — *жалѣца* (жало; ср. *жалѣце*), *пѣлац* (палец), *пїлац* (пьяница), *тѣлац* — *тѣоца* (шаль, заложник), *клїнац* (гвоздь, в русском отлично по ударению *клинѣц*, но однако, в малорусском *клїнци*), *танац* и несколько других, отличных по ударению от русских: *гѣрнац* (горнѣц), *данац* (денѣк), *сѣнац* (от *сан* — *сна*), *сїнац* (сынѣк); *стѣнац* (пребывание, жилье), *јанац* (*агнец* — согласно с русским во множественном числе *јаъци*); *мїнац* (млынѣц); *бѣјац* — *бѣјаца* (реже из *бан* — *баѣц*), *збѣјац* (*сбѣен = не рослый, но как бы сбитый, коренастый вол), *зѣјац* (зной), *кѣјац* (*latus rapini*, конец или покромка); *ѣјац* — *ѣјаца* (дядя, материн брат); *зѣлавац* — *зѣлавка* (сустав; по-русски было бы «сголѣвок»), *зѣравац* — *зѣравца* (рост; было бы «здоровец»), *гѣвао* (*гѣвал* — *гѣвла*, гвоздь), *Пѣвао* — *Пѣвла*, *сївац* — *сївѣца* (сївка), *ѣвао* — *ѣбла* (род колодца или водоёма), *Бѣхац* — *Бѣхаца* (собственное имя города), *дрѣтац* — *дрѣхта* (дрожь).

б) Со второю постоянною гласною в русском и сербском.

аа) С *^* на первом слоге: *дѣбош* (барабан; малорусское *дѣбош* — барабанщик), *лѣгор* (лагерь), *мајстор* (майстер, мастер), *табор*, *анѣго* и др. (см.: Д а н и ч и њ, Српски акценти, 18).

бб) С *^* на первом и на втором слоге (respect со второю гласною долгою без ударения): *бїједнїк* (*calumniator*, ср. по форме русское *бѣдник* — увечный), *вїједнїк* (советчик; ср. *вѣчник*), *зѣанїк* (званный гость; но русское было бы «зѣанїк», судя по *зѣаница*), *кѣнїк* (всадник; конник), *прѣзнїк*, *пїтнїк* (ср. русские на *-ик* с ударением на первом слоге: *всадник*, *пряник*, *передник*, малорусские *вїнник*, *будник*, *мїсник*, *стадник*. Устраняю от сравнения уменьшительные с таким же ударением); *кїнтѣш* (малорусское *кїнтуш*).

вв) С ударением *“* на первом слоге: *брѣтїц* (сын брата, племянник. По-русски было бы *брѣтїч*, *бїквич* (молодой бук), *вранїц* (вороненск. ср. фамилию *Воронич*), *жабїц*, *мїшїц*, *плѣмїц*, *вѣшїц* и употребительное только во множественном числе *гїшїцїцї* (гусляр) и др.; *гѣдохот* (громкий смех, хохот; ср. *гѣдохот*), *бахат* (топот), *дѣспот*; *срѣбин*, *ѣгрин*; *пѣнео*, *Дїунав* (отлично от русского), *їсток*, *ѣток*, *прѣјед*, *сїсїед* (отлично от русского).

В родительном падеже единственного числа остается ударение именительного.

гг) С ударением $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге и с $\hat{\ }^{\prime}$ на втором; это последнее теряется в непрямых падежах: *дјѣвѣр* — родительный падеж *дјѣвѣра* — дательный *дјѣверу*, винительный = родительному, звательный *дјѣвере*.

ђаво (*ђавол*), *грѣбѣн* (*грѣбена*), *камѣн*, *крѣмѣн*, *пламѣн*, *прамѣн*, *прѣтѣн*, *рѣмѣн*, *стрѣмѣн* (малорусское ударение *грѣбень* — *грѣбѣня*, *крѣмѣнь* — *крѣмѣня* оказывается более древним, чем великорусское *грѣбень* — *грѣбнѣя*, *крѣмѣнь* — *крѣмнѣя*). Впрочем у Даля — «грѣбень»; *јѣмѣн* отлично от великорусского и малорусского *ячмѣнь*, *ячмѣнь*); *кѣријѣн* — *кѣрѣн* (малорусское *кѣринь* — *кѣрѣня*), должно бы иметь во втором слоге только *е*, а не *ије* (которое не имеет здесь этимологического основания), а в родительном падеже должно бы сокращать вторую гласную; но у Караджича родительный падеж *кѣрѣна* — *кѣријѣна*; *јасѣн* — *јасѣна* (ясень, *gachinus*); *бѣсѣн* — *бѣсѣна* (дерн, *saesperes*; ср. северновеликорусское *бусенѣц* — отава, молодая трава, — предполагающее *бусень*, как малорусские *кремѣнѣць*, *камѣнѣць*, *ремѣнѣць* предполагают *крѣмѣнь* и пр.); *срѣшѣн* — *срѣшѣен* (шершень, *vespa*); *гѣштѣр* (ящер; ср. *гѣштерница* = ящерица), *ѣвѣр* (щепка; ср. *ѣверень* из *ѣвер*, как малорусское *якорень* из *кѣрѣнь*); *јавѣр*, *мрамѣр*, *сјѣвѣр* (у Мажуранича *сјѣвер*); *вѣчѣр* — *вечера*, *говѣр*, *стожѣр* — *стѣжѣр* (отлично от русского *стожар*), *чѣмѣр* (чемер? — чемерица); *Дѣнај* — родительный падеж *Дѣнаја* (= *Дѣнав* — отлично от русского), *очѣх* (отчим), *ѣсов* (снежный обвал), *гѣспѣд* (отлично от русского), *чокѣт* (винная лоза, чубук).

дд) Имена с $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге и вторым слогом с постоянной долготой, независимо от качества слога: *пѣћак* — родительный и винительный падеж *пѣћака* — дательный *пѣћакѣ* — звательный *пѣћаче* — творительный *пѣћакѣм*, во множественном числе именительный падеж *пѣћаци* — родительный *пѣћака* — дательный-творительный *пѣћацима* — винительный *пѣћака* (?); *воздѣх*, *пѣглѣд*, *обѣд*, *ѣмаш*. Сюда трехсложные с неорганической беглою — *кѣрабль* (id.), *прѣйтѣсак* (жердь для защиты крыш от ветра), *запѣд*, *облѣк*, *облѣк*, *обрѣч*, *разѣум*, *прѣстѣв*, *прѣйтѣсак*, *прѣвлѣк* (маканая восковая свеча), *сѣмрак*, *ѣзраст* и др. (Ср. русские *воздух*, *остов*, *образ*, *признак*, *навык*, *пѣчерк*, *пѣгреб*, *пѣзвѣ*, *напуск*, *пѣпрыск*, *пѣромысел*, *пѣтрох*, *пѣспособ*, *ѣжас* и др. по крайней мере относительно ударения первого сло-

га); *завѣран*, *гѣлѣб*, *јастрѣб* (*јастријѣб*), *тѣтрѣб* (*тѣтријѣб*), *лѣбѣд*, *мјѣсѣц*, *пѣсар*, *рѣбар*, *Лазар*, *звѣнѣт*, *клѣнѣт*, *трѣсѣт* (трясина), *трѣпѣт*, *шапѣт*, *сѣпѣт* (название нескольких ключей воды); *вѣтѣз*, *пѣнѣзи* (pluralis), *пѣјас*, *слѣчѣј* и др., между прочим отличные от русских по ударению, как *лѣшај* — *лѣшаја*, *паѣк*; *кѣкѣш* (ср. *кѣчет*). Ср. русские *топот*, *ропот*, *скрѣжет*; *грѣшнѣк*, *лѣшнѣк*.

К б) принадлежат русские *бѣйвол* (в сербском *бѣвѣд* — *бѣвола*), *гѣголь*, *ѣдол*, *кѣпол*, *ѣмуль*, *сѣболь*, *ѣкунь*, *дѣмон*, *ладѣн*, *барѣн*, *вѣон*, (сербское *Воин* — собственное имя), *ѣжин*, *фѣлин*, *сѣван*, *бѣсер* (сербское *бисер*), *кѣзырь*.

в) С третьейю постоянной гласною.

аа) с $\hat{\ }^{\prime}$: *Бѣновић*.

бб) *грѣлѣчѣћ* и пр. Между этими именами много несоответствующих русским, как *апѣстол*, *бугарѣн*, *прѣјѣтел*, *ѣрѣвић*.

вв) На первом слоге $\hat{\ }^{\prime}$, на третьем $\hat{\ }^{\prime}$ постоянное (кроме местного падежа): *мѣченик*.

Во многих именах, относящихся сюда, в сербском, в русском стоит ударение на втором и третьем слоге: *Бѣгѣлѣб*, *лѣстѣпад*, *лѣбомѣр*, *Цѣриград*; *намастѣр*, *дѣговор*, *наговѣр*, *разговѣр* (*дѣвѣр*), *ѣбѣчѣј*. В местном падеже ударение такое, которое соответствовало бы русскому на начальном слоге: *ѣбѣчѣју*, *дѣговѣру* (Д а н и ч и ѣ, Српски акценти, 44—45).

Русские: *зѣмѣлотчик*, *накосник*, *наѣзник* (псковское, тверское), *насковородник*, *нахлѣбник*, *непрѣпуск*, *недорѣсль*.

2. С ударением в русском на втором слоге.

а) С третьейю гласною беглою.

аа) В сербском $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге, с беглою долготою на втором имен с суффиксами **-ак** (**-ѣк**), **-ац** (**-ѣць**): *зѣвојѣк* — родительный падеж *зѣвојѣка*, *зѣселѣк* — *зѣсѣлка*, *вѣдалѣц* — *вѣдаѣоца*, *давалац* — *даваѣоца*.

бб) На первом слоге, на втором долготы не бывает: *наѣвртѣк* — родительный падеж *наѣвртѣка*.

вв) Ударение $\hat{\ }^{\prime}$ на первом слоге, на втором — беглая долгота: *пѣсавац* — родительный падеж *пѣсѣвѣца* — дательный *пѣсѣвѣцу* — *пѣсѣвѣцем*, множественное число *пѣсѣвѣци* — винительный падеж *пѣсѣвѣце* — *пѣсѣвѣцима*; *бѣсиѣк* (малорусское *вѣсѣльѣк*), *зѣјѣринац* (*лѣшај*; ср. *зѣринѣц*), *лѣниѣвац*, *лѣзѣзнац* (= *лѣзѣмац* — младший сын), *ѣкрајѣк* (*segmentum*), *пѣморац* (морѣк), *трѣговац*, *ѣрѣвац*, *ѣторѣк* (ср. малорусское *вѣторѣк*) и многие др. То же ударение оста-

предлога не употребительны: *откуп, погреб*. Ср. *отпуск*.
Прибавим: в принадлежащих просторечию.

Из беспредложных: *вечер*.

Имена с постоянным ударением на первом слоге.

Сербское ударение " на первом слоге должно соответствовать русскому на том же слоге в следующих предложениях.

В о з. По образцу *ваздѣх, џзраст: вбсплах* (ярославское *тревога*), *вбзглас, вбсплеск*.

З а. Сербские *запад, заглѣх* (die Betäubung), *задах* (вонь), *задѣх* (запах). Ср. русские: *заберег* (лед у берега), *заморозь* (областные *забор, замет, замор*), *заплеск*.

Н а. *Наймит, нарост, насморк*.

О, о б. *Оберег* (охрана), *обморок, оболок, обод, обод, облик, обыв, обзык, омег, обмут, обскор* (гриб на коре дерева), *осик — осек* (полено), *отрух* (отруби), *остров, охлуп* (крыша), *оход, очен*.

О т дѣх, *отпуск*.

Р о с пуск.

П о грѣб, *побег, полог, поезд*.

П р омысл, *прѣмор*.

§ 3. ДВУХСЛОЖНЫЕ ИМЕНА С ПОСТОЯННЫМ УДАРЕНИЕМ НА ВТОРОМ СЛОГЕ В РУССКОМ

(Сюда не относятся имена со второю беглою гласною (*отец — отца*), так как в них ударение в родительном падеже хотя падает на второй по счету слог, но не на тот, что в именительном.)

а) С постоянным ударением ' на первом слоге в сербском: *завѣт, зазор, заклон, заколь, затвор, заклад, закон, занос, зарез, запис, залив, набор, нагон, накат, намет, народ, превоз* (*приѣвоз*), *приѣбој, приѣвѣс, приѣклад, приѣкор, приѣлаз, приѣход, прилог, прирез, принос, прѣрок, разгон, раздор, разлаз, разлог, разор, расад, сбсѣд* (и *сѣсѣд*) *сѣрет, сѣток* (сумерки), *улом* и др., *мајдан, гајтан* и некоторые другие, частью находящиеся соответствия в русском, частью отклоняющиеся по ударению, как имена на -еж (*грабеж, дрѣмеж, кѣтеж, лѣвеж, лѣпеж, трѣеж*), согласные с русским в именительном падеже, но отличные в косвенных (*грабежа*, русское *грабежи*, что предполагает в чакавском *грабежа*).

б) С постоянным ударением ' на первом слоге и с ^ на втором, если слог средний, и без ^, если прямой: *завѣд —*

завоја — завоју и т. д.; *завѣд, заплѣд, наплѣд, приплѣд, разплѣд, разплѣд, џбѣд*; имена на -ов (*лопов* разбойник), не имеющие соответствия в русском.

в) С постоянным ' на первом слоге во всех падежах и вторым кратким в среднем слоге именительного падежа единственного числа: *избор, џзвор, извоз, џзрод, џскуп, обѣд, обков, отров, подгон, подкров, подлом, подмор, подрод, порок, џкор* и пр.; *подбѣл — tussilago. Апан, бильег* (*бѣлег, знак*), *ваган* (деревянная миска или чаша, малорусское *ваган*), *џлен, ковчег, кожух, лѣмеш, мѣдвѣд, скѣрлет, чѣвек, балван, дџкат, драх* (орех), *товар, џнук*.

Образец склонения этих имен: *џлен — џлена — џлену — џленом*, звательный падеж, по Даничичу (Облици серпского језика), также *џлене*, множественное число *џлени — винительный падеж џлене — дательный-творительный-местный џленима*, родительный падеж, по Даничичу, *џлѣна*, по Мажураничу, *џлѣна*.

В сербском сюда: *бисер* (русское *бисер*), *вдин* (*воин*), *калпак — родительный падеж калпака* (русское *колпак*), *ваган* (малорусское, родительный падеж *вагана*), *лѣмеш* (русское, родительный падеж *лемеша*).

г) С постоянным ' на первом слоге и с ^ на втором среднем, без ^, если второй прямой: *подбѣд — родительный падеж подбоја* (пол в конюшне), *покод — покоја, полѣд* (брод, поемное место), *сабој* (толпа, давка), *џбој* (побои).

Вероятно, замечает Даничич, в звательном падеже единственного и множественного числа изменяется ударение; но как?

В русском к 2) относятся, между прочим, множество имен сложных с предлогами.

§ 4. РУССКИЕ ИМЕНА ТРЕХСЛОЖНЫЕ (= ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫМ ПОЛНОГЛАСНЫМ) В ИМЕНТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. С ударением в русском на первом слоге.

а) С третьею гласною беглою.

аа) В сербском с ^ на первом слоге: *Кѣрловац, џѣрѣвац* (ср. *Юрьевец, Киевец*) в тех падежах, где второй слог становится средним, там вторая гласная удлиняется: родительный падеж *џѣрѣвца, џѣрѣвцу*, местный падеж *џѣрѣвци*.

бб) С " на первом слоге.

Не изменяющие ударения (кроме родительного падежа множественного числа): *пáрожак* — *пáрошка* (зуб у вил), *нáвлячак* (род шерстяной карпетки, ср. *наволочка*), *пáлучак* (лучок) и удлиняющие вторую гласную в среднем слоге: *пáбирак* — *пáбѣрка* — *пáбѣрку* и пр.; *крáставац* (огурец; было бы по-русски — *короставец*), *лáкомац* (*жадный*), *пáројак* (парой), *пáсторак* (пасынок), *пáменац* (упоминание), *прáпорац* (звонок), *првэнац* (родительный падеж *првэнца* — *првиѣнца* = русскому *первак*, предводитель).

Постоянно сохраняющие долготу во втором слоге: *завора́н* (притыка, заноза у ярма; ср. *шворень*), *запѣра́н* (род запора у ворот или дверей), *кѣврта́н* (нечто согнутое в круг, например, коса), *обѣрта́н* (род кольца для привязки лошадей) и др.

В русском ср. с -ень (-нь): *завале́нь*, *заверте́нь*, *загибене́нь*, *замере́нь*, *заходене́нь*, *заболоте́нь*, *наверче́нь*, *нагрызене́нь*, *накипе́нь*, *насовене́нь*, *накожни́*, *налужни́*, *наручни́*, *обводене́нь*, *обверте́нь*, *ободене́нь*, *обочене́нь*, *обигене́нь*, *обробене́нь*, *обкороте́нь*, *обпоте́нь*, *обпустене́нь*, *обхабене́нь*, *обхлопене́нь*, *обхлупене́нь*, *обпивене́нь*, *обтростене́нь*, *сѣпарене́нь*, *пáводене́нь*, *пáузе́нь*, *пéреверте́нь*, *пббоче́нь*, *пбкрестене́нь*, *прѣузе́нь*, *ѣвале́нь*; -ок: *за́дворок*, *сѣпּря́док*, *пáводок*, *пáглинок*, *пáсынок*, *прѣдворок*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В славянских наречиях позднейшего периода, начало коего приблизительно определяется потерей глухих звуков на конце, приобрела весьма сильное влияние на звуки «славянская позиция», т. е. положение гласной перед согласной того же слога. Средний или обратный слог производят долготу или за исчезновением ее сильнейшее ударение гласной; слог прямой содействует ее сокращению или опущению. Противоположность слогов прямых и обратных средним объясняет такие явления, как замена глухих гласных чистыми и их замещение в различных славянских наречиях дифтонгированною гласною: в малорусском (*вѣл* — *вола*, *сѣм* — *семи*), польском (*wół* — *wołu*), чешском и словацком. Сербский язык служит доказательством, что славянская позиция не только производит долготу гласной, но вместе с тем влияет и на ударение.

а) Влияние среднего слога отождествило основные гласные формулы $\bar{a} = \bar{aa}$ с основной гласной формул $\bar{a}$ ($\bar{aa}$ —

в чакавском $\bar{a}\bar{a}$) и с кратким гласным $\bar{a}$. Так, *снѣ́јег* — родительный падеж *снѣ́јега* (снѣг — снѣга) имеет в именительном падеже единственного числа одинаковое ударение с *грѣ́јех* (грѣх); в этом последнем и ему подобных ударение подвинулось на первую половину долгой гласной единственно в силу позиции, образовавшейся после потери конечного ера, а до этого стояло на второй половине, что и обнаруживается в косвенных падежах, где $\bar{h}$ принадлежит к прямым слогам: *грѣ́јеха* (чакавское *грѣ́хъ*, русское *грѣхъ*). В слове *снѣ́гъ* и во время двухсложности ударение стояло на том же месте: по крайней мере, ничто не дает нам повода думать противно. В слове *грѣ́хъ*, судя по родительному падежу, ударение могло перейти на $\bar{h}$ с окончания не раньше, как с исчезновением этого окончания.

Подобным образом $\bar{a}$ в среднем слоге, удлиняясь, изменяется в $\bar{a}$: *стра́х* (как *ста́н*), но *стра́ха* (отлично от *ста́на*).

Почему во многих случаях $\bar{a}$ и в среднем слоге не изменяется в $\bar{a}$, неизвестно (ср. *стра́х* — *стра́ха* с *ма́х* (и *ма́х*) — *ма́ха*?). Почему *мра́з* согласно с русским *мороз*, тогда как по вышесказанному следовало бы ожидать *мра́з* — *мра́за* (русское *мороз* — *мороза*)?

Не видно причин изменения $\bar{a}$ в $\bar{a}$ в среднем слоге (именительный падеж) имен односложных. Наиболее характеристично отличие таких имен, образцы коих под $\bar{a}\bar{b}$, состоит в том, что большая часть их имеет в корне $\bar{o}$, остальные — $\bar{a}$; остальных случаев или вовсе нет ($\bar{i}$, $\bar{y}$, $\bar{k}$, $\bar{h}$, $\bar{a}$, $\bar{h}$), или они есть в двух-трех случаях ($\bar{o}$, $\bar{y}$). В конечных согласных этих имен односложных не вижу ничего особенного сравнительно с теми, которые и в среднем слоге сохраняют $\bar{a}$: ср. *бѣг* — *бѣга* и *плѣг*; *бѣк* — *бѣка* и *лѣк*; *стра́х* — *стра́ха* и *грѣ́х*; *брѣд* — *брѣда* и *гѣд*; *та́ст* — *та́ста* и *зѣт*; *вѣз* — *вѣза* и *мра́з*; *нѣс* — *нѣса* и *спѣс* и т. д.

В числе сохраняющих $\bar{a}$ в среднем слоге нет только, по видимому, имен на $\bar{j}$.

В именах двухсложных со второю беглою гласною и с ударением $\bar{a}$ на первой в падежах, где первый слог прямой, $\bar{a}$ изменяется в $\bar{a}$ в слоге среднем, если этот слог оканчивается на $\bar{l}$, $\bar{n}$, $\bar{r}$, $\bar{i}$, $\bar{m}$, $\bar{x}$ и не изменяется в других случаях, за исключением *ѣбао* — *ѣбла*.

Не объясняя физиологически, каким образом эти согласные, сходясь с другими согласными ($\bar{x}$, $\bar{c}$, $\bar{l}$, $\bar{t}$), удлиняют предшествующую им гласную, заметим отчасти сход-

ный случай с польским, где о (и), происшедшее из о посредством дифтонгообразования, стало быть удлинения этого последнего, встречается по правилу лишь в средних слогах с конечной звучной (г, б, д, ж, з, дз, л, р, а местами и м, н). Отзвучная сохраняет краткость предшествующей гласной.

В сербском, судя по примерам б, вв), на удлинение гласной в среднем слоге влияют не все звучные, а только наиболее длительные из них, х в польском относится к одному разряду с к, г, п, а в сербском — с ј, в, потому что сербское х более длительно, чем польское, и может совсем не опускаться.

В именительном падеже единственного числа имен образаца *дјевѣр* вторая гласная удлинена во втором (среднем) слоге и сокращается в слогах прямых (*дјевѣра* — *дјевѣру* и пр.). Из перечисленных по **Біогг** видно, что это бывает перед л, п, р, ј = в (за исключением двух случаев: *гдспѣд* и *чѣкѣт*). То же в именах образаца *завѣј* — *завѣја* — *завѣју* и т. д. перед -ј, -в (имена на -ов: *лѣпѣв*) и в одном *мѣтѣж* (хотя в других на -еж е не удлинняется; в *кутъяк* (кутный зуб), *рѣжъяк* — у Караджича ударение второго слога обозначено постоянным, но тем не менее они помещены Даничичем здесь (Даничић, Српски акценти, 28). То же и в именах образаца *пѣкѣј* — *пѣкѣја* перед -ј (Даничић, *ibid.*, 30).

Кѣрловац, но где второй слог становится средним, там над ним ˘: *Кѣрлѣвца* — именительный падеж множественного числа *Кѣрлѣвци*. Перед в) (Даничић, *ibid.*, 35) *парѣяк* — *пѣрѣја* — *пѣрѣју* и пр.. *Крѣставац* — *крѣстѣвца*, *жѣтѣлац* — *жѣтѣлца* (= *жѣтѣоца*), *пѣбирак* — *пѣбѣрка*, *пѣвенац* — *пѣвѣнца*, *лѣкомац* — *лѣкомца*, (все перед ј, в, л, р, н, м — Даничић, *ibid.*, 40), *наставак* — *настѣвка*, *завѣяк* — *завѣјка*, *засѣнак* — *засѣнка*, *размерак* — *размѣрка*, *владацац* — *владѣоца* (ј, в, н, л, р — Даничић, Српски акценти, 34—35), *дѣстанак* — *дѣстанка* (ј, в, л, р, н, м — Даничић, *ibid.*, 37).

˘ на втором прямом слоге и ˘ на среднем: *покрѣвац* — *покрѣвца*, *синѣвац* — *синѣвца*.

1) В литературном языке имена, сохраняющие ударение именительного падежа единственного числа во всех падежах, не исключая местного единственного числа, именительного и родительного падежа множественного числа:

а) Односложные в именительном падеже единственного числа (конечные ь- и -ь не считаются) с постоянною гласною в корне.

Не изменяют ударения:

α) Односложные, имеющие в основании явственное для общего сознания отвлеченное значение: *вид*, *слух*, *вкус*, *взгляд*, *склад* (*складѣв* — отвлеченное и единичное отлично от собирательного *складѣы* — *складѣв* — в азбуке), *клад*, *клад* (клады), *гнет* (местный падеж *гнетѣу* — о гнетущем предмете, тисках и т. п.) — *гнетѣ* (давление в собственном и переносном смысле), *рост*, *толк* (толков), *бег* (ср., например, *на бегѣу*, *бегѣм*, *в бегѣх* с отвлеченным *бег*, *бегѣм*, *бегѣи*), *кров*, *лов*, *ков*, *клюв*, *зев* (хотя отвлеченное значение и не для всякого ясно, но постоянное ударение удерживается, так как слово более книжное), *смех*, *спех*, *свод* (*в свѣд*, *взвод*), *нос* (*в снос*, *взнос*), *сгон*, *сброд*, *спрос*, *срок*, *ток* (в отвлеченном значении), *сбор*, *спор*, *вздор* (*дор* — в конкретном *на дорѣу*, множественное число *дорѣы*), *взор*, *слог* (*лог* — в конкретном *в логѣу*, множественное число *логѣв*), *сгиб*; *бред* (книжное *брѣде*, например; в *брѣдѣу*; множественное число было бы *брѣды* — *брѣдѣв*), *вдох*, *ввоз* (ср. конкретное *воз* — *возѣу* — *возѣы*), *ток* (отвлеченное отлично от *ток* — гумно), *вид* (*в виде*, *видѣв*), *крик*, *клик*, *иск*, *миг*, *мор*, *рев*.

β) Нельзя ожидать здесь строгой последовательности языка. Границы между значением отвлеченным (действие или состояние как предмет) и конкретным (действующий предмет, предмет, подлежащий действию, предмет как результат действия) не всегда явственно различаются в языке.

Так, слово *лад*, в коем можно предполагать и отвлеченное значение (процесс согласования), в языке имеет только форму, свойственную конкретному значению (*в ладѣу*, *ладѣы*, *в ладѣх*.)

бб) Слова со значением конкретным (потерявшие значение отвлеченное или не имевшие его), но принадлежащие к области книжного языка, так сказать окрашенные отвлеченностью мысли. Таковы, например, церковнославянские слова: *град*, *глас*, *хлад*, *страж* (во множественном числе ударение на том же слоге), соответственные коим народные во множественном числе принимают оттенок собирательности и переносят ударение на окончание (*голосѣв*, *холодѣв*, *сторожѣй*).

Язык мог бы поступить со словом *град*, как с *враг* (переносным ударением на окончание: *врагá, враги* и пр.), и однако это последнее слово остается исключением.

Сюда же относятся слова, частью архаические, частью заимствованные, частью малоупотребительные в простонародном языке, в местном падеже единственного числа и во множественном числе, а в других падежах единственного числа сохраняющие постоянное ударение и в просторечии — по причинам фонетическим: *слог* (*stilus*) — *слóге* — *слóгов* (быть может, *слóгов* — *syllaba*), *гáды*, *гáды* (*grandines*), *дéды* (дедов), *кмéты*, *ляхи*, *лúки*, *стяги*, *трúпы*, *стáны* (*castra*, но на *стану*, *станы*, например, ткацкие), *сбóки*, *дúхи* (*animae, lemures, daemones*) отлично от *духи* — *духов* (*agmata*), *хлéбы* (печенье, отлично от *хлебы* — *хлебóв* — *segetes*), *яды*, *бéги*, *гáфы*, *дúки*, *тúгры*, *гúфы*, *шкафы* — *шкафóв* (но Востоков *шкафы* — *шкафóв*), *тбмы*.

В самом народном языке есть слова, сохраняющие постоянное ударение во всем склонении по причинам фонетическим. Сюда относятся, между прочим, полногласные слова с ударением на втором слоге: *волóхи*, *горóхи*, *морóзы*, *порóги*, *порóмы*, *холóпы*. Сюда же *раки* и др.

б) Двухсложные имена с ударением на втором слоге. Значение — как в *аа*). Сложение с предлогами мешает слову принимать окончание местного падежа -у и переносить ударение на окончание множественного числа, хотя бы значение сложного слова и было конкретное. Это лишь отчасти может быть объяснено книжностью сложных слов. Ср. *состáве* — *состáвы* (*состáвов*) — ср. *ставóв* — в великорусском и малорусском на (*при, рас, от*) *ходе* — *хóды* (*ходу*), *испóде* (*подú, подах*), *закóн* (на *конú* — *коны*), *раскóл* (*кол* — *кола* — *колу* — *колóм*, *два кола* — *колы*), *подóл* (*долы*, но *долóв* — в *долú*?), *сугрóб* (в *грóбу* — *грóбы* — *грóбов*), *разбрóд* (на *брóду*), *извóз* (*вóза*), *ис* (но, *при*) *тóк*, *помóст* (*мóста*, на *мóсту* — *мóсты*); *сна* (*под, за*) *ряд* (в *рядú* — *ряды*), *посáд* (в *садú* — *сады*), *за* (*от, при*) *вал* (на *валú* — *валы*), на (*от*) *вар* (*вару*), *пожáр* (*жарú* — *жары*), *почúн* (*чúны*), *за* (*под, на*) *лог* (в *логú* — *логи*), *запруд* (*пруду* — *пруды*), *покóрм* (в *кормú* — *кормóв* — *корма*), *излóм* (в *лóме* — *ломú*, *лóмы* и *ломы*), *полéт* (*пролét* и *лет* — на *лету*).

Таким образом: *обмáн*, у (*за*) *гáр*, *размáх*, *зажúг*, *заклáд*, *догóн*, *ухáб*, *приказ*, *поджóг*, *приём*, *припéк*, *утéк*, *учёт*, *раскóп*, *утёс*, *ушúб*, *ужúн*, *нажúм*, *помúн*, *нажúв*,

разлúв (*залúв*), (*с*) *почúв*, *затвóр*, *вопрóс*, *под* (*до*) *нос*, *покóй*, *застóй*, *пропóй*, *разбóй*, *завóд*, *порóг*, *улóв*, *прогóн*, *поклóн*, *урóн*, *услóн*, *поскок*, *урок*, *узóр*, *зázóр*, *умóр*, *зabóр*, *протóр*, *раздóр*, *помóл*, *укóл*, *потрав*, у (*за*) *хвáт*, *закúр*, *недúг*, на (*раз*) *рýв*, *посыл*, *сосуд*, *досúг*, *порúб*, *искус*, *союз*, *напéв*, *посéв*, *сугрéв*, *обéд*, *сосéд*, *уёзд*, *раз* (*под*) *рéз*, *про* (*под*) *бéл*, *примёр*, *отдёл*, *обмён*, *рассвёт*, *расцвёт*, *рас* (*по*) *стрéл*, *ночлэг* (старинное *ночлэг*), украинское «в одбóї» (К о т л я р е в с к и й, 218); «пролом» (*ibid.*, 219); *прожóгом лúзти* («Не лúзь прожогом» — *ibid.*, 127); *з розгóна*, *з наскоку*.

ПРИМЕЧАНИЯ

Название «Ударение» не принадлежит А. А. Потевне. В рукописи его труд состоит из двух частей, и каждая имеет свое заглавие: 1. «Ударение в спряжении»; 2 «Ударение в склонении».

Как название науки термин «ударение» встречается уже в статьях Я. К. Грота, хотя последний предпочитает слово «просодия». Ср., однако: «Наконец и то, что окажется окончательно не подлежащим определению, должно служить поучительным материалом для полного и беспристрастного вывода о русском ударении: ибо, повторяю, цель моя — не подтверждение какой-нибудь заранее составленной о нем теории, а просто выяснение вопроса: насколько в явлениях его можно подметить определенные законы?» (Я. К. Грот, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858, стр. 199).

Стр. 21. Слово «Вступление» у А. А. Потевни отсутствовало. Текст, который можно понимать как вступление ко всей книге, помещался непосредственно за названием «Ударение в спряжении». Поскольку он в равной мере относится к обеим частям труда А. А. Потевни, при опубликовании последнего признано целесообразным поместить его перед ними.

В копии, сделанной женой ученого М. Ф. Потевней, сохранилось начало вступления, впоследствии измененное автором. Ниже приводим его текст:

«Об ударении в русских глаголах см. Востокова «Русская грамматика» (пространная) и Грота в Прибавлениях к изданию II отделения Академии «Замечания о спряжении русского глагола» («Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I) и «О глаголах с подвижным ударением» (ibid., т. III, л. XXII). Оба эти ученые имеют в виду один только русский литературный язык и, указывая на факты, не вдаются ни в какие исторические объяснения, т. к. ударения в древнем русском языке по памятникам пока неизвестны.

Вопрос об ударениях в настоящее время, сколько мне известно, может быть сведен на историческую почву единственно только сравнением русских наречий между собой и с ближайшими к ним живыми славянскими наречиями, именно задунайскими главным образом. Из этих последних я беру сербохорватские, так как для изучения болгарского и хорутанского в тоническом отношении имеется слишком мало пособий и так как сверх того хорутанское, сколько мне известно, подверглось и в этом отношении сильным изменениям древнего строя».

Стр. 21. Термин «слогодударение» как название науки, изучающей системы ударения и их развитие, заимствован А. А. Потевней из «Русской грамматики» А. Х. Востокова и встречается лишь во вступлении. Далее в этом значении употребляется «ударение».

Стр. 21. Слова «показать, на котором слоге (двухсложного или многосложного слова) должно быть ударение», в обеих копиях взяты в кавычки как цитаты из «Русской грамматики». В действительности же это лишь приблизительный пересказ текста А. Х. Востокова, имеющего следующий вид: «Слогодударение есть часть грамматики, показывающая, на котором слоге должно быть повышение голоса, или ударение» (Русская грамматика, § 179).

Стр. 21. Термин «ударение» употреблен здесь и далее в его основных значениях, известных русской грамматике еще с XVIII в. (См.: Ф. Поликарпов, Лексикон славено-росский, 1704; М. В. Ломоносов, Российская грамматика, 1755, § 32; А. Х. Востоков, Русская грамматика, 1831, § 7). Означает выделение звука в слове усилением голоса или повышением тона, а также значок над буквой, указывающий на такое выделение звука.

Стр. 21. До труда А. А. Потевни термин «тонический» в русской грамматической литературе не встречается.

Стр. 21. «Русский» здесь и далее преимущественно в значении восточнославянский.

Стр. 22. О системе ударений в русской грамматической литературе упоминается впервые. Ср. название монографии Ф. Боппа «Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Übereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen».

Стр. 22. В русской грамматике термин «акцентуация» впервые употреблен А. А. Потевней, который понимает под ним законы, относящиеся к системе ударения в определенных языках, а также и самую теорию ударения. Заимствован из указанного выше труда Ф. Боппа.

Стр. 22. Согласно языковедческой традиции середины XIX в., А. А. Потевня употребляет *хорутанский* как синоним к *словенский*.

Стр. 23. Научные основы сравнения восточнославянского ударе-

ния с ударением языков южнославянских были заложены отечественным ученым А. А. Потебней в статье «О полногласии», впервые опубликованной в «Филологических записках» за 1864 г.

Стр. 23. На удивительное сходство восточнославянского ударения с ударением чакавского наречия впервые указал хорватский ученый А. Мажуранич в статье «O važnosti akcenta hrvatskoga za historiju Slavjanah», напечатанной в «Programm des k. k. Gymnasiums zu Agam am Schlusse des Schuljahres» за 1863 г.

К таким же выводам пришли отечественные ученые А. А. Потебня (1864 г.) и Р. Ф. Брандт (1880 г.) после ознакомления с книгой А. Мажуранича «Slovnica hrvatska», изданной в 1859 г. В своих трудах А. А. Потебня ссылается на второе ее издание (1861 г.).

Стр. 23. Ф. Бош — основатель сравнительной филологии положил также начало сравнительному изучению ударения в индоевропейских языках.

В книге «Vergleichendes Accentuationssystem...» он рассматривает санскритское ударение в сравнении с греческим и латинским и доказывает, что эти языки родственны по ударению. По его мнению, литовское и первичное славянское ударение также имело некоторое сходство с ударением этих языков.

Стр. 24. Термин «переход ударения» впервые применил А. Х. Востоков («Русская грамматика», § 181).

Стр. 24. Термин «подвижное ударение» ввел в употребление А. Х. Востоков («Русская грамматика», § 182). Позже был принят И. И. Давыдовым («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», § 76) и Я. К. Гротом (статья «О глаголах с подвижным ударением», стр. 346).

Стр. 61. Здесь и далее приведены примеры из статьи Я. К. Грота «О глаголах с подвижным ударением».

Стр. 112. Пример из статьи П. А. Лавровского «О русском полногласии», опубликованной в «Известиях Отделения русского языка и словесности», т. VII, 1858, стр. 209.

Стр. 158. В обеих копиях, по-видимому, ошибочно *опущение*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беринда П., Лексикон славено-росский и имен толкование, К., 1627.
- Бессонов П., Главные вопросы языка новоболгарского, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21, М., 1855.
- Востоков А. Х., Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПб., 1831.
- Вунч В., Српска граматика, Београд, 1863.
- Грот Я. К., Замечания о спряжении русского глагола, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I, СПб. 1853.
- Грот Я. К., О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных, «Известия Академии наук», вып. 5, т. VIII, 1860.
- Грот Я. К., О глаголах с подвижным ударением, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. III, СПб., 1856.
- Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV, М., 1863—1866.
- Даничић Ђ., Облици српского језика, у Београду, 1863.
- Даничић Ђ., Српски акценти, «Гласник Друштва Српске Слоvesности», кн. VIII, 1856.
- Караџић В., Српски рјечник иступачен њемачкијем и латинскијем рјечима, у Бечу, 1852.
- Крижанич Ю., Граматично изказанје об руском језику, «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. I, М., 1848.
- Лавровский П. А., О русском полногласии, ИОРЯС, т. VII, 1858.
- Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук, СПб., 1852.
- Павский Г. П., Филологические наблюдения над составом русского языка. Третье рассуждение. О глаголе, СПб., 1842.
- Hattala M., Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského, v Praze, 1856—1857.
- Маџураић А., Slovnica hrvatska. Za gimnazije i realne škole, Dio I, Rječoslovje, u Zagrebu, 1861.
- Miklosich Fr., Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. B. III, Formenlehre, Wien, 1856.

Pott Aug-Friedr., Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen, unter Berücksichtigung ihrer Hauptformen, Sanskrit; Zend-Persisch; Griechisch-Lateinisch; Litauisch-Slawisch; Germanisch und Keltisch, B. II, Detmold, 1861.

Sankof A. und D. Kyriak, Grammatik der bulgarischen Sprache, Wien, 1852.

Schleicher A., Litauische Grammatik, Prag, 1856.

Бессонов, Болгарские песни — Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, издал Петр Бессонов. I. Песни юнашки: молодецкие, героические или эпические. II. Песни женски: мифические или баснословные, колядки, кралицкие, сватовские-свадебные, пастушеские, подорожные, хороводные, любовные и проч. Песни воинские или воинственные. Стихи и переводы болгар, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21-22, М., 1855.

Гребенка — Малороссийские приказки Е. Гребенки, СПб., 1834.

Домострой — Домострой благовещенского попа Сильвестра. Сообщено Дмитрием Павлов. Голохвастовым, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 1, М., 1849.

Кв.-Осн. — Повісті Грігорія Квітки Основьяненка, т. I, II, Спб., 1858.

Костомаров, Песни — Н. И. Костомаров, Народные песни, собранные в западной части Волынской губернии. Малорусский литературный сборник, Саратов, 1859.

Котляревский — Вергилиева Енеида на украинскую мову перелицевана. Сочинение И. П. Котляревского, К., 1863.

Кулиш — Записки о Южной Руси, т. I, СПб., 1856; т. II, СПб., 1857.

Метлинский — Народные южнорусские песни, К., 1854.

Номис — Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О. В. Марковича и других, спорудив М. Номис [М. Т. Симонов], СПб., 1864.

Сборн. Сев.-зап. кр. — Сборник памятников народного творчества в Северо-западном крае, вып. I, Вильна, 1866.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОПРОСЫ АКЦЕНТОЛОГИИ В ТРУДАХ А. А. ПОТЕБНИ	3
ВСТУПЛЕНИЕ	21
УДАРЕНИЕ В СПРЯЖЕНИИ	24
I. Ударения в настоящем времени и неопределенной форме	24
§ 1. Различия настоящего времени в русском и сербском	24
§ 2. Мена ударения внутри отдельных разрядов	28
I разряд. Настоящее время	28
II разряд	30
1. Образец <i>веду</i> — <i>ведёшь, весті</i>	30
2. Образец <i>пряду</i> — <i>прядёшь, прядь</i>	33
3. Образец <i>дму</i> — <i>дмешь, дуть; тру</i> , малорусское <i>тёрти</i> ; <i>рву</i> — <i>рвать</i>	34
4. Корни на основное <i>р</i> (в составе спряжения, II, 1, в)	36
II. Особый отдел	41
Глаголы с корнем на <i>у</i> , с характером <i>-je-</i> (III, 2, а)	41
Глаголы с корнем на <i>-а- (-б-)</i> , с характером <i>-je-</i> (III, 2, г)	42
Глаголы с характером <i>-н-</i> (IV разряд)	42
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-б-}$ (V, 1)	42
Глаголы с характером $\frac{-ве-}{-б-}$, после шипящих $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 2)	44
Глаголы с характером $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 4, а и б)	50
Глаголы с характером $\frac{-yje-}{-ова-}$ (VI, а)	54
Образец <i>иду</i> — <i>ити</i>	55
Образец <i>колю</i> — <i>колешь, колѣти (колѣть); пишу</i> — <i>пишешь, писати</i>	57
Глаголы с корнем на <i>р, л</i> , с характером <i>-je-</i>	57

Глаголы на разные согласные с характером $\frac{-je-}{-a-}$ (III, 2, б)	57
Глаголы с характером $\frac{-не-}{-ну-}$ (IV разряд)	59
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-в-}$ (V, 1)	62
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)	62
Образец. Ударение в обеих формах постоянно на корне	69
Глаголы с корнем на согласную (II, 1, а)	69
Глаголы с корнем на гласные а, в, и, у, ы (III, 1, а)	69
Глаголы с корнями на а, и, ъ и характером $\frac{-je-}{-ja-}$ (III, 2, в)	70
Глаголы образца III, 2, б по образцу <i>мазати</i> — <i>мажу</i> , сербское <i>мазати</i> — <i>мажем</i>	71
Образец. Глаголы с неподвижным ударением на корне	71
Глаголы с -и- в характере (IV разряд)	71
Глаголы с характером $\frac{-а-}{-а-}$ (V, 1)	72
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)	72
Глаголы с характером $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 4, а) и отчасти V, 4, б — именно некоторые из $\frac{-и- + -ае-}{-и- + -а-}$	73
Глаголы на $\frac{-у/е-}{-оаи-}$ (VI, а)	74
Глаголы великорусские $\frac{-ывае- — -ивае-}{-ыва- — -ива-}$ и равные им по значению малорусские $\frac{-у/е-}{-оаи-}$	75
III. Повелительное наклонение	76
§ 1. Соотношение повелительного наклонения и настоящего времени	76
§ 2. Глаголы с постоянным ударением на односложном характере настоящего времени	79
Глаголы IV разряда с характером -и- : <i>дохну</i> — <i>дохни</i> , <i>махну</i> — <i>махни</i>	80
Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, б): <i>вели</i> — <i>вели</i> — <i>велити</i> ; <i>верти</i> — <i>верчу</i> — <i>вертьти</i>	80
Глаголы $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)	80

§ 3. Глаголы с подвижным ударением в русском и с ударением настоящего времени, отличным от ударения неопределенной формы в сербском	81
§ 4. Глаголы с односложным характером и постоянным как в русском, так и в сербском ударением на корне	82
§ 5. Глаголы <i>вми</i> , <i>дами</i> , <i>вми</i>	82
IV. Причастия и деепричастия настоящего времени	83
§ 1. Причастия настоящего времени действительные	83
§ 2. Причастия настоящего времени страдательные	84
§ 3. Деепричастия настоящего времени	84
1. Деепричастия на -а (-я)	84
2. Деепричастия на -учи (-ючи)	85
V. Аорист и преходящее	86
§ 1. Аорист и преходящее в древнерусском и современном сербском	86
§ 2. Различие аориста и преходящего	88
§ 3. Ударение аориста в болгарском	90
VI. Причастия прошедшего времени	92
§ 1. Причастия прошедшего времени действительные на ль-	92
§ 2. Причастия прошедшего времени страдательные	98
Приложения	106
УДАРЕНИЕ В СКЛОНЕНИИ	112
Ударение существительных	112
I. Склонение 1-е	112
§ 1. Именительный падеж единственного числа	112
§ 2. Звательный падеж	114
§ 3. Предложный падеж единственного числа	115
§ 4. Именительный падеж множественного числа	117
II. Склонение 2-е	119
III. Склонение 3-е	121
§ 1. Существительные с неизменным ударением в единственном числе	121
§ 2. Существительные с изменчивым ударением	125
IV. Склонение 4-е	128
Ударение прилагательных	130
§ 1. Односложные прилагательные	130
§ 2. Двухсложные прилагательные	132

§ 3. Трехсложные и четырехсложные прилагательные	136
§ 4. Ударение сравнительной степени	137
Склонение -ъ, -ь (варианты)	138
I вариант	138
§ 1. Имена с неизменным ударением во всех падежах	139
§ 2. Имена, изменяющие ударение в местном падеже и множественном числе	141
II вариант	145
§ 1. А. Односложные имена, как <i>дом — двма — дому — домом</i> , местный <i>доме — дому</i> , и двухсложные полногласные имена, как <i>голод — голода</i> и <i>мороз — мороза</i>	145
§ 2. Б. Имена двухсложные в именительном падеже единственного числа	149
§ 3. Двухсложные имена с постоянным ударением на втором слоге в русском	156
§ 4. Русские имена трехсложные (=четырёхсложным полногласным) в именительном падеже единственного числа	157
Приложения	158
Примечания	164
Библиография	167

Александр Афанасьевич Потемня

УДАРЕНИЕ

Печатается по постановлению ученого совета Института языковедения им. А. А. Потемни АН УССР

Редактор *В. Е. Дудко*. Художественный редактор *Р. К. Пахолок*. Оформление художника *Н. Ф. Кормыло*. Технические редакторы *Т. Е. Смолякова, И. А. Ратнер*. Корректор *Л. Г. Усальцева*.

Сдано в набор 27.I 1973 г.
Зак. № 72. Изд. № 22

Издатель

Киевская книжная торговая
венного объединения

Полпписано к печати 30.VIII 1973 г. БФ 00471.
Усл. печ. листов 9,03. Учетно-издательский лист 92 коп.

357616

Репина, 3
публиканского производ-
ства УССР, Киев, Репина, 4.